
JOHN GARDNER
NOBODY LIVES FOR EVER
A JAMES BOND NOVEL

Никто не живет вечно
Джон Гарднер

Аннотация
Никто не живет вечно
Информация о книге
1. Дорога на юг
2. Ядовитый гном
3. Сьюки
4. Охота за головой
5. Нанни
6. ОАН
7. Крюк
8. Соблюдая дисциплину
9. Вампир
10. Поклонник Моцарта
11. Соколиное перо и Мракобес
12. Англия ждет
13. Добрый вечер, мистер Болдман
14. Город, в котором всегда лето
15. Цена жизни
16. Сегодня ночью
17. Акулий остров
18. Мадам ждет
19. Смерть и разрушение

20. Восторг и аплодисменты

Аннотация

Новая глава СПЕКТРа Тамил Рахани лежит при смерти с парализованным позвоночником, которого «съедает» рак. Это постарался наш добрый Джеймс Бонд, из-за которого в финале предыдущей книги «Почетная роль» Тамил Рахани выпал из летящего дирижабля. Тамил Рахани знает, что ему осталось жить недолго, и его последнее желание — увидеть голову Бонда на серебряном блюде. За голову Бонда он объявляет суперприз — десять миллионов швейцарских франков. Участие в этом состязании может принять любой — от частного лица до целой террористической группировки. Но приз в десять миллионов достанется только одному участнику или одной группировке…

Никто не живет вечно

Информация о книге

2014

© 1986 Glidrose Publications Ltd.
© Куоррел, 003.5 и Ian Lemming, перевод на русский язык, 2014 www.james-bond.ru

Питеру и Пег с любовью

1. Дорога на юг

Сидя за рулем своего роскошного «Бентли», Джеймс Бонд с запозданием включил поворотник, затормозил гораздо резче, чем это понравилось бы его инструктору по вождению, и свернул с автострады E5 на последний съезд к северу от Брюсселя. Это была простая мера предосторожности. Чтобы добраться до Страсбурга к полуночи, логичнее было продолжать движение по кольцевой, огибавшей Брюссель, после чего вырулить на бельгийское шоссе N4 и ехать в южном направлении. Но Бонд знал, что даже в отпуске следует быть начеку, и небольшой крюк по сельской местности поможет ему быстро обнаружить возможный хвост. А через час или около того он вернется на европейский маршрут E40.

Недавно все сотрудники Секретной службы получили директиву: «сохранять постоянную бдительность даже в неслужебное время, особенно в отпуске и за границей».

Этим утром Бонд сел на паром до Остенде, но посреди Ла-Манша судно остановилось более чем на час. Спущенная на воду шлюпка кружила

вокруг парома около сорока минут, после чего прилетел вертолет, и судно двинулось дальше, а вскоре стало известно, что двое пассажиров упали за борт и бесследно исчезли.

«Молодые балбесы, — пояснил бармен, — дурачились, дурачились — и доигрались. Здесь такое часто бывает. Наверняка их винтом разрубило».

Пройдя таможенный контроль, Бонд припарковал свой «Бентли-Мулсанн-Турбо» в безлюдном переулке и открыл потайное отделение в приборном щитке. Автоматический пистолет «АСП» калибра 9 миллиметров и запасные обоймы были на месте. Бонд достал из тайника небольшую телескопическую дубинку в чехле из мягкой кожи и, отстегнув ремень безопасности, прицепил ее к поясу брюк с правой стороны. Этот черный стрежень длиною около пятнадцати сантиметров был эффективным средством самообороны, а в руках профессионала становился смертельным оружием.

В дороге, время от времени меняя положение тела, Бонд ощущал на бедре приятную тяжесть металла. Он сбросил скорость до сорока километров в час и разгонялся только на поворотах, то и дело поглядывая в зеркало заднего вида. Спустя полчаса он убедился, что хвоста не было.

Но даже несмотря на директиву Бонд вел себя осторожней обычного. Что это — шестое чувство или слова М, сказанные пару дней назад?

— Нашел время для отдыха! — проворчал шеф, но тогда Бонд не придал этому значения. Всем было известно, как М относился к сотрудникам, уходящим в отпуск.

— Но мне полагается отпуск, сэр. Вы сами согласились отпустить меня на месяц. Если помните, мне пришлось отложить его в начале года.

М хмыкнул.

— Манипенни тоже вздумалось прошвырнуться по Европе. А вы, часом…

— Часом, не вместе? Нет, сэр.

— Наверное, ты куда-нибудь на Ямайку или на Карибы, да? — предположил М, нахмурившись.

— Нет, сэр. Сначала — в Рим. Затем проведу пару дней на Ривьере дей Фьори, после чего поеду в Австрию, чтобы забрать мою экономку Мэй. Надеюсь, к тому времени она поправится и сможет вернуться в Лондон.

— Ну да… Ну да… — продолжал ворчать М. — Что ж, оставь Начальнику штаба свой точный маршрут. Кто знает, когда ты нам понадобишься.

— Уже оставил, сэр.

— Береги себя, 007. Будь начеку. В наши дни

Континент кишит злодеями, так что излишняя предосторожность не помешает.

Глаза моряка блеснули холодной сталью, и Бонду показалось, что шеф чего-то не договаривает…

На прощание старик проявил вежливость и выразил надежду на то, что Мэй поправится.

На тот момент пожилая шотландка Мэй, преданная экономка Бонда, была единственной причиной тревог на безоблачном горизонте. Зимой она дважды перенесла серьезный бронхит и заметно сдала. Казалось, что Мэй работала у Бонда целую вечность. И если вдуматься, то помимо Секретной службы, она была единственным постоянным элементом в его насыщенной событиями жизни.

После второго случая бронхита Бонд настоял на комплексном обследовании и показал ее доктору с Харли-стрит, к услугам которого часто прибегала Секретная служба. Мэй возражала, говорила, что она «еще крепкая птичка и в кастрюлю ей рановато», но Бонд был непреклонен. Последовала неделя изнурительных походов по врачам и бесконечного ворчания, однако диагноз оказался неутешительным: сильный отек левого легкого грозил серьезным осложнением. Врачи рекомендовали немедленно удалить легкое и

направить Мэй в санаторий на трехмесячный отдых, в противном случае до своего следующего дня рождения она могла попросту не дожить.

Операцию провел лучший хирург, который был по карману Бонду, и как только Мэй набралась сил, ее отвезли в известную на весь мир клинику Моцарта, которая находилась в горах, к югу от Зальцбурга. Бонд регулярно звонил туда, и пациентка поразительными темпами шла на поправку.

Прошлым вечером он даже разговаривал с ней лично, и теперь улыбнулся, вспоминая, каким гневным тоном Мэй отзывалась о клинке. Она проклинала весь персонал — от прислуги до поваров.

— Они даже готовить прилично не умеют, мистер Джеймс! — жаловалась ему Мэй.

— Правду вам говорю! Эти горничные кровать, как следует, заправить не могут! Я бы ни одну из них не взяла на работу! А вы платите за меня такие деньги, мистер Джеймс. Это ж кринимал, да и только!

Мэй никогда не могла выговорить слово «криминал».

— Я уверен, Мэй, что вы в надежных руках, — успокаивал ее Бонд.

Мэй была слишком самостоятельной, чтобы беспрекословно слушаться врачей. «Такой уж она человек, — думал Бонд. — Любит, чтобы все было так, как она хочет, и никак иначе. Наверное, клиника Моцарта стала для нее настоящим чистилищем».

Бонд проверил уровень горючего и решил перед долгой поездкой по трассе E40 заправить бак. Убедившись, что хвоста нет, он сосредоточился на поиске бензоколонки. Был восьмой час вечера, и число машин заметно поубавилось. Миновав две деревеньки, Бонд увидел дорожный знак, указывавший расстояние до автострады. Затем на прямом и пустом участке дороги он заметил яркую вывеску небольшой автозаправочной станции.

На площадке не было ни души, хотя дверь небольшого кирпичного здания с большими окнами была открыта. Красная надпись предупреждала о том, что на автозаправке нет самообслуживания, поэтому Бонд подъехал к колонке с бензином «Супер» и заглушил двигатель. Он вышел из машины, чтобы размять ноги, но услышал за домом какой-то шум: сначала — грубые голоса, затем тупой удар, как будто кого-то повалили на машину. Бонд поставил автомобиль

на сигнализацию и поспешил за угол дома.

Перед открытыми дверьми ремонтного гаража стояла белая «Альфа-Ромео-Спринт». К ее капоту двое крепких мужчин прижали молодую девушку. Водительская дверь была распахнута, а на земле валялась выпотрошенная дамская сумочка.

— А ну, давай, говори! — рявкнул один из мужчин на ломанном французском. — Где бабло? У тебя наверняка есть. Гони быстро!

Оба были одеты в выцветшие джинсы, рубашку и кроссовки. Приземистые, широкоплечие, мускулистые, загорелые. С такими шутки были плохи. Девушка попыталась возразить, но один из грабителей замахнулся рукой, чтобы ударить ее по лицу.

— Стоять! — голос Бонда прозвучал, словно удар хлыста.

От неожиданности грабители обернулись.

— Двое по цене одного, — сказал один из них, ухмыляясь.

Он схватил женщину за плечо и оттолкнул прочь от машины. Мужчина держал в руках огромный разводной ключ и, видимо, считал Бонда легкой добычей. У него были взъерошенные кудрявые волосы, а на угрюмом молодом лице

виднелись шрамы опытного уличного бойца. Согнув колени и опустив ключ почти до земли, он прыгнул вперед, словно большая обезьяна. Бонд потянулся рукой к телескопической дубинке на правом бедре.

Дубинка производства той же фирмы, что и пистолет «АСП», выглядела вполне безобидно: пятнадцатисантиметровая трубка с прорезиненным покрытием. Но едва Бонд вынул ее из чехла и резким движением встряхнул, как из рукоятки выскочили телескопические секции, образовав крепкий стальной стержень длиной в 25 сантиметров.

Внезапное появление оружия застало нападавшего врасплох. Он уже занес над головой разводной ключ, но на секунду замешкал. Бонд подскочил к нему слева и ударил дубинкой по предплечью — последовал неприятный хруст. Вскрикнув от боли, грабитель выронил ключ, согнулся пополам и, сжимая поврежденную руку, грязно выругался по — французски.

Не медля ни секунды, Бонд нанес второй удар — на этот раз слабее, по затылку. Мужчина рухнул на колени и вытянулся вперед. Бонд с ревом бросился на второго бандита, но тот не хотел рисковать и побежал прочь, правда, недостаточ-

но быстро, потому что кончик дубинки все же настиг его левое плечо, переломав кости.

Второй грабитель закричал громче, чем его сообщник, после чего вскинул руки и начал умолять о пощаде, но Бонд не собирался проявлять милосердие к хулиганам, напавшим на беззащитную женщину. Он сделал выпад вперед и с силой ударил дубинкой мужчину в пах. Грабитель издал пронзительный вопль, но Бонд прервал его резким ударом по левой стороне шеи, рассчитанным на то, чтобы лишить мужчину сознания.

Бонд оттолкнул разводной ключ ногой в сторону и хотел было помочь девушке, но та уже собирала свои вещи, разбросанные у машины.

— Все в порядке? — спросил он, подходя к ней.

Судя по внешности, девушка была итальянкой: длинные рыжие волосы, высокое гибкое тело, овальное лицо и большие карие глаза.

— Да. Благодарю вас, — ответила она.

Ни тени акцента. Подойдя ближе, Бонд отметил легкие туфли без каблуков от «Гучи», невероятно длинные ножки в обтягивающих джинсах «Кельвин Кляйн» и шелковую блузку «Гермес».

— Как вовремя вы появились! Может, стоит вызвать полицию? — Девушка слегка тряхнула головой и, выпятив нижнюю губку, сдула нависшую

шую над глазами прядь волос.

— Мне вообще — то бензин нужен. — Бонд взглянул на «Альфа-Ромео». — А что произошло?

— Я случайно застукала их с поличным, и им это не понравилось. Кассир — в офисе, без сознания. Эти козлы, выдавая себя за работников заправки, сказали, что колонки не работают, и попросили меня отогнать автомобиль за дом. Я как дура купилась, после чего они силой вытащили меня из машины.

— А откуда вы узнали о кассире?

— Один из грабителей сказал второму, что кассир очнется не раньше, чем через час.

Девушка говорила совершенно спокойным голосом, а когда поправляла растрепанные волосы, ее руки совсем не дрожали.

— Если вы торопитесь, я могу сама вызвать полицию. Я думаю, вам не обязательно здесь оставаться.

— Вам тоже, — ответил Бонд с улыбкой. — Эти двое еще не скоро очнутся. Кстати, меня зовут Бонд. Джеймс Бонд.

— Сьюки. — Девушка протянула руку. Рукопожатие было сухим и крепким. — Сьюки Темпеста.

В итоге они оба дождались полицию, что стоило

Бонду еще более полутора часов. Кассир бензоколонки сильно пострадал и нуждался в оказании срочной медицинской помощи, поэтому пока Бонд звонил в участок, Сьюки делала для него все возможное. Затем Бонд попытался разговорить девушку, поскольку вся эта история заинтриговала его. Ему казалось, что Сьюки что-то утаивает, но как хитро он ни выстраивал вопросы, она уходила от прямых ответов и так толком ничего ему не рассказала.

Ее внешний вид тоже ни о чем не говорил. Девушка была очень собранной и могла быть кем угодно — от адвокатессы до светской львицы. Судя по внешности и украшениям, хорошо обеспечена. Молодая, привлекательная, с низким голосом, экономичными движениями и сдержанными манерами, которые, возможно, были следствием некоторой застенчивости.

Бонд также быстро обнаружил, что Сьюки владела как минимум тремя языками, что говорило о высоком интеллекте и хорошем образовании. Ему так и не удалось установить ее национальность, хотя судя по номеру автомобиля и фамилии, девушка была итальянкой.

К тому времени, как под громкий вой сирен прибыла полиция, Бонд уже успел вернуться к

автомобилю и спрятать дубинку, которая была запрещенным оружием в любой стране мира. Он ответил на вопросы следователя, подписал протокол, после чего ему позволили заправиться и продолжить поездку, с условием, что он сообщит свое будущее местонахождение на ближайшие две недели, а также домашний адрес и телефон.

Когда Бонд уезжал, девушку все еще допрашивали, а его не покидало странное чувство тревоги. Он опять вспомнил взгляд М и задумался о происшествии на пароме.

Когда Бонд вырулил на трассу Е25 на отрезке между Мецом и Страсбургом, было уже далеко за полночь. На французской границе он вновь заправился и выпил чашку более-менее приличного кофе. Дорога почти опустела, и в четырех километрах впереди он увидел задние огни автомобиля. Бонд поставил круиз-контроль на скорость 110 км/ч и вскоре с легкостью обогнал огромный белый «БМВ», чей двигатель выдавал не более пятидесяти.

Бонд машинально бросил взгляд на номерной знак: судя по букве «Д», владелец был из Германии. Минуту спустя Бонд насторожился: водитель «БМВ» увеличил скорость и перестроился в средний ряд, держась от него на дистанции, которая

варьировалась от пятисот метров до сотни. Бонд притормозил, отключил круиз-контроль и увеличил скорость. Сто тридцать километров в час. Сто сорок. «БМВ» не отставал.

Затем, примерно в пятнадцати километрах от Страсбурга, Бонд заметил еще одну пару фар. Вторая машина шла за ним в левом ряду, быстро увеличивая скорость.

Бонд перестроился в средний ряд, периодически поглядывая в зеркало заднего вида. «БМВ» немного отстал, зато фары в левом ряду выросли в считанные секунды. Черный маленький автомобиль промчался мимо Бонда на скорости не менее 160 км/ч, качнув «Бентли» воздушной волной, словно реактивный самолет. Блеснувший в свете фар номерной знак был заляпан грязью. «Возможно, швейцарец», — подумал Бонд. Справа от номера он заметил эмблему кантона Тичино, но марку машины определить не успел. Через несколько секунд «БМВ» завилял, постепенно сбрасывая скорость, а спустя мгновение раздался мощный взрыв. «Бентли» содрогнулся от ударной волны, и в зеркале заднего вида Бонд увидел, как в средней полосе внезапно возник огромный огненный шар, из которого на асфальт стали извергаться куски искореженного металла.

Бонд утопил педаль газа в пол. Он не собирался останавливаться и разбираться в произошедшем, в особенности в ночное время и на пустынном участке дороги. Внезапно он вновь почувствовал тревогу: весь день его преследовало ничем не объяснимое насилие.

В одиннадцать минут второго ночи Бонд проехал мимо местечка Сен-Пьер-ле-Жене в Страсбурге и остановился у дверей отеля «Софитель». Дежурный персонал был почтителен. «Да, мсье Бонд… Нет, мсье Бонд. Конечно, мы в курсе, что вы бронировали номер». Портье отнес багаж, а Бонд тем временем лично откатил машину на парковку отеля.

Номер оказался даже слишком просторным для короткой остановки на ночлег, а на столе даже стояла корзина с фруктами — подарок от управляющего. Бонд не знал — радоваться ли ему такой щедрости или быть настороже. Он не останавливался в этом отеле уже более трех лет.

Открыв мини-бар, Бонд решил приготовить любимый коктейль. Наличие джина «Гордон» и приличной водки не могло не радовать, но вместо любимого аперитива «Кина-Лиллет» пришлось довольствоваться обычным вермутом. Сделав глоток, он подошел к кровати и достал

из кейса скремблер. Подключив его к телефонному аппарату, Бонд набрал лондонский номер компании «Трансуолд Экспортс» (прикрытие штаб-квартиры Секретной службы) и в мельчайших подробностях пересказал дежурному офицеру оба происшествия. Тот внимательно выслушал и повесил трубку. Бонд, уставший от долгой дороги, наскоро принял душ, попросил персонал отеля разбудить его в восемь утра и голым растянулся под одеялом.

И только теперь, перебирая в уме все последние события, он осознал, что испытывает нечто большее, чем простое беспокойство. Он вспомнил загадочный взгляд М, гибель двух человек на пароме, Сьюки Темпесту, пострадавшую на бензоколонке, и жуткий взрыв на автомагистрали. «Нет, уж слишком много совпадений», — подумал Бонд, и в его голову закралось жуткое подозрение.

2. Ядовитый гном

Бонд выполнил двадцать медленных отжиманий от пола для достижения наибольшего напряжения, затем подъемы ног в положении лежа на животе и, наконец, двадцать наклонов с касанием носков пальцами рук.

На завтрак он заказал два толстых куска хлеба из муки грубого помола, лучшее сливочное масло, а также джем — желательно фирмы «Типтри» или «Купер». Кофе «ДеБри» не было, поэтому после тщательных расспросов Бонд согласился на тот, что имелся в наличии. Ожидая заказ, он принял душ — сначала горячий, затем холодный.

Как и всякий человек привычки, Бонд не любил перемен, однако недавно он все же перешел на шампунь, мыло и одеколон новой марки. Серия «Данхилл-Блэнд-30» нравилась ему за особенный мужской аромат. После тщательного растирания махровым полотенцем он обработал тело одеколоном, облачился в короткое кимоно и принялся ожидать завтрак, который вскоре принесли вместе с утренними газетами.

Первые полосы пестрили фотографиями «БМВ»

или, вернее, его обломков, и версии были самые разные — от жестокого теракта до криминальных разборок, которые последние несколько недель сотрясали Францию. По заявлению полиции, в результате взрыва пострадал только один человек — водитель автомобиля, а сам автомобиль был зарегистрирован на имя некоего Конрада Темпеля, немецкого бизнесмена из Фрайбурга. Поскольку господина Темпеля дома не оказалось, то следствие предположило, что именно его останки и были обнаружены среди обломков машины.

Читая прессу, Бонд осушил две большие чашки черного кофе без сахара. Он решил обогнуть Фрайбург и пересечь границу Швейцарии в Базеле, после чего направиться в кантон Тичино и переночевать в одном из небольших туристических курортов на берегу озера Лаго-Маджоре. Затем его ожидала долгая и утомительная поездка по автострадам Италии к Риму, где Бонд собирался провести несколько дней в гостях у местного резидента Секретной службы Стива Куинна и его супруги Табиты.

Сегодняшняя поездка обещала быть не такой изнуряющей. До полудня отправляться в дорогу не имело смысла, поэтому можно было

расслабиться и осмотреть окрестности. Но прежде следовало позвонить в клинику Моцарта и справиться о самочувствии Мэй. Бонд набрал на телефоне код для международного звонка, затем код Австрии и нужный ему номер. Доктор Кирхтум ответил почти немедленно.

— Доброе утро, господин Бонд. Вы сейчас в Бельгия, да?

— Нет, я во Франции. Завтра буду в Швейцарии, а после завтра надеюсь добраться до Италии.

— Да под вами резина гореть! — Кирхтум был невысокого роста, но обладал пронзительным голосом, который пациенты слышали еще в коридоре, поэтому медсестры в шутку прозвали его «Горном».

— Как там Мэй?

— Она прекрасно себя чувствовать. Командует всеми, а это — верный признак того, что она идти на поправка! — Доктор расхохотался. — Боюсь, что наш повар скоро, как это говорится, «помыть руки».

— Умоет руки, — поправил его Бонд с улыбкой: доктор делал стандартные ошибки в разговорном английском. — Я могу с ней поговорить?

— К сожалению, нет. Она сейчас на процедурах.

— Тогда я перезвоню позже, как приеду в Швейцарию. Всего хорошего.

Бонд уже собирался вешать трубку, но доктор остановил его:

— Минутку, господин Бонд! Тут кое-кто хотеть с вами поговорить. Подождите.

К своему удивлению Бонд услышал в трубке голос Манипенни — личного секретаря М. В ее голосе, как всегда, звучали озорные нотки.

— Джеймс! Как приятно слышать твой голос…

— Манипенни, что ты делаешь в клинике Моцарта?

— Я же в отпуске, Джеймс, как и ты, — весело прощебетала Манипенни. — И на несколько дней заскочила в Зальцбург. Вот, решила проведать Мэй.

— Приятно, что ты вспомнила о ней. И все же, Пенни, будь осторожней в Зальцбурге! А то эти меломаны затащат тебя в дом-музей Моцарта или на какой-нибудь концерт…

— В наши дни их интересуют места, где снимали «Звуки музыки», — смеясь, ответила Манипенни.

— И все же будь начеку! Говорят, что у этих туристов только одно на уме!

— Ах, если бы этим туристом был ты, Джеймс…

Бонд знал, что в сердце Манипенни всегда был теплый уголок для него. Обменявшись любезностями, он вновь поблагодарил ее за визит к Мэй и повесил трубку.

Собрав багаж, Бонд открыл окна, и комнату залили яркие лучи солнца. Оставалось прогуляться вокруг отеля, проверить автомобиль, выпить еще немного кофе и отправиться в путь. Спустившись в холл, Бонд остро ощутил необходимость в отпуске. За год он порядком подустал, но сейчас впервые усомнился в своем выборе. Возможно, лучше было съездить в его любимый Руаяль-лез-О.

Пересекая холл, Бонд краем глаза заметил знакомое лицо. Он замедлил шаг и бросил взгляд на витрину киоска, чтобы получше разглядеть в ней отражение человека, сидевшего у стойки регистрации. Человек читал вчерашний номер «Геральд Трибун» и, казалось, не обращал внимания на Бонда. Он был невысокого роста, не более четырех футов и двух дюймов, но при этом излучал невероятную самоуверенность, которую подчеркивал дорогой безупречный костюм. Бонд не доверял низкорослым, считая, что те для самоутверждения стараются компенсировать малый рост чрезмерной жестокостью по отношению к

окружающим.

Установив личность незнакомца, Бонд отвернулся. Да, несомненно это был он — Пол Кордова, имевший в преступном мире кличку Крыса. Человек с мелкими чертами лица, напоминавшими морду хорька, и бегающими блестящими глазками. Но что он делал в Страсбурге? Согласно информации, которой располагал Бонд, несколько лет назад Пол Кордова выполнил для агента КГБ, выдававшего себя за сотрудника американских спецслужб, одно весьма грязное дельце в Нью-Йорке. К его услугам также часто прибегала одна из нью-йоркских «семей», а досье с его фотографией имелось в архивах полицейских управлений и спецслужб всего мира. Пол Кордова принадлежал к бандитским, а не шпионским кругам, однако профессия обязывала Бонда знать подобных типов в лицо. Правда, в архивах британской разведки Пол Кордова проходил не под кличкой Крыса, а под псевдонимом Ядовитый гном. И вот он оказался в Страсбурге. Очередное совпадение?

Бонд спустился на парковку, где тщательно проверил свой «Бентли» и сообщил охраннику, что заберет автомобиль в течение получаса. Еще по прибытии он отказался доверять свою машину

работникам отеля, чем явно огорчил их. По пути назад Бонд обратил внимание на стильный черный автомобиль с низкой посадкой — «Порш 911 Турбо» третьей серии. Задняя табличка с номером была заляпана грязью, но эмблема «Кантон Тичино» виднелась отчетливо. Тот, кто перед взрывом обогнал его на автостраде, остановился в этом же отеле. Интуиция подсказывала Бонду, что из Страсбурга пора убираться. И тревожное облачко постепенно выросло до размеров небольшой тучи.

Когда Бонд вернулся в холл, Кордовы там уже не было. Поднявшись в номер, он вновь связался с «Трансуолд Экспортс» по защищенной линии. Даже находясь в отпуске, он был обязан сообщать о передвижении таких лиц, как Ядовитый гном, особенно если они оказывались вдали от своей привычной территории.

Через двадцать минут Бонд уже сидел за рулем «Бентли» и ехал в сторону немецкой границы. На этот раз обошлось без приключений: он без проблем прошел немецкий погранконтроль, обогнул Фрайбург и к полудню был на таможне в Базеле. Спустя еще несколько часов Бонд сел на поезд, который перевез его и машину сквозь Альпы по пятнадцатикилометровому Готардскому тонне-

лю, и уже к вечеру он ехал по улицам Локарно в сторону приозерной дороги. Проехав по Асконе, которую так любят художники всего мира, Бонд направился к уютной деревушке Бриссаго.

Несмотря на ясное небо, живописный вид опрятных швейцарских деревень и высоких гор, Бонда не покидало предчувствие надвигавшейся беды. Сначала он отнес это к странным событиям предыдущего дня и подозрительной встрече в Страсбурге с головорезом из нью-йоркской мафии. Но приближаясь к озеру Лаго-Маджоре, он задумался: а что если причина его мрачного настроения лежала в уязвленной гордости? Он явно испытывал досаду от того, что Сьюки Темпеста была так самоуверенна и не поддалась его чарам. Могла бы, по крайней мере, поблагодарить его. А она едва улыбнулась!

Но когда вдали показались красно-коричневые крыши прибрежных деревень, Бонд рассмеялся. «Ну и дурак же я! — сказал он сам себе. — Это жизнь — выше голову!» Он поставил в стереопроигрыватель компакт-диск, и секундой позже бессмертная композиция Артура Тэйтума «Крик» развеяла его тревогу.

Больше всего Бонд любил пригород Женевы, однако этот райский уголок на границе с Итали-

ей был особенно дорог ему. В юности он часто отдыхал на берегу Лаго-Маджоре, обедая в лучших ресторанах Локарно, а однажды, в обычной крошечной гостинице у пристани, освещенной луной и фонарями рыбацких лодок, он провел незабываемую ночь с итальянской графиней.

Именно туда Бонд и направился. Гостиница «Мирто дю Лак» располагалась между церковью с кипарисовой аллеей и пристанью, к которой ежечасно причаливали пароходы. Хозяин гостиницы встретил его как старого друга, и вскоре Бонд устроился в уже известной ему комнате с маленьким балкончиком, выходившим на передний дворик и пристань.

Первым делом Бонд позвонил в клинику Моцарта. Директора на месте не было, а дежурный врач сообщил ему, что Мэй отдыхает после встречи с посетителем. Правда, в голосе доктора звучали нотки нерешительности, и Бонд слегка встревожился.

— С ней все в порядке? — спросил он.

— Не волнуйтесь, все хорошо. Просто она действительно немного устала…

— А этот посетитель, часом, не мисс Манипенни? — предположил Бонд.

— Да, именно она, — ответил доктор уверен-

ным тоном.

— А вы, случайно, не знаете ее адреса в Зальцбурге?

— Нет, но завтра она вернется.

Бонд поблагодарил доктора и обещал перезвонить. К тому времени, как он принял душ и переоделся, начало смеркаться. Солнце скрылось за горой Тамаро, и вдоль берега зажглись фонари, вокруг которых засуетилась мошкара.

Когда Бонд спустился в бар, во двор гостиницы крадучись въехал черный «Порш 911» третей серии, припарковавшись носом к озеру. Водитель запер машину и аккуратными шажками направился назад, в сторону церкви, а спустя десять минут раздался пронзительный визг. Когда люди в баре и на улице поняли, что это не розыгрыш, все разговоры стихли. Это были крики ужаса. Кто-то из посетителей бросился к дверям бара. Люди на берегу вскочили из-за столиков и оглядывались по сторонам. Бонд тоже поспешил на улицу. Сначала он увидел «Порш», затем женщину с побледневшим лицом и растрепанными волосами, бежавшую вниз по ступенькам со стороны кладбища. Ее рот перекосился от крика. Она то вздымала руки вверх, то хваталась за голову. «Убили! Убили!» — вопила она и указывала рукой

на кладбище.

Несколько человек уже столпились вокруг бесформенной кипы, лежавшей на мощеной дорожке, и застыли в молчании. Бонд медленно обошел толпу и взглянул на труп. Пол Кордова по кличке Крыса, лежал на спине. Его колени были поджаты, одна рука откинута, а голова вывернута под неестественным углом, из-за глубокого пореза на горле. Кровь уже растеклась по булыжной мостовой.

Бонд выбрался из нараставшей толпы и вернулся на берег озера. Он не верил в совпадения. Утопленники, ограбление бензоколонки, взрыв на автомагистрали и появление Кордовы во Франции были взаимосвязаны, а общим знаменателем был он — Бонд. Плакал его отпуск. Нужно немедленно связаться с Лондоном, отчитаться и ждать указаний. Еще один сюрприз ждал Бонда при входе в отель. У стойки регистрации, в коротком кожаном наряде голубого оттенка, вероятно от «Меренлендер», стояла Сьюки Темпеста.

3. Сьюки

— Джеймс Бонд! — Ее восторг казался искренним, хотя с красивой девушкой ни в чем нельзя быть уверенным.

— Он самый, — ответил Бонд, подходя ближе.

Только сейчас он увидел, насколько красивыми были ее глаза — большие, с фиолетовым оттенком, обрамленные длинными изогнутыми ресницами. Глаза, которые либо губят мужчину, либо окрыляют. Бонд бросил взгляд на роскошные формы ее груди под обтягивающей одеждой. Заметив это, девушка выпятила нижнюю губку и сдула нависшую над глазами прядь волос — совсем как в прошлый раз.

— Честно говоря, не ожидала вас снова увидеть. — Ее чувственный ротик расплылся в теплой улыбке. — Но я рада. Ведь я так и не поблагодарила вас за вчерашнее… — Девушка отвесила легкий поклон. — Я обязана вам жизнью. Большое вам спасибо. Я, правда, очень вам благодарна.

Бонд занял позицию у стойки для регистрации так, чтобы видеть одновременно и девушку, и

парадный вход. Интуиция подсказывала ему, что опасность где-то рядом. Возможно, опасной была сама девушка.

Суматоха снаружи продолжалась. На место преступления прибыли полицейские, а со стороны главной улицы донесся вой сирен. Теперь нужно было постоянно быть начеку.

— Что-то случилось? — спросила Сьюки.

— Во дворе церкви кого-то убили.

Девушка слегка пожала плечами.

— Сейчас убийством никого не удивишь. В Риме, например, это обычное дело, хотя для Швейцарии, да, это немного странно.

— Теперь это обычное дело везде, — Бонд попытался изобразить на лице обворожительную улыбку. — Однако… что вы здесь делаете, мисс Темпеста? Или правильнее сказать «синьора»?

Девушка сморщила носик и закатила глаза:

— Принцесса, если уж официально.

Бонд изогнул бровь.

— Принцесса Темпеста?.. — Он почтительно кивнул головой.

— Но вы, мистер Бонд, можете называть меня просто Сьюки. — Девушка доброжелательно улыбнулась, хотя в ее глазах все же блеснула легкая насмешка.

— Тогда я просто Джеймс.

— Джеймс, — повторила она.

В этот момент к девушке подбежал хозяин гостиницы, чтобы закончить оформление документов. Увидев на регистрационном бланке титул, он мгновенно преобразился и тут же рассыпался в комплиментах, то и дело кланяясь и расшаркиваясь, чем вызвал у Бонда кривую усмешку.

— Вы так и не сказали мне, что здесь делаете, — прервал он излияния хозяина гостиницы.

— Я могу это сделать за ужином? Все-таки я в долгу перед вами.

Девушка коснулась рукой его предплечья, и он почувствовал, как между ними пробежала искра. Однако в голове зазвучал сигнал тревоги. «Нельзя рисковать, — подумал Бонд, — особенно с привлекательной незнакомкой». А вслух он произнес:

— Ужин — это прекрасно. Но как вы оказались на Лаго-Маджоре?

— У моей ласточки барахлит мотор. В автосервисе говорят, что дело серьезное и что ремонт займет несколько дней, хотя я думаю, что все дело в свечах.

— А куда вы направляетесь?

— В Рим, куда же еще! — Сьюки вновь сдула со лба непокорную прядь волос.

— Какое счастливое совпадение! — Бонд отвесил еще один поклон. — Если я могу быть вам полезен…

Какое-то мгновение она колебалась.

— О, несомненно. Может, встретимся здесь за ужином через полчаса?

— Я буду ждать, принцесса.

Девушка последовала за хозяином гостиницы, но Бонду показалось, что, уходя, она вновь сморщила носик и, словно озорная школьница, показала ему язык.

Вернувшись в номер, он подключил к телефонному аппарату скремблер и позвонил в Лондон. Бонд сообщил о Поле Кордове, попросил пробить по базе Интерпола Сьюки Темпесту и поинтересовался, что удалось выяснить о владельце «БМВ» — господине Темпеле из Фрайбурга.

— Пока ничего, — ответил дежурный, — но сегодня днем М получил кое-какие документы по этому делу. Если что-то прояснится, мы вам сообщим.

«Удобная штука», — невольно подумал Бонд, убирая скремблер СС-500 в кейс. Это устройство, которое можно было подключить к любому те-

лефону, шифровало сигнал таким образом, что разговор слышали только сами собеседники, а перехватчик слышал только треск и шум. Таким скремблером были снабжены все сотрудники МИ-6 — будь то при исполнении или в отпуске, а в целях безопасности коды доступа менялись ежедневно.

До встречи с девушкой оставалось десять минут, хотя Бонд сомневался, что она придет вовремя. Он быстро принял душ, обработал лицо и волосы одеколоном, надел поверх рубашки синий хлопчатобумажный пиджак и торопливо спустился к машине. Во дворе церкви по-прежнему трудилась полиция, и место преступления было ярко освещено дополнительными прожекторами.

Сев в машину, Бонд дождался, когда лампа освещения салона погаснет, и нажал на главной панели кнопку, открывавшую потайное отделение. Проверив пистолет, он прикрепил компактную кобуру под мышкой и прицепил к поясу чехол с дубинкой. Вокруг творилось что-то неладное: уже погибли как минимум двое, если не больше, и у Бонда не было желания становиться следующей жертвой. Вернувшись в отель, он с удивлением обнаружил, что Сьюки уже сидела

в баре.

— Как послушная женщина, я ничего не заказывала и ждала вас.

— Мне нравятся послушные женщины.

Бонд присел на барный стул рядом с девушкой, слегка повернувшись так, чтобы видеть огромные стеклянные двери парадного входа.

— Что будете пить? — спросил он.

— Нет-нет. Сегодня вечером угощаю я. В честь того, что вы спасли мою честь, Джеймс.

И вновь ее рука скользнула по его предплечью, вызвав уже знакомое ощущение электрического разряда. Бонд уступил:

— Насколько я знаю, Тичино славится граппой, но я все же предпочитаю легкие напитки. Например, «Кампари» с содовой, если можно.

Сьюки заказала то же самое, после чего к ним подскочил с меню хозяин гостиницы. Кухня была простой, объяснил он, домашней.

— Что ж, — сказал Бонд. — Почему бы и нет? Для разнообразия можно и домашнюю отведать.

Сьюки попросила его сделать заказ для них обоих. Бонд ответил, что он довольно привередлив и обязательно что-нибудь изменит. Для начала он заказал дыню в вишневой водке, но без водки. Бонд не любил, когда в еду добавляют алкоголь.

— В этих краях, если не считать пасты, есть только одно лучшее блюдо.

— Бедро барашка? — спросила девушка с улыбкой, и Бонд кивнул.

На севере это довольно острое блюдо называлось «лямм-гиго». Здесь, в кантоне Тичино, баранина была не такой нежной, но изрядная доля чеснока придавала блюду пикантность. И Бонд, и Сьюки дружно отказались от овощей, согласившись лишь на листья зеленого салата, вместе с лучшим белым вином. Едва взглянув на выбор шампанского, Бонд тут же признал его «пригодным разве что для заправки соусов». Девушка рассмеялась, однако смех ее был резковатым и, как показалось Бонду, слегка наигранным.

Едва они сели за стол, Бонд сразу же предложил ей помощь в предстоящем путешествии.

— Утром я еду в Рим и с удовольствием подброшу вас. Если, конечно, вашего принца не заденет то, что ее супругу повезет простолюдин.

Сьюки слегка надула губы:

— Он не в том положении, чтобы обижаться. Принц Паскуале Темпеста умер в прошлом году.

— Простите, я…

Девушка отмахнулась.

— Не стоит извиняться. Ему было восемьдесят

три. Мы были женаты два года. Это было удобно, вот и все. — Эти слова были сказаны спокойно и без тени улыбки.

— Брак по расчету?

— Нет, просто нам обоим это было удобно. Мне нравятся хорошие вещи, а у него были деньги. Он был стар и нуждался в ком-то, кто согревал бы его по ночам. Помните, как в библии? Царь Давид в старости взял в прислужницы юную девушку — Ависагу Сунамитянку, чтобы та «ходила за ним и лежала с ним».

— Меня воспитали в традициях кальвинизма, но я припоминаю, как мы в четвертом классе смеялись над этой историей.

— Вот я и была для Паскуаля той самой Ависагой, и он наслаждался этим. А теперь я наслаждаюсь тем, что он мне оставил.

— Для итальянки вы превосходно владеете английским, — перевел тему Бонд.

— А я и есть англичанка. Сьюки — это сокращенное от Сьюзен. — И вновь девушка улыбнулась, после чего засмеялась, на этот раз не так резко.

— Тогда вы превосходно владеете итальянским.

— А также французским и немецким. Хотя я уже говорила об этом вчера, когда вы задава-

ли наводящие вопросы, чтобы получше меня узнать. — Девушка наклонилась вперед, и ее нежная ладонь легла на руку Бонда. — Не бойтесь, Джеймс, я не колдунья. Но я легко определяю, когда из меня стараются что-то выудить. Меня научили этому монахини, а потом люди из окружения Паскуаля.

— Монахини?

— Я воспитывалась в женском монастыре, Джеймс. Вы когда-нибудь встречали девушек, воспитанных монашками?

— Доводилось.

Девушка слегка надула губки и продолжила:

— Они здорово промыли мне мозги. Мой папа был брокером. Стремился жить «как все»: участок земли под Лондоном, пародия на дом в стиле Тюдоров, два автомобиля. Потом — скандал: попался на махинациях с чеками и угодил в тюрьму открытого типа. В итоге наша крепкая семья развалилась. Я как раз закончила обучение при монастыре и готовилась поступить в Оксфорд, но теперь об этом не могло быть и речи. И тогда я прочла в «Таймс» объявление о том, что одной знатной итальянской семье требуется няня, привилегии гарантированы. Как потом выяснилось, няня требовалась сыну Паскуаля. Темпесты —

старинный род, который сохранил кое-какую недвижимость и сбережения.

Темпесты приняли новую английскую няню как родную. А старик, принц, так и вовсе полюбил ее как родную дочь. Сьюки тоже испытывала к нему теплые чувства. И когда тот предложил ей выйти за него замуж, девушка проявила мудрость и согласилась, при условии, что брак никоим образом не ущемит двух сыновей Паскуаля в правах на законное наследство.

— Конечно, кое-что досталось и мне, — пояснила Сьюки, — но они и так вполне обеспечены, поэтому не возражали. И потом, вы же знаете эти итальянские семьи, все решает папа, все ради папы, главное — чтобы папа был счастлив…

— Как же эти братья разбогатели? — поинтересовался Бонд.

— Бизнес, — ответила девушка, но почему-то не сразу. — Они владеют разными компаниями и прочей недвижимостью. Кстати, Джеймс, я принимаю ваше предложение о совместной поездке в Рим. И заранее благодарю.

Они уже почти расправились с барашком, когда к ним внезапно подбежал хозяин гостиницы, извинился перед Сьюки и шепнул Бонду, что ему звонят, указав на телефон у барной стойки.

— Бонд, — сказал 007 тихим голосом в трубку.

— Джеймс, тебе удобно говорить? — Это был Билл Таннер, Начальник штаба.

— Нет, я ужинаю.

— Это срочно. Очень срочно. Ты не мог бы…

— Разумеется…

Бонд повесил трубку и вернулся к столику, чтобы принести Сьюки извинения.

— Я ненадолго, — объяснил он. — Моя экономка — в больнице. Я должен перезвонить туда.

Вернувшись в номер, Бонд подключил скремблер к телефону и набрал Лондон. Таннер ответил почти моментально.

— Итак, Джеймс. Просто молчи и слушай. Инструкция лично от М.

Бонд молчал. Можно было считать, что с ним говорит сам шеф Секретной службы.

— Оставайся на месте и будь предельно осторожен. — У Начальника штаба был встревоженный голос.

— Но завтра я собирался в Рим, и…

— Послушай, Джеймс! Забудь про Рим. Рим сам придет к тебе. Ты в смертельной опасности. Повторяю: в смертельной. Мы не можем оперативно обеспечить тебя прикрытием, поэтому смотри в оба. И никуда не уезжай. Ты понял?

— Понял, понял.

Говоря о том, что Рим сам придет к Бонду, Таннер имел в виду римского резидента — Стива Куинна, у которого Бонд собирался погостить несколько дней.

— Он введет тебя в курс дела и постарается эвакуировать, — Таннер перевел дыхание. — Дружище, ты даже не представляешь, насколько все серьезно! Шеф подозревал проблемы еще перед твоим отъездом, но веские доказательства мы получили только час назад. Он уже вылетел в Женеву, чтобы проинструктировать Куинна, с которым ты встретишься завтра до полудня. А пока что никому не доверяй. И ради всего святого, сиди на месте!

— Кстати, вы что-нибудь выяснили о девушке? — спросил Бонд. — Я обещал подбросить ее до Рима. Что о ней известно?

— Мы пока не полностью ее проверили, но по предварительным данным она чиста.

С мафией не связана точно. Но будь с ней осторожен. И держись от нее подальше.

— А я собирался сделать как раз обратное, — хитро улыбнулся Бонд.

— Отговори ее от поездки, но не вспугни. Пусть останется в гостинице. Никто не знает, кто твой

друг, а кто враг. А завтра Рим введет тебя в курс дела, и ты будешь во всеоружии.

— Сьюки, боюсь, мы не сможем выехать отсюда раньше полудня, — сказал Бонд, вернувшись к столику. — Один мой коллега навестил мою экономку. Завтра утром он будет здесь — и мне нужно с ним встретиться.

— Ну и ладно! — ответила девушка. — Я и так собиралась утром поваляться в постели.

Ему показалось или это был намек?

Они поболтали еще немного и выпили кофе в уютном обеденном зале, наблюдая за тем, как две строгие официантки обслуживали с таким видом, будто выдавали повестки в суд.

Сьюки предложила посидеть за столиком на открытой террасе, однако Бонд отговорил ее, найдя благовидный предлог.

— Вокруг фонарей собираются комары и мошки. И ваша нежная кожа тут же покроется пятнами от укусов. Безопасней внутри.

Девушка поинтересовалась, каков род его деятельности, и Бонд ответил ей заранее заготовленную фразу, которую обычно говорил в таких случаях. Ответ, казалось, удовлетворил ее. Потом они поговорили о городах, в которых побывали, о напитках и закусках.

— Надеюсь, мы поужинаем вместе в Риме? — предложил Бонд. — Как насчет ресторана «Августея» или «Папа Джованни»?

— С удовольствием! — улыбнулась девушка. — Приятно общаться с человеком, который так хорошо знает Европу. Паскуаль был домоседом и дальше Аппиевой дороги ничего не видел.

Оценивая проведенный вечер, в целом Бонд остался им доволен, хотя, учитывая новости из Лондона, полностью расслабиться ему не удалось. А теперь еще предстояло продержаться ночь.

Бонд проводил девушку до номера, и у него почти не оставалось сомнений относительно того, что за этим последует. Она не сопротивлялась его объятиям, но не ответила на его поцелуй, а ее тело оставалось напряженным. «Понятно, — решил Бонд, — одна из этих». После второй попытки девушка и вовсе отстранилась, мягко положив пальцы на его губы.

— Прости, Джеймс, — сказала она с едва заметной улыбкой. — Не забывай, что я — воспитанница монастыря. Но дело не только в этом. Просто потерпи немного. А пока спокойной ночи, и спасибо за приятный вечер.

— Это вам спасибо, принцесса, — ответил он с ноткой формальности в голосе.

Девушка закрыла за собой дверь, и он проследовал в свой номер, где принял пару таблеток «Декседрина» и приготовился к бессонной ночи.

4. Охота за головой

Стив Куинн был крупным широкоплечим мужчиной с густой бородой и благодаря своей незаурядной личности вовсе не походил на рядового сотрудника секретной службы, который мог легко раствориться в толпе. «Бородатый увалень», как называла его жена, миниатюрная блондинка Табита.

Сквозь полуприкрытые жалюзи Бонд наблюдал, как Стив Куинн вышел из взятого напрокат автомобиля и направился ко входу в гостиницу. Через минуту раздался телефонный звонок, и Бонду сообщили, что к нему пришел мистер Квотермен.

— Да, я жду его, — ответил он.

Едва стих дверной стук, как Куинн уже запирал за собой дверь на ключ. Не говоря ни слова, он подошел к окну и взглянул на двор и пристань, к которой только что причалил пароход. Красота здешнего ландшафта обычно поражала туристов, но в этот раз с пристани донеслось: «Ну и на что здесь смотреть, дорогой?»

Бонд нахмурился, а Куинн одарил его едва

заметной улыбкой, скрытой за бородой. Бросив взгляд на остатки завтрака, он беззвучно спросил, нет ли в номере «жучков».

— Всю ночь искал, — ответил Бонд. — Ничего.

Куинн удовлетворенно кивнул:

— Это хорошо.

— Почему не приехал Женева? — спросил Бонд.

— У Женевы свои проблемы, — Куинн ткнул пальцем в сторону Бонда. — Но они ничто по сравнению с твоими, друг мой.

— Ясно. Ты виделся с шефом?

— Да. И я сделал все что в моих силах. Женеве это не понравилось, но двое моих людей будут дежурить здесь — прикрывать твою задницу. М приказал доставить тебя в Лондон. Желательно — живым и невредимым.

— Значит, кто-то у меня на хвосте. — Бонд вспомнил горящие обломки автомобиля на автомагистрали под Страсбургом и труп Кордовы в церковном дворике.

Куинн опустился в кресло и почти шепотом произнес:

— Не кто-то, а почти все террористические организации, криминальные группировки и секретные службы недружественных нам стран,

желающие добраться до твоей задницы. Короче, тебя заказали. Кое-кто сделал предложение, от которого, как говорится, «нельзя отказаться».

Бонд мрачно улыбнулся:

— Что ж, ты меня заинтриговал. И сколько же я стою, если не секрет?

— Ну, не весь ты, а лишь голова.

Оказалось, у М возникли подозрения еще за две недели до того, как Бонд отправился в Европу. Все началось с того, что преступная группировка, контролировавшая южный Лондон, попыталась вызволить из тюрьмы строгого режима Паркхерст на острове Уайт некоего Берни Брейзера, который мотал срок за хладнокровное убийство лондонского криминального авторитета. Берни подозревался еще в двенадцати убийствах, но доказательств не было. Благодаря своим подвигам он прослыл лучшим киллером во всей Великобритании.

— Побег был подготовлен бездарно, — продолжал Куинн. — И когда план провалился, наш приятель Брейзер решил пойти на сделку с законом, выдвинув обязательное условие. А ты знаешь, как наша полиция относится к сделкам. Тогда Берни попросил связаться с нашей Сестрой.

«Сестрой» именовали контрразведку МИ-5. В просьбе ему отказали, но сообщили детали М, который в свою очередь послал в Паркхерст одного из своих самых въедливых дознавателей. Брейзер утверждал, что ему была предложена работа, выполнение которой напрямую угрожает безопасности страны. В обмен на предоставленную информацию он требовал новые, чистые документы, деньги и место под солнцем.

Бонд слушал Куинна вполуха. Он хорошо знал, что ради жизненно важной информации М, словно дьявол во плоти, пообещает информатору золотые горы, а в итоге тот получит гроши. Так и случилось: в Паркхерст прибыли еще два дознавателя, которые долго толковали с Брейзером, после чего туда лично приехал М.

— И Берни раскололся? — наконец спросил Бонд.

— Частично. Остальное он собирался рассказать после того, как его хорошенько спрячут в каком-нибудь тропическом раю, где будет такое количество выпивки, что через год можно сдохнуть от цирроза печени. — Куинн помрачнел. — На следующий день после визита М беднягу Берни нашли в своей камере повешенным на струне от рояля…

С улицы долетели голоса детей, игравших возле причала, прозвучал гудок судна, а где-то вдали пролетел самолет…

— Так что же удалось выяснить у Берни Брейзера? — спросил Бонд.

— Что за твою жизнь назначена уникальная награда, и конкуренция очень жесткая.

— Конкуренция?

— И даже определенные правила. Победителем будет тот, кто доставит организаторам твою голову. Причем заметь, ни больше, ни меньше, как на серебряном блюде. Принять участие может кто угодно: бандиты, террористы, даже спецслужбы. Нужно только получить одобрение заказчика. Охота началась четыре дня назад, закончится через три месяца. Победитель получит десять миллионов швейцарских франков.

— Но кто все это затеял?

— М выяснил это только сегодня, не без помощи полиции, которая неделей ранее замела половину преступников южного Лондона и позволила дознавателям М действовать по своему усмотрению. Уж не знаю, кто выудил информацию — они или М, но результат не заставил себя ждать: четверо главарей запросили круглосуточной охраны. И я думаю, она им понадобится. Пятый

рассмеялся нашему шефу в лицо и был выпущен на свободу. Если не ошибаюсь, его нашли этой ночью. Не в лучшем состоянии.

Когда Куинн поведал Бонду подробности того, в каком состоянии его нашли, тот почувствовал приступ тошноты.

— Господи…

— Помилуй, — добавил Куинн без тени юмора. — Возможно, Господь и спас душу бедного ублюдка, только судмедэксперты говорят, что умирал он чрезвычайно долго.

— Но кто организовал это жуткое соревнование?

— У него, кстати, даже есть название, — сказал Куинн небрежно. — «Охота за головой». Утешительных призов нет. Только главный. М считает, что в дело включилось около тридцати профессиональных киллеров.

— И кто за всем этим стоит?

— Твои старые друзья. Специальный исполнительный комитет по контрразведке, терроризму, мести и вымогательству. СПЕКТР. В частности — преемник Блофельда, продолживший его дело. М сказал, что ты с ним уже сталкивался…

— Тамил Рахани. Так называемый «полковник» Тамил Рахани.

— Который через три месяца станет покойным Тамилом Рахани. Отсюда и срок.

Бонд задумался. Он хорошо знал, насколько опасен был Тамил Рахани. Секретной службе так и не удалось выяснить, как он встал во главе СПЕКТРа, которым прежде управляли только Блофельды. Но как бы там ни было, Тамил Рахани проявил себя блестящим стратегом. Бонд словно воочию увидел его — смуглого, мускулистого, излучающего внутреннюю энергию. Это был безжалостный лидер международного уровня.

В последний раз Бонд видел полковника Рахани над Женевой, когда тот спускался на парашюте. Он предпочитал командовать операциями, что называется, «с передовой». Спустя месяц после той встречи полковник организовал на Бонда неудачное покушение. С тех пор о нем мало что было слышно, но 007 не удивился, что эта дьявольская пляска была детищем Тамила Рахани.

— Ты хочешь сказать, что он при смерти?

— Тогда он спрыгнул с парашютом… — сказал Куинн, глядя в сторону.

— Да.

— Говорят, при падении он сильно повредил позвоночник, что спровоцировало костный рак. Его осмотрели шесть специалистов и единоглас-

но пришли к выводу, что рак неизлечим. Тамил Рахани протянет от силы четыре месяца.

— Кто еще участвует, кроме СПЕКТРа?

Куинн поскреб рукой бороду.

— М наводит справки. Прежде всего твои старые враги из бывшего Отдела «В» Первого главного управления КГБ, который когда-то был СМЕРШем…

— А ныне — Восьмой отдел Управления «С», — вставил Бонд.

— Кроме них, — продолжал Куинн, будто не слыша его, — практически все маститые террористы от Красных бригад до пуэрториканских Вооруженных сил Национального Освобождения. Десять миллионов швейцарских франков — это большой куш.

— Ты упомянул преступный мир…

— Конечно. Британцы, французы, немцы. Как минимум три мафиозные семьи и, как это ни печально, Корсиканский союз. После смерти твоего друга Марка-Анжа Драко от них никакой пользы…

— Ясно, — отрезал Бонд.

Стив Куинн без усилия поднялся на ноги, что казалось невозможным для человека его комплекции.

— Я понимаю, хреновая ситуация, — он положил свою большую ладонь Бонду на плечо. — Но есть еще кое-что.

Бонд отмахнулся. Со стороны Куинна было бестактным напоминать ему об особых отношениях, которые он наладил между Секретной службой и Корсиканским союзом — опасным соперником сицилийской мафии. Контакты Бонда с этой организацией привели его к алтарю с дочерью Марка-Анжа Драко, которая трагически погибла почти сразу же после свадьбы.

— Что еще? — резко спросил Бонд. — Насколько я понял, мне никому нельзя доверять. Получается, даже тебе? — Произнеся последние слова, он с отвращением осознал правду, скрывавшуюся за ними. Истина заключалась в том, что он не мог доверять даже Стиву Куинну, резиденту Секретной службы в Риме.

— Это касается условий Охоты, — сказал Куинн с бесстрастным лицом. — На претендентов наложено ограничение по количеству участников. Любая организация может выставить только одного человека. По последним данным, за последние сутки погибло уже четверо. Один из них, кстати, в нескольких сотнях метров от места, где мы сидим.

— Темпель, Кордова и два головореза на пароме…

— Верно. Те двое на пароме представляли банды Южного Лондона и Вест-Энда. Темпель был связан с Фракцией Красной армии. Отъявленный головорез и завсегдатай радикальных забегаловок, снимавший хорошую жатву на ниве терроризма. Пол Кордова тебе знаком.

«Все четверо, — подумал Бонд, — сыграли в ящик в непосредственной близости от меня. Вряд ли это совпадение».

— А какие распоряжения дал М? — спросил он.

— Ты должен немедленно вернуться в Лондон. У нас недостаточно людей, чтобы обеспечить тебе прикрытие на Континенте. Мои люди сопроводят тебя до ближайшего аэропорта и позаботятся о твоей машине.

— Нет, — отрезал Бонд. — Я сам разберусь со своей машиной. И не нужно заботиться обо мне. Ясно?

Куинн пожал плечами:

— Тогда нам придется заботиться о твоих похоронах. В машине ты уязвим.

Бонд ходил по комнате, собирая вещи, но постоянно держа в поле зрения Куинна. Нет, если уж не доверять — то не доверять никому, даже

этому человеку.

— Расскажи-ка о своих людях, — попросил он.

— Проще их показать. — Куинн кивнул в сторону окна и, подойдя к нему, слегка развел рейки жалюзи.

Бонд встал позади, прикрывшись его широкой спиной.

— Вот они, — сказал Куинн. — Один возле скал, в голубой рубашке. Второй — в серебристом «Рено», самая дальняя машина.

Это был «Рено 25 V6i». «Не лучший выбор, — подумал Бонд. — При удачном раскладе, я с легкостью оторвусь от них».

— Я запрашивал информацию еще на одного человека, — сказал он, отступив в глубь комнаты. — Англичанка с итальянской фамилией…

— Темпеста? — усмехнулся Куинн.

Бонд кивнул.

— М сомневается, что она в игре. Хотя не исключено, что она приманка. А тебе он просил передать, чтобы ты проявлял предельную осторожность. Предельную. Береги себя. Надо полагать, она где-то рядом?

— Да. Я обещал подбросить ее до Рима.

— Брось ее.

— Посмотрим. Ладно, Куинн, если у тебя все,

то у меня дела. Надо прикинуть маршрут домой. Хочу, чтобы он был живописным.

Куинн кивнул и протянул Бонду руку, но тот ее не пожал.

— Удачи, — сказал Куинн. — Она тебе понадобится.

— Я не верю в удачу. В конечном итоге рассчитывать приходится лишь на себя.

Нахмурившись, Куинн кивнул и вышел из номера, а Бонд продолжил готовиться к отъезду. Время поджимало, но сейчас его больше волновал вопрос, как быть с Темпестой.

В этом уравнении она была неизвестным, но интуиция подсказывала ему, что девушку можно использовать. Быть может, в качестве заложницы? Принцесса Темпеста могла бы стать идеальной заложницей, щитом, если отбросить жалость. Словно получив телепатический приказ, зазвонил телефон, и Бонд услышал в трубке мягкий голос Сьюки:

— Хочу узнать, что ты решил с отъездом, Джеймс?

— В любое время. Я почти готов.

Девушка рассмеялась. Резкость в ее смехе куда-то улетучилась.

— Мне потребуется еще минут пятнадцать. Не

желаешь перекусить на дорогу?

— Я бы предпочел где-нибудь в пути, если не возражаешь. Сьюки, у меня возникла небольшая проблема. Возможно, придется сделать небольшой крюк. Могу я зайти к тебе и обсудить это перед отъездом?

— Ко мне в номер?

— Да, так будет лучше.

— Но это может скомпрометировать такую скромную, воспитанную в монастыре девушку, как я.

— Обещаю, что я тебя не скомпрометирую. Минут через десять, хорошо?

— Если вы так настаиваете, сэр… — сказала она мягким голосом, но с ноткой официоза.

— Это действительно важно. Я буду через десять минут.

Едва Бонд повесил трубку, как телефон зазвонил вновь.

— Мистер Бонд? — Это был доктор Кирхтум, директор клиники Моцарта. Казалось, что его голос растерял часть присущего ему напора.

— Господин директор? — Спросил Бонд с долей тревоги.

— Мне очень жаль, мистер Бонд, но у меня для вас плохая новость…

— Мэй!?

— Ваша пациентка, мистер Бонд. Она исчезла. Полиция уже здесь. Простите, что не позвонил раньше. Она исчезла вместе с подругой, которая приходила вчера — с мисс Манипенни. Нам кто-то звонил, и с вами хочет поговорить детектив. Ваших знакомых, как это по-английски… умыкнули…

— Похитили. Мэй и Манипенни похищены?

Тысячи мыслей роились в голове Бонда, но одна была четкой: кто-то очень хорошо подготовился. Возможно, Мэй похитили из-за Манипенни, которая и являлась основной целью. Однако более вероятным представлялось то, что один из участников Охоты решил взять Бонда на прицел, а лучший способ это сделать — заставить его броситься на поиски Мэй и Манипенни.

5. Нанни

Кем бы ни была Сьюки Темпеста, но держалась она необычайно спокойно. Размышляя о девушке, Бонд снял с себя кимоно, чтобы упаковать его в чемодан, и краем глаза поймал в зеркале отражение своего обнаженного тела. Как профессионал он остался доволен увиденным: мышцы были по-прежнему тверды как сталь.

Бонд принял душ и побрился еще до прихода Куинна, поэтому теперь у него было время одеться и решить по поводу Сьюки. Бонд облачился в брюки, мягкие кожаные туфли, хлопчатобумажную рубашку «Си-Айленд» и серый пиджак от Оскара Якобсона, который надежно скрывал кобуру с пистолетом. Расположив чемодан и два кейса у двери, он проверил пистолет и спустился в холл, чтобы выписать себя и девушку.

Багаж девушки был уже заботливо упакован и ждал у двери.

— Я, в принципе, готова, — сказала Сьюки, одетая в обтягивающие джинсы и черную шелковую блузку, на вид от «Кристиан Диор».

Бонд аккуратно отстранил ее от порога вглубь

комнаты и мягко закрыл за собой дверь.

— Джеймс, в чем дело, — спросила она. — Что-то случилось?

— Да, Сьюки, и я хочу задать тебе пару вопросов. — Маска серьезности не сходила с его лица. — Кое-что случилось. Кое-что серьезное, и я боюсь, тебя это тоже касается.

— Я не понимаю…

— Меня хотят убить. Поэтому нравится ли тебе или нет, но ты будешь делать то, что я скажу.

— Убить? Но за что? — Девушка продолжала пятиться назад.

— Сейчас некогда объяснять, но, как я полагаю, ты можешь быть к этому причастна.

— Я? Причастна? К чему?

— Начнем с начала, Сьюки. Мы познакомились при довольно странных обстоятельствах…

— Странных? По-твоему странно, что ты защитил меня от двух грабителей?

— Уж больно вовремя я оказался на бензоколонке, чтобы спасти тебя. А потом вдруг твоя машина ломается как раз возле той гостиницы, где я остановился — очень удобно. Ну а затем я предлагаю тебе совместную поездку в Рим, и ты сразу же соглашаешься. Похоже на подставу.

— Но я…

— Прости…

— Ты не сможешь взять меня в Рим? — спросила девушка спокойным голосом. — Что ж, тогда я доберусь туда сама. Хотя без личного автомобиля сделать это, конечно, труднее.

— Э нет, ты поедешь со мной. Пусть даже и в Рим. У меня нет иного выхода. Но только в качестве заложницы. Ты будешь моей гарантией.

Бонд замолчал, чтобы девушка осознала сложившуюся ситуацию, но та просто улыбнулась:

— А знаешь, это даже интересно! Меня еще никто не брал в заложницы.

Бонд достал пистолет, но девушка лишь состроила гримасу:

— Ради бога, Джеймс, убери его! Я буду твоей заложницей, если это так нужно. В любом случае, у меня сейчас отпуск. — На ее лице изобразилось удовольствие. — Все это так увлекательно!

— Это так же увлекательно, как играть с тарантулами и гремучими змеями. Сьюки, люди, с которыми я столкнулся, не шутят, — сказал Бонд. — Мне очень жаль, но ты должна делать то, что я скажу. Медленно повернись — и руки на голову.

Бонд искал спрятанное оружие, а также предметы, которые могли быть использованы в

качестве оружия. Заметив на воротнике блузки небольшую брошь, он попросил отколоть ее и осторожно бросить на кровать, где лежала сумочка девушки. Затем Бонд приказал ей снять туфли. На первый взгляд брошь выглядела безобидно, но подстраховаться все равно стоило: опытные умельцы могли сделать смертельно опасной даже булавку. Осматривая брошь, Бонд продолжал держать в другой руке пистолет. В туфлях ничего не оказалось, в поясе тоже. Он извинился перед Сьюки за деликатность ситуации и объяснил, что должен обыскать ее и осмотреть личные вещи. Багаж мог подождать, главное — чтобы в пути он находился вне досягаемости от девушки. Бонд высыпал содержимое сумочки на кровать. Обычные женские принадлежности: чековая книжка, блокнот, кредитные карты, денежные купюры, бумажные салфетки, расческа, пузырек с таблетками, скомканные квитанции, духи «Кашарель Анэ-Анэ», помада и позолоченная пудреница.

В первую очередь Бонд осмотрел расческу, спички и швейный набор — предметы, которые годились в качестве оружия ближнего боя. Духи, помада и пудреница нуждались в более тщательной проверке. Порой пузырьки с духами содержали смертельно опасные жидкости, по-

мады таили в себе острые лезвия, всевозможные стреляющие механизмы и шприцы для подкожных инъекций, а в компактных пудрах прятались миниатюрные передатчики или что-нибудь похуже.

Когда Бонд приказал девушке раздеться, та лишь смутилась. Ее обнаженное тело цвета кофе с молоком вызывало восхищение: такой ровный загар требовал невероятного терпения, правильно подобранных лосьонов и строгой дозировки пребывания на солнце без нижнего белья. Найти такое тело в своей постели мечтал каждый мужчина.

Бонд ощупал джинсы и рубашку, убедившись, что в швах и подкладке ничего не спрятано. Вновь извинившись перед девушкой, он попросил ее одеться, позвонить консьержу и сообщить ему, что багаж готов и должен быть доставлен прямо к автомобилю мистера Бонда. Выполнив приказ, девушка положила трубку и встряхнула головой.

— Я сделаю все, как ты скажешь, Джеймс, в разумных пределах, конечно. Я вижу, что ты профессионал и знаешь, что нужно делать в такой сложной ситуации. К тому же ты мне нравишься. Но у меня — свои проблемы… — Судя по дрогнувшему голосу, девушка нервничала.

— Что за проблемы? — спросил Бонд.

— Одна моя школьная подруга остановилась в Каннобио… Это на берегу…

— Я знаю, где это, — перебил ее Бонд. — Мелкий итальянский курорт. Живописный, как раз для туристов. Совсем недалеко отсюда.

— Я пообещала, что мы подбросим ее. И она будет ждать нас после полудня у церкви Мадонна делла Пьета…

— К черту ее! — отрезал Бонд. — Позвони и скажи, что все отменяется!

Сьюки покачала головой:

— Поздно. В гостинице, где она должна была вчера остановиться, не оказалось свободных мест, и она принялась искать другую. Ты сказал, что мы задержимся, и тогда я предложила ей поехать с нами. Я думаю сейчас она уже у церкви или по пути туда. А позвонить ей некуда.

Их разговор прервал хозяин гостиницы, который лично пришел забрать багаж. Бонд поблагодарил его и сказал, что они с девушкой спустятся через несколько минут. Итак, куда теперь ехать? В любом случае ему предстояло покрыть большую дистанцию. В клинике Моцарта его ждала полиция — и относительная безопасность. Ехать в Италию у него не было ни малейшего желания.

Насколько было известно Бонду, центральный район Каннобио представлял собой идеальное место для засады: набережная и площадь перед церковью были всегда многолюдны. Это мог быть как один киллер, так и целая команда. Неужели Сьюки — сознательно или нет — заманивает его в ловушку?

— А как зовут твою школьную подругу? — спросил Бонд.

— Норрих. Наннетт Норрих. Но все называют ее Нанни. «Норрих Петрокемикалз» — это компания ее отца.

Бонд кивнул: он слышал об этой фирме.

— Хорошо, мы возьмем ее. Но ей тоже придется выполнять все, что я скажу. — И с этими словами Бонд крепко взял девушку за локоть, чтобы та не забывала, в чьих руках была инициатива.

Бонд прикинул, что поездка в Каннобио отнимет у него около часа: тридцать минут туда и тридцать обратно, после чего можно ехать к границе с Австрией. Две заложницы вместо одной — это был серьезный риск. С другой стороны, если грамотно расположить их в салоне, то это заметно усложнит задачу ликвидаторам. Утешало и то, что потенциальным убийцам предстояло отсечь ему голову, а это легче сделать на пустом участке

трассы или во время ночной остановки. На секунду Бонд представил себе эту жуткую сцену. Ведь на самом деле для подобной манипуляции сила не требовалась. Например, гибкая пила-струна позволяла проделать это довольно быстро. И тем не менее, успокаивал себя Бонд, вряд ли кто-то попытается сделать это перед церковью на берегу озера.

Хозяин гостиницы уже терпеливо ожидал их с багажом возле автомобиля. Бонд краем глаза заметил, как один из людей Стива Куинна не спеша направился к «Рено». Он даже не посмотрел в сторону Бонда, делая вид, будто ищет что-то на земле. Высокий, с обветренным лицом старой греческой статуи.

Бонд старался держать Сьюки в поле зрения, и после того, как багаж был уложен, сердечно попрощался с хозяином гостиницы и усадил девушку в переднее пассажирское кресло.

— Пристегни ремень безопасности и держи руки на приборной панели, — сказал он с улыбкой.

Вдали заурчал двигатель «Рено».

— Сьюки, давай сразу договоримся, — сказал Бонд, усаживаясь за руль. — Не заставляй меня лишний раз демонстрировать тебе свою реакцию, и вообще, делать то, о чем я потом буду жалеть.

— Я поняла, — ответила девушка с кроткой улыбкой. — Я ведь твоя заложница, и знаю свое место. Не волнуйся.

Бонд вырулил с парковки на задней передаче, заехал на эстакаду, и уже через семь минут они спокойно пересекли итальянскую границу.

— Тебе не кажется, что нас преследуют? — спросила девушка дрогнувшим голосом.

— Совершенно верно, — мрачно улыбнулся Бонд. — Наши ангелы-хранители, но мне не нужна такая защита. И вскоре мы от них оторвемся.

Девушка понимающе кивнула.

— Теперь по поводу Нанни, — сказал Бонд. — Лишнего не болтай. Скажешь, что в Рим она поедет своим ходом. Планы изменились, и нам нужно срочно в Зальцбург. Объяснишь ей это очень тактично. Усвоила?

У церкви Мадонна делла Пьета было довольно людно.

— Вот она, — Сьюки указала на высокую, элегантную девушку с волосами цвета безлунной ночи, собранными в строгий пучок. Ветер на секунду приподнял подол ее легкого платья, открыв взору Бонда округлый животик и контуры стройных, соблазнительных бедер.

— «Бентли»! Обожаю «Бентли»! — отреагиро-

вала девушка, заметив Сьюки в открытом окне автомобиля.

— Нанни, это Джеймс. И у нас небольшая проблема.

Пока Сьюки объясняла ей ситуацию, следуя инструкциям Бонда, тот бегло изучил новую знакомую: тонкие черты лица, темно-серые умные глаза, пристально смотрящие сквозь большие круглые очки, и брови, которые были выщипаны довольно старомодно, что придавало ее красивому личику выражение какого-то вечного сладостного ожидания.

— А я не против! — ответила Нанни хрипловатым голосом, явно не поверив ни единому слову девушки. — Я в отпуске. Какая мне разница — Рим или Зальцбург? Да и к Моцарту я всегда относилась с уважением.

На открытой местности Бонд чувствовал себя уязвимым, поэтому на долгие разговоры времени не было.

— Значит, вы едете с нами? — спросил он нетерпеливо.

— Конечно! Я ни за что не упущу такой шанс!

— Одну минуту, — остановил он девушку, едва та открыла дверцу. — Для багажа в машине предусмотрено специальное место. — И тут же шепнул

Сьюки: — Руки на панель. Или ты забыла?

Сьюки подчинилась, а Бонд вышел из машины и проследил за тем, чтобы Нанни уложила свой чемодан в багажник.

— Да, и сумочку, пожалуйста, туда же, — добавил он как можно любезнее.

— А если она понадобится мне в дороге?

— Нанни, будьте умницей. Сьюки права: проблема действительно серьезная. Ия не могу допустить, чтобы ваш багаж находился в салоне.

— Ладно, — пожала плечами Нанни.

Серебристый «Рено» стоял чуть впереди, его мотор продолжал работать. Это радовало: значит, они думали, что Бонд продолжит путь в Италию.

— Не хочу показаться вам грубым, — продолжил он, — но это еще не все. Я понимаю, мы только что познакомились, но я должен вас обыскать прямо здесь, в людном месте. Заранее предупреждаю, что кричать и сопротивляться не нужно. Обещаю: я не позволю себе лишнего.

Бонд оперативно прошелся кончиками пальцев по телу девушки, стараясь не смущать ее.

— Я — человек рискованной профессии, — пояснил он, — и, садясь в мой автомобиль, вы также подвергаетесь опасности… либо сами можете представлять опасность для меня. Поэтому по-

добные меры абсолютно необходимы. Не сочтите за бестактность.

К его удивлению, девушка просто улыбнулась:

— А знаете, мне даже понравилось. Может, повторим эту процедуру в более интимной обстановке?

— Пристегнитесь, пожалуйста, — попросил Бонд. — Мы поедем довольно быстро.

Заведя мотор и выбрав подходящий момент, Бонд включил заднюю передачу, повернул руль и одновременно выжал педали газа и тормоза — описав полукруг, машина с ревом втиснулась между медлительным «Фольксвагеном» и грузовиком с овощами — к большому недовольству водителей.

В зеркале заднего вида Бонд увидел, что пассажиры «Рено» явно растерялись, не ожидая подобного поворота событий. Едва зона ограничений осталась позади, Бонд выжал педаль газа до предела и помчался по прибрежной извилистой дороге на максимально возможной скорости.

На таможне он сообщил пограничникам, что его преследуют бандиты, и предъявил дипломатический паспорт, который возил с собой на непредвиденные случаи. Это произвело должное впечатление на карабинеров: те стали обращать-

ся к нему «Ваше превосходительство», оказали почтение дамам и обещали тщательным образом допросить пассажиров «Рено».

— Вы всегда так быстро водите, мистер Бонд? — спросила его Нанни. — Сразу видно — энергичный человек. Лихие тачки, женщины и скачки.

Бонд не ответил. Он полностью сосредоточился на дороге, поэтому девушки увлеклись воспоминаниями о школьной поре, вечеринках и знакомых мужчинах. Вскоре возникли первые трудности: его пассажирки захотели посетить уборную. Дважды в течение дня Бонд останавливался на станциях автосервиса и оба раза ставил машину так, чтобы видеть одновременно таксофоны и дверь дамской уборной. Он отпускал девушек по одной, прозрачно намекая, что будет, если одна из них выкинет какой-нибудь фокус. Свой собственный мочевой пузырь приходилось держать под контролем. И все же в одной из закусочных, где они остановились перед въездом на австрийский серпантин, Бонд был вынужден оставить девушек без присмотра.

Когда он вернулся, они выглядели вполне спокойно и были крайне удивлены тому, что он принял с кофе пару таблеток бензедрина.

— Мистер Бонд… — обратилась к нему Нанни.

— Да?

— Вот нам интересно, а когда мы остановимся на ночлег, вы тоже будете за нами присматривать?

— Никаких остановок, — отрезал Бонд. — Будете спать в машине, пока не доберемся до Зальцбурга.

— Как китайцы… — пробормотала Сьюки.

— Чем скорее мы доберемся до Зальцбурга, тем скорее я вас отпущу. Местная полиция во всем разберется.

— Послушайте, Джеймс, — в голосе Нанни послышались заговорщицкие нотки, — мы с вами едва знакомы, но поверьте: для нас — это увлекательное приключение, о котором можно прочесть только в книжках. Мы уверены, что вы порядочный человек, если, конечно, интуиция нас не обманывает. Может, вы объясните нам, что все-таки происходит? Мы бы помогли вам, если бы знали больше…

— Вернемся в машину, — отрезал Бонд. — Я уже объяснил Сьюки, что это так же увлекательно, как угодить в рой пчел-убийц.

Бонд понимал: либо его подопечные проявляют первые признаки Стокгольмского синдрома и стремятся встать на его сторону, либо стараются

усыпить его бдительность. Чтобы свести риск к минимуму, ему не следовало проявлять эмоций. А это было нелегко в компании двух молодых привлекательных девушек.

Нанни раздраженно вздохнула, Сьюки попыталась о чем-то спросить, но Бонд поднял руку и добавил приказным тоном:

— В машину!

Они в хорошем темпе преодолели длинный извилистый перевал Малояпасс, миновали Санкт-Мориц и пересекли австрийскую границу в городке Винади. В половине восьми, обогнув Инсбрук, Бонд выехал на автобан A12 и направился в северо-восточном направлении, рассчитывая где-то через час достичь трассы A8, чтобы свернуть на восток к Зальцбургу. Сосредоточившись на дороге, он не переставал проклинать ситуацию. Прекрасная погода, великолепные пейзажи… Каким памятным мог бы оказаться его отпуск при иных обстоятельствах! Вместо этого он был вынужден постоянно следить за скоростью, температурой двигателя и расходом топлива.

— Помните серебристый «Рено», Джеймс? — послышался насмешливый голос Нанни. — Сдается мне, он нас догоняет.

— Ангелы-хранители, — вздохнул Бонд. — Черт бы их побрал!

— Номер тот же, — заметила Сьюки. — Я хорошо его запомнила в Бриссаго. Вот только, пассажиры, кажется, другие.

Бонд глянул в зеркало. Ну да, серебристый «Рено 25» висел на хвосте приблизительно в восьмистах метров от них. Лица были не видны, но кто там мог сидеть, если не люди Стива Куинна? На всякий случай Бонд перестроился в крайнюю полосу, продолжая наблюдать за хвостом в боковое зеркало.

Девушки замолкли, словно дичь, почуявшая хищника. Их страх был почти осязаемым.

Пустая дорога, словно лента, убегала вперед, зеленые холмы по обочинам поднимались к каменистым вершинам и сосновому лесу. Бонд вновь бросил взгляд в зеркало и увидел сосредоточенное лицо водителя «Рено». За его спиной низко повис красный диск солнца. Что если водитель прибегнул к старой тактике летчиков-истребителей — заход со стороны солнца?

«Бентли» на секунду вильнул, и боковое зеркало полыхнуло малиновым светом. Чувствуя близость смерти, Бонд утопил педаль газа в пол.

Машина с легкостью рванула вперед, но ма-

невр запоздал: «Рено» практически догнал их, продолжая увеличивать скорость.

Раздался пронзительный женский визг, и неожиданно в салон ворвался мощный поток воздуха. Это Сьюки закричала: «Ложись!», а Нанни Норрих опустила свое стекло при помощи тумблера. Бонд выхватил пистолет, бросил его на колени и потянулся к панели управления стеклоподъемниками.

— На пол! — скомандовал он, одновременно опуская стекло на своей двери. В салоне вновь дохнуло воздухом, и образовался сквозняк.

— Они собираются стрелять! — закричала Нанни.

Из заднего окна «Рено» высунулось обрезанное дуло помпового «Винчестера», и прогремели два оглушительных выстрела. Первый раздался за правым плечом Бонда, наполнив салон машины серой пеленой и безошибочно узнаваемым запахом пороха.

Второй был громче и чуть дальше, но рев мотора, шум ветра в салоне и звон в ушах почти заглушили его.

«Бентли» качнулся вправо, словно его пнули огромным ботинком со стальной окантовкой, после чего послышался резкий грохот, как будто

в корпус машины ударил град из камней.

Затем прогремел еще один выстрел.

Из заднего окна серебристого «Рено», в котором виднелся силуэт человека с «Винчестером», струился пороховой дым.

— Сьюки, лежать! — крикнул Бонд, словно собаке, тщательно прицелился в водителя и произвел два выстрела.

На какое-то мгновение автомобили со скрежетом сцепились боками, болтаясь из стороны в сторону, после чего сзади вновь прогремел выстрел.

Они шли на скорости около ста километров в час, и Бонд почувствовал, что вот-вот потеряет контроль над машиной. Он резко затормозил, и колеса коснулись обочины. Машина заскользила по траве и с резким ударом остановилась.

— Вылезаем с правой стороны! — скомандовал Бонд. — И прячемся за машиной!

Оказавшись в относительной безопасности за автомобилем, Бонд осмотрелся.

Сьюки приникла к земле, словно пытаясь в нее врасти. Нанни, напротив, присела за багажником. Ее юбка задралась, открыв взору кружевной верх чулок и кусочек белого пояса для подвязок. На внутренней стороне бедра виднелась кобура

из мягкой кожи. В руках Нанни крепко сжимала рукоятку пистолета 22-го калибра и целилась в машину с бандитами.

— Полиция будет в ярости, — крикнула она. — Они развернулись и гонят по встречке.

— Какого черта!.. — начал было Бонд.

— Доставайте пистолет и стреляйте! — рассмеялась Нанни. — Скорей, господин Джеймс, слушайтесь няню (Имя Нанни созвучно английскому слову nanny, то есть «няня»). Няня плохого не посоветует.

6. ОАН

Бонд выглянул из-за продолговатого капота «Бентли»: серебристый «Рено» мчался прямо на них по крайней правой полосе, вынуждая встречный транспорт резко тормозить поперек дороги. Откуда у Нанни взялся пистолет, выяснять было некогда.

— По шинам, — спокойно произнесла она. — Бейте по шинам!

— Сама бей по шинам, — огрызнулся Бонд, вне себя от того, что им командовала женщина. У него был свой план, как остановить приближавшийся автомобиль.

«Странно, — подумал он, — первоначально в “Рено” сидели двое, теперь же их трое: стрелок с “Винчестером” на заднем сидении, водитель и еще один пассажир, вооруженный мощным револьвером». Неожиданно человек, сидевший позади, исчез из виду, а его «Винчестер» перекочевал в руки пассажира рядом с водителем. Затем пассажир перегнулся через водителя и высунулся из открытого окна. Тем временем «Рено» неумолимо приближался к «Бентли».

Патроны типа «Глейзер», чья полость заполнена дробью № 12 в жидком тефлоне, отличаются невероятно мощной убойной силой. После проникновения в кожу, кость, мышечную ткань или металл, такая пуля деформируется, а из ее полости вырываются десятки металлических дробин, сокрушая все на своем пути. С нескольких шагов пуля «Глейзера» может оторвать человеку конечность. И уж, конечно, способна воспламенить бензобак. Именно в него собирался выстрелить Бонд. И когда задняя часть «Рено» оказалась в желтом треугольнике прицела «Гаттерснайп», 007 плавно надавил на спусковой крючок и произвел два выстрела.

Тем временем Нанни попала в покрышку левого переднего колеса, превратив ее в горящие ошметки. Будучи вооруженной пистолетом 22-го калибра, она била на удивление кучно и точно.

Машину занесло и накренило. Казалось, еще чуть-чуть — и она протаранит «Бентли», но водитель справился с управлением, и автомобиль помчался прямо к обочине.

Словно в замедленном кино, «Рено» продолжал идти юзом, скрежеща тормозами. Но когда машина поравнялась с багажником «Бентли», из ее бензобака с шипением вырвался тонкий язы-

чок голубого пламени, напоминавший горящую струю природного газа, после чего машину охватил огненный шар малинового цвета и раздался оглушительный грохот.

Горящая масса искореженного металла покатилась кубарем и остановилась в ста метрах позади «Бентли». Ее эффектные предсмертные судороги сопровождались какофонией звуков шипения лопающейся резины, скрежета металла и треска пламени.

На какое-то мгновение все замерли. Вдали показалось несколько автомобилей, но у Бонда не было желания общаться с полицией.

— Все целы? — окликнул он. — Никого не зацепило?

— Вмятина и много дырок в кузове, но колеса, похоже, целы, — ответила Нанни, осмотрев другой бок машины. — И краска содрана от носа до кормы.

Она поправила юбку, продемонстрировав Бонду белые кружева.

— Сьюки, ты в порядке? — спросил он.

— Потрясена, но вроде цела, — ответила она.

— Тогда в машину! — скомандовал Бонд, усаживаясь за руль.

Мимо горящего кузова осторожно проехала

машина с туристами в клетчатых рубашках и соломенных шляпах. Бонд резко повернул ключ зажигания, и мощный двигатель ожил. Сняв машину с ручного тормоза, он включил первую передачу и осторожно вырулил на трассу.

Пока движение на дороге было слабым, Бонд проверил работу двигателя и рулевой системы. Уровень топлива был в норме, датчики давления масла и гидравлические приводы работали безукоризненно. Бонд плавно разогнал автомобиль до последней передачи и постепенно сбросил скорость, проверяя плавность хода шестерней трансмиссии. Тормоза тоже были в порядке круиз-контроль по-прежнему функционировал, а повреждения кузова не повлияли на амортизационные свойства и управление.

Было необходимо как можно скорее сообщить о случившемся в Лондон, чтобы те предупредили австрийскую полицию, которой вряд ли понравится перестрелка на автобане, особенно если учесть, что несколько человек в ходе нее сгорели заживо. И что стало с людьми Куинна? Или они соблазнились на швейцарские миллионы? Еще эта Нанни с ее оголенным бедром и меткой стрельбой…

— Отдайте-ка мне свое оружие, — сказал Бонд,

даже не обернувшись.

— Э, нет, Джеймс, — ответила Нанни кокетливо, — не отдам!

— Не люблю, когда женщины вооружены, особенно в подобных обстоятельствах и в моей машине. И как я его только пропустил?

— Вы хоть и профессионал, Джеймс, но все-таки джентльмен, а поэтому не стали обыскивать меня между бедрами…

Он вспомнил, как она флиртовала с игривой улыбкой.

— Значит, пришла жестокая расплата? Вы целитесь мне затылок?

— Успокойтесь. Мой пистолет вернулся на прежнее место. Надо сказать, не самое удобное для оружия. Во всяком случае для такого.

Судя по дорожным знакам, впереди была стоянка для отдыха. Притормозив, Бонд свернул с магистрали на проселочную дорогу и, проехав между густыми зарослями пихты, оказался на открытой поляне с деревянными скамейками и столами. Отдыхающих не было. На краю поляны виднелась опрятная телефонная будка.

Припарковав автомобиль носом к выезду, Бонд заглушил мотор, отстегнул ремень безопасности и протянул к Нанни правую ладонь.

— Пистолет, Нанни. Мне нужно позвонить без риска для собственного здоровья. Давайте, без фокусов.

Та обворожительно улыбнулась:

— А вы попробуйте отберите. Это не так просто, как кажется. Ну посудите сами: я стреляла, чтобы спасти вас, потому что Сьюки велела мне подчиняться вам. Если бы она дала другие распоряжения, вы бы узнали об этом сразу после нашего знакомства.

— В смысле? — не понял Бонд.

— Она мною руководит. Во всяком случае, в данный момент. И я выполняю ее приказы.

Сьюки положила руку на плечо Бонда:

— Прости, что не сказала тебе об этом раньше. Она не только моя школьная подруга. Нанни — директор ОАН и сейчас работает на меня.

— Что еще за ОАН? — раздраженно переспросил Бонд.

— Охранное агентство Норрих, — весело пояснила Нанни.

— Что?!

— Мы телохранители.

— Телохранители? — Бонд не верил своим ушам.

— Да. Охраняем обеспеченных клиентов. В моем

агентстве работают исключительно женщины. Особенные женщины, которые владеют боевыми искусствами, умеют обращаться с оружием, а также управлять автомобилями, самолетами и прочими видами транспорта. Мы настоящие профи, и у нас обеспеченная клиентура.

— И Сьюки — одна из таких клиенток?

— Разумеется. И я всегда стараюсь охранять ее лично.

— Однако в Бельгии ваши люди облажались, — съязвил Бонд. — На бензоколонке под Брюсселем. Мне бы следовало попросить процент.

Нанни вздохнула:

— К несчастью, так получилось, что…

— Я сама виновата, — вмешалась Сьюки. — Нанни собиралась забрать меня в Брюсселе после того, как ее сотрудницу срочно отозвали, но я сказала, что доберусь домой сама. Как оказалось, это было ошибкой.

— Еще какой! — согласилась Нанни. — Послушайте, Джеймс. Да, у вас неприятности. Но у Сьюки тоже неприятности, главным образом потому, что она мультимиллионерша, которая большую часть года проводит в Риме. А это значит — она легкая мишень. Так что идите и спокойно звоните, куда вам нужно. Доверьтесь

нам. Доверьтесь мне и моему агентству.

Бонд пожал плечами, вышел из машины и запер девушек внутри. Достав из багажника скремблер, он направился к телефонной будке. Подключить скремблер к таксофону было сложнее, чем к обычному аппарату, но Бонд быстро справился с этой задачей и позвонил венскому резиденту.

Разговор был кратким. Резидент согласился уладить дела с австрийской полицией, пообещав прислать на стоянку патрульных и детектива, который занимался делом о похищении Мэй и Манипенни. «Сиди там, — посоветовал он. — Они будут в течение часа…»

Бонд повесил трубку и позвонил в Лондон.

— Люди Куинна мертвы, — сообщил ему дежурный офицер. — Найдены в канаве, оба застрелены в затылок. Не вешайте трубку. С вами хочет поговорить М.

— Плохо дело, Джеймс, — сообщил шеф мрачным тоном. Старик называл Бонда по имени только в особых случаях.

— Это точно, сэр, — согласился Бонд. — К тому же Мэй с Манипенни исчезли…

— И требования у похитителей серьезные.

— В смысле?

— Разве ты не в курсе?

— Я еще ни с кем не говорил.

Последовала длинная пауза.

— Женщин вернут невредимыми в течение сорока восьми часов в обмен на тебя, — ответил шеф. — Таковы условия похитителей.

— Я ожидал нечто подобное. Австрийская полиция в курсе?

— Кое-что им известно.

— Тогда буду ждать от них новостей. Насколько я понял, они уже в пути. Передайте Риму, что я сожалею о его людях.

— Береги себя, 007. И ты знаешь правила: мы не идем на сделки с террористами. Так что никакого геройства. Повторяю: не смей идти у них на поводу.

— У меня нет другого выхода, сэр.

— Выход есть всегда, — перебил его М. — Найди его. У тебя на это целых сорок восемь часов.

Старик повесил трубку, Бонд отсоединил скремблер от телефонного аппарата и медленной походкой вернулся к автомобилю. Итак, его жизнь — в обмен на жизни Мэй и Манипенни. Что ж, если иного пути не будет, придется умереть. Но в любом случае нужно идти до конца.

Полиция прибыла ровно через час и тридцать

шесть минут. Тем временем Нанни поведала Бонду о том, как она основала свое охранное агентство. Всего за пять лет она открыла филиалы в Лондоне, Париже, Риме, Лос-Анджелесе и Нью-Йорке, при этом ни разу не прибегнув к рекламе.

— Иначе все бы решили, что мы девушки по вызову, — с улыбкой пояснила Нанни.

— Мы с самого начала сделали ставку на сарафанное радио. Так даже интереснее.

Бонд спрашивал себя: почему в МИ-6 никто не знал об этой организации. Похоже, ОАН было сокровенной тайной в узких кругах высшего общества.

— Нас не так легко вычислить, — с гордостью заметила Нанни. — Когда клиент — мужчина, наша сотрудница играет роль его девушки, а когда клиент — женщина, то обеих сопровождают мужчины. — Нанни рассмеялась. — За последний год на моих глазах Сьюки дважды разбивали сердце!

От возмущения девушка залилась краской и хотела что-то сказать, но в этот момент примчались два патрульных автомобиля, оставляя за собой облако пыли. В каждом было по четыре офицера полиции, сред них — один в штатском. Выйдя из машины, он с облегчением вытянулся во весь свой огромный рост. Человек был одет

в безупречный костюм, хотя его несуразное телосложение представляло трудности даже для опытного портного. Длинные руки с маленькими кистями по-обезьяньи свисали почти до колен, лицо казалось слишком большим для узких плеч, щеки напоминали спелые яблоки, а огромные уши выглядели, словно ручки кувшина.

— О, боже, — прошептала Нанни, буквально излучая страх. — Крюк, собственной персоной.

— Какой еще Крюк? — переспросил Бонд.

— Инспектор Генрих Остен. Ему давно пора на пенсию, а он по-прежнему работает инспектором. Самый жестокий и продажный ублюдок в Австрии. — Нанни продолжала говорить шепотом, как будто мужчина, шаркавший к их машине, мог услышать каждое ее слово. — Говорят, никто не решается отправить его на пенсию, потому что у него компромат почти на всех в стране — по обе стороны закона.

— Он тебя знает?

— Лично не встречалась. Но в нашей картотеке он есть. Бывший национал-социалист. Любимое орудие пытки — крюк мясника. Отсюда и кличка — Крюк. С таким человеком шутки плохи. Джеймс, не доверяйте ему.

Инспектор Остен в сопровождении двух пат-

рульных приблизился к двери Бонда, наклонился вперед, словно нефтяной насос, и помахал ему рукой, шевеля пальцами, будто желая привлечь внимание маленького ребенка.

— Господин Бонд? — спросил он тонким, пронзительным голосом.

— Да. Бонд, Джеймс Бонд.

— Отлично. Мы должны доставить вас в Зальцбург. Будьте любезны, выйдите на секунду из машины.

Бонд вышел и пожал протянутую ему руку, которая на ощупь напоминала высохшую кожу змеи.

— Я занимаюсь вашим делом, господин Бонд. Таинственное исчезновение двух дам. Неплохое название для книги, не правда ли?

Бонд промолчал. Он не был готов к шуткам по поводу Мэй и Манипенни. Почувствовав это, инспектор вновь стал серьезным.

— Меня зовут Остен. Генрих Остен, — продолжил он с ухмылкой, оголив потемневшие зубы. — Но некоторые называют меня Крюком. Уж, не знаю почему. Возможно потому, что я занимаюсь ловлей преступников. — Он вновь засмеялся. — Кто знает, господин Бонд, может, и вы когда-нибудь попадетесь на мой крючок. Нам

с вами надо поговорить, поэтому я поеду в вашем автомобиле, а дамы — в другом.

— Нет! — отрезала Нанни.

— Да, — возразил Крюк.

Он открыл заднюю дверцу, и патрульный чуть ли не силой вытянул Сьюки из салона. Другой полицейский проделал то же самое с Нанни, которая отчаянно упиралась ногами и руками. «Только бы она не воспользовалась пистолетом… — подумал Бонд. — Хотя нет. Она, скорее, закатит скандал, и те будут вынуждены ее отпустить».

Остен вновь улыбнулся.

— Без женщин как-то спокойнее, — сказал он. — И потом, вы же не хотите, чтобы они услышали, как я предъявлю вам обвинения в причастности к похищению и, возможно, даже убийству…

7. Крюк

Бонд вел машину предельно осторожно: от человека, сидевшего рядом с ним, веяло скрытым безумием, которое могло проснуться от малейшей провокации. Бонду часто приходилось сталкиваться со злом, но сейчас оно было ощутимо как никогда. Помимо этого от инспектора веяло запахом дешевого одеколона, которым тот обильно обработал копну своих волос.

— Похищение и убийство, — пробормотал Остен, словно размышляя вслух.

— И вы собираетесь меня в этом обвинить?

— Я могу предъявить вам убийство, — усмехнулся инспектор. — Вам и вашим молодым спутницам. Вы запоете у меня как соловей.

— Я рекомендую вам переговорить с начальством, а также со Службой безопасности.

Остен презрительно фыркнул:

— Трусливые болваны, которые вечно прячутся за чужими спинами. Они мне не указ.

— Вы сами себе закон, инспектор?

Остен вздохнул.

— Да, в данной ситуации закон — я, и это глав-

ное. А вы связаны с двумя англичанками, которых похитили из клиники…

— Одна из них шотландка, инспектор.

— Неважно, — Остен надменно отмахнулся своей кукольной рукой. — Вы — единственный ключ, связующее звено во всей этой истории; человек, который хорошо знает обеих жертв, и мой долг — допросить вас самым тщательным образом…

— Мне бы самому хотелось узнать подробности, — прервал его Бонд. — Кстати, одна из женщин — моя экономка…

— Та, которая молодая?

Вопрос был задан таким неприятным тоном, что Бонд чуть не вышел из себя.

— Нет, инспектор. Та, которая пожилая. Она много лет работает у меня, а молодая — моя коллега по работе. Советую вам повременить с допросом и посоветоваться с кем-нибудь из руководства.

— У меня к вам и другие вопросы, — продолжил Остен. — Провоз огнестрельного оружия в страну и участие в перестрелке на автобане, в результате которой погибли люди и возникла угроза крупного ДТП…

— При всем уважении, инспектор. Эти люди

пытались убить меня и двух девушек, которые ехали со мной.

— Разберемся, — медленно кивнул Остен. — В Зальцбурге мы во всем разберемся.

Внезапно инспектор протянул к Бонду свою длинную руку, похожую на змею, и в считанные секунды тот остался без пистолета и дубинки. Генрих Остен обладал не только опытом, но и поразительной интуицией.

— Не люблю общаться с вооруженным человеком, — румяные щеки Остена расплылись в улыбке.

— Если вы потрудитесь заглянуть в мой бумажник, то найдете там международную лицензию на ношение оружия, — заметил Бонд.

— Разберемся, — вздохнул Остен. — В Зальцбурге мы во всем разберемся.

Они добрались до города ближе к полуночи. «Налево… здесь направо… здесь опять направо…» — командовал инспектор. Мельком Бонд увидел реку Зальцах, мосты, пересекавшие ее, а также крепость Хоэнзальцбург — бывшую цитадель князей-архиепископов, которая гордо возвышалась над рекой и старым городом.

Сначала Бонд решил, что они направляются в полицейский участок, однако вскоре, преодолев

бесконечный лабиринт улиц, они проехали мимо пары новостроек и оказались на подземной парковке. Два полицейских автомобиля, которые отстали от них по дороге в город, уже стояли там. В одной из машин сидела Сьюки, в другой — Нанни.

Бонд насторожился: резидент заверил его в том, что на полицию можно положиться, а вместо этого он оказался в руках сотрудника с крайне неприятным характером и сомнительной репутацией. Все это напоминало заранее продуманный и очень подозрительный план. Бонд не сомневался, что автомобильная стоянка принадлежала многоквартирному дому.

— Опустите стекло с моей стороны, — тихим голосом попросил Остен.

Один из полицейских подошел к окну, другой встал перед автомобилем, направив на Бонда зловещее дуло автомата.

Остен отдал распоряжения подчиненному по-немецки. Говорил он быстро и тихо, поэтому Бонд разобрал лишь отдельные слова: «Сперва женщины… отдельные комнаты… постоянное наблюдение… пока во всем не разберемся…» Потом инспектор что-то спросил, и патрульный ответил: «Позвоните ему как можно скорее».

Генрих Остен закивал головой, словно китайский болванчик, и отпустил полицейского. Второй продолжал держать Бонда на прицеле.

— Мы подождем несколько минут, — сообщил инспектор Бонду с довольной ухмылкой.

— Поскольку вы так и не объяснили, в чем меня обвиняют, я бы хотел связаться с моим посольством в Венне, — отчеканил 007 каждое слово.

— Всему свое время. Необходимо соблюсти определенные формальности.

С невозмутимым видом Остен скрестил руки на груди, давая понять, что он полностью контролирует ситуацию.

— Формальности? Какие к черту формальности? — закричал Бонд. — В конце концов, есть элементарные права человека! Я выполняю задание. И требую, чтобы…

Остен кивнул в сторону человека с автоматом:

— Остыньте, мистер Бонд, вы ничего не можете требовать. Здесь вы чужак, а я — представитель закона. На вас нацелен «Узи». Так что у вас нет прав.

Девушек вывели из машин, стараясь держать их друг от друга на дистанции. Сьюки была так напугана, что даже не обернулась в сторону «Бентли», а по красноречивому взгляду Нанни

Бонд понял, что девушка по-прежнему вооружена и выжидает удобного момента. «Смертельно опасная и чертовски привлекательная», — подумал он.

Остен толкнул Бонда в бок его собственным пистолетом.

— Оставьте ключи в машине. Ее отгонят до утра. Выходите, держа руки на виду — офицер с автоматом немного нервный.

Бонд повиновался. Снаружи было прохладно, пахло бензином, резиной и машинным маслом.

Человек с автоматом указал Бонду на небольшой коридор, который заканчивался, на первый взгляд, кирпичной стеной. Остен достал из кармана пульт дистанционного управления. Секция кирпичной стены плавно отъехала назад и скользнула в сторону, открывая взору стальные двери лифта. Где-то в гараже завелся двигатель, и машина направилась к выезду.

Бонд, Остен и человек с автоматом вошли в кабину, и лифт бесшумно доставил их в небольшую прихожую, чьи стены украшала современная живопись. Затем они оказались в большой роскошной квартире, отделанной в современном стиле: турецкие ковры, дерево, сталь, стекло и дорогие ткани. На стенах висели картины Джона

Пипера, Грэхема Сазерленда, Пьера Боннара, Георга Гросса и Дэвида Хокни. Огромное французское окно вело на широкий балкон. Слева за аркой находились столовая и кухня, за двумя арками пониже были длинные коридоры с блестящими белыми дверьми. Каждую арку охранял полицейский. За окном виднелась подсвеченная прожекторами крепость Хоэнзальцбург — до тех пор, пока Остен не приказал зашторить его, и светло-синий бархат бесшумно скользнул по рейке, заслонив великолепный пейзаж.

— Неплохо для инспектора полиции, — заметил Бонд.

— Ах, если бы все это было моим, — вздохнул Остен. — Я снял эту квартиру на один вечер.

Бонд кивнул, в знак того, что квартира была слишком стильной и элегантной для вкуса инспектора. Он обернулся к Остену и сказал:

— Послушайте, уважаемый. Я ценю вашу заботу, но примите к сведению, что наше посольство и департамент, который я представляю, выдали вам четкие инструкции касаемо моей безопасности. И ваши люди гарантировали нам полное содействие. Вы сказали, что я не имею права что-либо требовать. Но вы серьезно заблуждаетесь. На самом деле я имею полное право требовать

все что угодно.

Остен вперил в него свой остекленелый взгляд и внезапно рассмеялся.

— Будь вы живы, мистер Бонд, вы бы могли требовать что угодно. И я был бы обязан вам подчиняться. Но дело в том, что мы с вами оба мертвы.

Бонд сверкнул глазами, начиная осознавать, что задумал инспектор.

— Ваша беда в том, что вы уже труп, — продолжал Крюк. — А я стал призраком. — С улыбкой он огляделся вокруг. — И в скором времени я буду жить здесь. Неплохое место для призрака, правда?

— Очаровательное, — съязвил Бонд. — А что ждет меня?

На лице полицейского не осталось ничего человеческого. Черты окаменели, а остекленелые глаза будто покрылись мириадами трещин. Даже румяные щеки мертвенно побледнели.

— Могила, мистер Бонд. Вы будете там, где и полагается покойнику. В холодной, сырой могиле. Как будто вас никогда и не было на этом свете.

Вскинув руку, Остен взглянул на часы и приказал человеку с автоматом включить телевизор.

— Сейчас начнутся новости. О моей смерти

уже доложили. О вашей смерти сообщат как о вероятной, хотя на рассвете она станет более, чем вероятной. Так что сидите и наслаждайтесь. Надеюсь, вы оцените то, как я лихо все провернул, особенно учитывая сжатые сроки.

Бонд опустился в глубокое кожаное кресло. Он прикидывал свои шансы в стычке с вооруженными полицейскими.

Тем временем на большом экране появились соблазнительные австрийки, которые, стоя на фоне горного пейзажа, рассказывали зрителям о пользе солнцезащитного крема. Затем на легком самолете прилетел молодой парень и сообщил, что вид сверху просто фантастический, но он был бы еще фантастичнее с фотоаппаратом определенной марки.

Наконец рекламу сменила заставка программы новостей, и симпатичная брюнетка с серьезным видом сообщила о жуткой трагедии на трассе А-12, где неизвестные обстреляли автомобиль с туристами, в результате чего при взрыве погибли все пассажиры. На экране появились фотографии обломков серебристого «Рено» на фоне полицейских машин и кареты «скорой помощи». Затем ведущая сообщила еще об одной трагедии: пять офицеров полиции, спешившие на место про-

исшествия, погибли в результате несчастного случая на дороге. Водитель одного из патрульных автомобилей не справился с управлением и столкнулся с другой машиной. Обе выскочили на обочину, врезались в деревья и загорелись.

На экране показали обломки полицейских автомобилей, после чего появилась чернобелая фотография инспектора Генриха Остена, и ведущая с прискорбием сообщила, что Австрия потеряла одного из самых верных служителей закона. Он ехал во второй машине и скончался от серьезных ожогов.

Затем Бонд увидел свою фотографию и номерной знак «Бентли». По словам телеведущей, британский дипломат, путешествовавший в компании двух молодых девушек, разыскивался по подозрению в участии в вышеупомянутой перестрелке. Официальный представитель посольства заявил, что некоторое время назад дипломат позвонил в посольство и попросил о помощи, но руководство посчитало, что у него просто нервный срыв. «В последнее время он испытывал большой стресс», — пояснил представитель посольства репортеру. После этого, по словам ведущей, дипломат и молодые женщины скрылись на автомобиле «Бентли» в неизвестном

направлении. Полиция продолжала поиски, но не исключала возможности, что беглецы свалились в пропасть на одной из горных дорог. Полицейские опасались наихудшего сценария.

После этих слов Остен засмеялся.

— Видите, как просто? — спросил он. — Завтра ваш автомобиль найдут на дне пропасти, а в нем — три изуродованных тела.

— Надо полагать, мое тело будет обезглавлено? — спокойно спросил Бонд.

— Разумеется, — ответил инспектор. — Я вижу, вы в курсе событий.

— Я в курсе того, что вам удалось убить пятерых своих коллег.

Остен поднял свою кукольную руку в знак протеста.

— Упаси боже, мистер Бонд. То были бродяги, бомжи, отбросы общества… Мы просто сделали этот мир чище.

— А как же патрульные машины?

— Машины были настоящие. А те, что на парковке, — фальшивки. Я держал на всякий случай пару белых «Фольксвагенов» с битыми номерами и полицейской символикой… И вот этот случай настал.

— Вчера?

— Да, когда я узнал об истинной причине похищения ваших подруг и о награде. Да, это было вчера. У меня свои источники информации. Я навел справки и узнал о…

— Об Охоте за головой.

— Именно, мистер Бонд! Вы хорошо проинформированы. Хотя люди, предложившие приз, уверяли меня, что вы в полном неведении.

— Для соперника, который вступил в игру позже других, вы прекрасно организованы, — прокомментировал Бонд.

— Организован? — Щеки инспектора залоснились от гордости. — Всю жизнь я был на низком страте. У меня все подготовлено: план побега, средства, документы, друзья, паспорт…

Самоуверенность инспектора нисколько не удивляла: Бонд находился в его руках, на его территории.

— Я знал, что рано или поздно фортуна улыбнется мне, — увлекся рассказом Остен, — и мне попадется дело о крупном шантаже или похищении, которое позволит мне по-настоящему разбогатеть и скрыться. Мелкие преступники никогда не могли обеспечить меня финансовой независимостью. И если мне удастся провернуть подобное дело, говорил я себе, то обеспеченная

старость мне гарантирована. Но даже в самых диких мечтах я не предполагал, мистер Бонд, что благодаря вам на меня свалится такое богатство! — Генрих Остен засиял, словно шкодливый ребенок. — В свое время я разработал для своих людей хорошую систему поощрений. И теперь у них масса причин помогать мне. Это не патрульные, они из моего убойного отдела. И готовы умереть за меня.

— Или за деньги, — холодно ответил Бонд. — За деньги они от вас избавятся.

Остен усмехнулся:

— Вряд ли, мистер Бонд. Я — стреляный воробей. И очень сомневаюсь, что они попытаются избавиться от меня. А вот в чем я не сомневаюсь — так это в том, что они помогут мне избавиться от вас. — Инспектор поднялся — А теперь извините, но мне нужно сделать один очень важный телефонный звонок.

— Одну минуту, инспектор! — Бонд поднял руку. — Последняя просьба приговоренного к смерти. Те две девушки… они все еще здесь?

— Естественно.

— Они не имеют ко мне никакого отношения. Мы встретились случайно. Я прошу вас их отпустить.

— Это невозможно, — пробормотал Остен, даже не глядя на Бонда, и вышел из комнаты.

Человек с автоматом улыбнулся Бонду и на ломанном английском произнес:

— Ловкий малый наш шеф, а? Скоро, говорит, в роскоши все будем купаться.

«Как бы не так, — подумал Бонд. — Он скорее увидит вас мертвыми на дне пропасти, чем поделится наградой, которую получит — если вообще получит ее».

— И как же ему удалось осуществить столь блестящий план за такое короткое время? — спросил его Бонд по-немецки.

— Так наш шеф вроде как все рассказал… Он вел дело о похищении, звонил, наводил справки, а потом свалил куда-то на час. Вернулся и отвез нас на эту квартиру. Предложил работенку: найти некоего Бонда — то есть тебя — и привести сюда. Женщины возвращаются в клинику, а хозяева квартиры отстегивают нам, то есть шефу — гонорар. Шеф чуть с ног не сбился, разыскивая тебя. А когда нашел и мы отправились за тобой, то поступило сообщение о жуткой перестрелке на А-12 и о том, что ты с бабами ждешь помощи на стоянке для отдыха… Ну, шеф-то — парень не промах: мы нашли пятерых пьяных бомжей,

усадили их в машины — и готово. Затем поехали за тобой. Остальное ты знаешь.

Тем временем Крюк вернулся в комнату.

— Все идет по плану, — сказал он, улыбаясь. — Боюсь, мистер Бонд, мне придется запереть вас в одной из комнат, всего на пару часов. Ко мне должен пожаловать гость. А когда он уйдет, мы отправимся в горы. Охота за головой подходит к концу.

Бонд кивнул, сильно сомневаясь, что охота закончена. Выход всегда был, и сейчас было крайне необходимо найти способ вытащить себя и девушек из лап Крюка. Инспектор помахал пистолетом в сторону правого коридора. Бонд сделал шаг и сказал:

— У меня всего два вопроса. Своего рода, последняя просьба…

— Женщины умрут, — тихо произнес Остен. — Я не собираюсь оставлять свидетелей.

— Нет-нет, я понимаю. На вашем месте я поступил бы так же. Меня просто одолевает любопытство. Что за люди были в «Рено»? Я так понимаю, они тоже принимали участие в этой охоте?

— Я думаю, это Корсиканский союз, — поспешно ответил Крюк. Судя по волнению, его гость мог прибыть с минуты на минуту.

— А что случилось с моей экономкой и мисс Манипенни?

— Что случилось? Их похитили. Вот что случилось.

— Да, но как?

— Я не собираюсь вдаваться в детали, — огрызнулся Крюк, — Их похитили — и точка. Остальное вам знать ни к чему.

Он подтолкнул Бонда в сторону коридора. Возле третьей справа двери Крюк остановился, отпер ее и торопливо втолкнул Бонда внутрь. Ключ повернулся и замок щелкнул.

Бонд осмотрелся: светлая спальня, современная кровать с балдахином, на стенах дорогие репродукции, кресло, туалетный столик, встроенный в стену шкаф и окно, закрытое тяжелыми шторами кремового цвета.

Первым делом Бонд проверил окно, выходившее на узкий балкон, который почти наверняка был частью большой террасы. Толстое, особо прочное стекло и надежные замки, взломать которые потребуется время. Дверь исключалась: сломать ее без шума не представлялось возможным, а отмычки были слишком маленькие. Оставалось окно. Но что дальше? До земли минимум шесть этажей, а у него — ни оружия, ни

альпинистского снаряжения.

Бонд проверил шкаф и туалетный столик. Все ящики были пусты. Тем временем где-то в квартире раздался дверной звонок. Итак, прибыл гость. Вероятно, посланник Тамила Рахани. Кто-нибудь из руководителей СПЕКТРа. Время вышло. Выбора не оставалось. Только окно.

Инспектор Остен не стал забирать у Бонда ремень — что было странно для полицейского. В толстый кожаный пояс был вшит тонкий продолговатый набор инструментов, напоминавший швейцарский нож. Изготовленный из закаленной стали набор включал в себя отвертки, отмычки и даже крохотный аккумулятор с проводами для детонации трех миниатюрных зарядов, размером с ноготь.

Набор был разработан блистательной Энн Райли, личным ассистентом майора Бутройда из отдела «Кью». Бонд в мыслях поблагодарил девушку за гениальное изобретение и принялся отвинчивать винты первого замка. Всего их было три, один — на ручке. С первым он провозился десять минут. При таких темпах ему требовалось еще минут двадцать, если не больше, а время неумолимо убегало.

Оставалось продолжать работу, до крови сди-

рая на пальцах кожу. Взрывать замок на двери не имело смысла: его прошьют автоматной очередью прежде, чем он успеет выбежать в коридор. Время от времени Бонд останавливался, чтобы прислушаться, но в гостиной было тихо. Наконец он покончил со вторым замком. Оставалась ручка. Однако не успел он выкрутить первый винт, как за окном вспыхнул свет. Кто-то включил освещение на балконе, а один из фонарей находился как раз за окном спальни.

Бонд по-прежнему не слышал ни звука. Видимо, стены и окно обладали хорошей звукоизоляцией. Спустя несколько секунд глаза привыкли к новому освещению, и он продолжил атаковать замок. Прошло минут пять, прежде чем он вывернул первый винт. Прислонившись к стене, он решил попробовать взломать замок на ручке.

Первые две отмычки не подошли, потом наконец раздался резкий щелчок, и фиксатор отскочил назад. Бонд бросил взгляд на часы: весь процесс отнял у него сорок пять минут. Время истекло, а у него до сих пор не было четкого плана.

Бонд тихо повернул ручку и потянул створку окна на себя. Она поддалась без единого скрипа. В лицо хлынула прохладная струя свежего воздуха, и он сделал несколько глубоких вздохов, чтобы

очистить голову. Замерев, Бонд весь обратился в слух, пытаясь уловить хоть звук с террасы, которая находилась за углом. Но все было тихо.

«Странно, — подумал Бонд. — Время работает против Остена. А соперники только и ждут момента, чтобы устранить конкурентов. Он и так вмешался в игру неожиданно, решив в одночасье все проблемы СПЕКТРа, словно джокер, спутавший карты других соперников. Ему бы поспешить за вознаграждением, а он тянет время».

Стараясь не шуметь, Бонд вылез на балкон и прижался к стене. По-прежнему ни звука. Он осторожно выглянул из-за угла: в свете фонарей были хорошо видны огромные горшки с цветами, садовая мебель и… трупы. Четыре тела, аккуратно уложенных между белыми креслами из кованого железа, на фоне безмятежных огней ночного Зальцбурга. У каждого была снесена верхняя часть черепной коробки, а кровь стекала по стенам и мебели на бетонные плиты. Над широким французским окном, на вбитых в стену крючках, висели горшки с геранью алого цвета. На всех, кроме одного. Вместо герани на нем был закреплен крюк мясника, на котором висел инспектор Остен.

Бонд уже давно не видел столь жуткой сце-

ны. Руки и ноги полицейского были связаны, а острие крюка вошло ему прямо в горло, успев за это время выйти наружу через левый глаз. Кто-то постарался, чтобы смерть инспектора была мучительной и долгой. Если рассказы о его нацистском прошлом были правдой, то Генрих Остен получил сполна.

Тело, из которого продолжала сочиться кровь, слегка покачивалось на ветру, а то, что осталось от лица, было искажено гримасой агонии. Бонд перевел дыхание и шагнул вперед. В это время с улицы донеслась музыка, которая зловещим образом слилась со скрипом покачивающегося крюка. Разумеется, это был Моцарт. Предположительно, 20-й концерт, хотя Бонд не так хорошо разбирался в творчестве композитора. Затем в другом конце улицы заиграл трубач, и его джазовая композиция удивительно гармонировала с концертом. Бонд решил, что это простое совпадение.

8. Соблюдая дисциплину

Ситуация требовала осмысления, но вид кровавой бойни мешал сосредоточиться. Часы показывали три ночи, и тишину нарушала только долетавшая снизу музыка. Зальцбург спал, поблескивая огнями на фоне угольно-черных гор и темно-синего неба.

В гостиной по-прежнему горел свет, но, к удивлению Бонда, никаких признаков борьбы не было. Люди, устранившие Крюка и его команду, действовали быстро. По всей видимости, их было несколько, и Остен им явно доверял. На стене между дверьми виднелись пятна крови. Еще больше крови было на мягком ковре. На столе Бонд нашел свой пистолет и телескопическую дубинку. Убедившись, что все патроны на месте, он вложил пистолет в кобуру, взвесил в руке дубинку и поместил ее в чехол на поясе.

Бонд закрыл окно, и тело Крюка, покачиваясь на ветру, начало монотонно биться о стекло. Тогда он поспешил найти кнопку управления шторами, чтобы скрыть эту жуткую сцену.

Убийцы могли по-прежнему находиться в

квартире. Бонд достал пистолет и приступил к тщательному осмотру. Входная дверь оказалась заблокированной снаружи, остальные три комнаты были тоже заперты. В одной из них до недавнего времени находился он сам, в двух других, предположительно, были Сьюки и Нанни. Бонд поочередно постучал в каждую, но никто не отозвался. Ключей тоже не наблюдалось.

Бонд не переставал задавать себе один вопрос: почему противник не воспользовался возможностью и не разделался с ним? Кто-то из участников Охоты вел дьявольски хитрую игру, устраняя конкурентов, когда те подбирались к жертве слишком близко. Но кто был способен на такое? Скорее всего — сам СПЕКТР. Это было так похоже на них: организовать гонку с фантастическим призом, а в последний момент самим сорвать куш. Самый экономичный способ достичь цели.

Но если это был СПЕКТР, то почему он, Бонд, остался в живых? Значит, кто-то остался в игре? Быть может, чья-то разведывательная служба? Первое, что приходило в голову, — это бывший СМЕРШ. С момента своего основания СМЕРШ подвергся целому ряду реформ. Изначально это был тринадцатый отдел НКВД, который позже стал независимой организацией, хотя формаль-

но и числился отделом «В» Первого главного управления КГБ. Именно это название долгое время фигурировало в официальных картотеках Британской секретной службы, даже после расформирования отдела.

Это случилось в начале семидесятых, когда выяснилось, что сотрудник отдела «В» Олег Лялин работал на Сикрет Сервис. В результате была проведена основательная чистка, и на некоторое время отдел почти прекратил свою деятельность, после чего подразделение стало именоваться 8-м отделом управления «С». Неужели именно Восьмой отдел и был темной лошадкой в этой дьявольской гонке?

Но ответ на этот вопрос мог подождать. Первым делом нужно было отыскать девушек и выбраться из квартиры. Обыскивать покачивающееся на крюке тело инспектора было не очень приятным занятием, к тому же в его карманах оказались только ключи от «Бентли».

Телефон в квартире, слава богу, работал, но у Бонда не было под рукой скремблера. Оставалось звонить по открытой линии. Бонд набрал номер венского резидента.

— Алло? — ответил сонный голос после девятого гудка.

— Говорит Хищник, — быстро произнес Бонд. — Говорить буду четко, даже если нас прослушивает папа Римский.

— Ты в курсе, что сейчас три утра? И где тебя черти носят? Мы все как на иголках. Один офицер полиции…

— И четверо его коллег убиты, — оборвал Бонд.

— Тебя ищут… Постой, откуда ты знаешь о полицейском?

— Потому что он вовсе не был убит…

— Что?

— Эта сволочь играла на две стороны. Он сам инсценировал свою смерть.

— Ясно. Где ты находишься? — встревожено спросил резидент.

— Где-то в новой части города. В современной многоэтажке, вместе с пятью трупами и, как я надеюсь, двумя живыми девушками, с которыми я ехал. Адреса не знаю, а номер телефона следующий…

Бонд продиктовал номер, написанный на трубке.

— Этого достаточно, — заверил его резидент. — Я перезвоню, когда все улажу, но все равно подозреваю, что тебя закидают вопросами.

— К черту вопросы! Мне нужно как можно ско-

рее попасть в клинику Моцарта и выйти на след похитителей!

Повесив трубку, Бонд подошел к ближайшей двери и громко постучал. В этот раз ему показалось, что из комнаты донеслись приглушенные женские стоны. Замок был настолько крепким, что оставалось одно — применить грубую физическую силу, невзирая на шум.

Взяв на кухне топор мясника, Бонд вернулся в гостиную и несколькими ударами вырубил им секцию двери вокруг замка. Связанная Сьюки Темпеста лежала на кровати с кляпом во рту, в простом нижнем белье.

— Они отобрали мою одежду! — с негодованием закричала девушка, когда он вынул из ее рта кляп.

— Да, вижу… — улыбнулся Бонд, глядя, как Сьюки потянулась за покрывалом.

Дверь другой комнаты удалось открыть быстрее. Нанни была примерно в таком же виде, только свое белье она покупала явно в магазине «Фредерикс», подтвердив старую истину: чем девушка невзрачнее — тем откровеннее белье.

— Они забрали мой пояс с кобурой! — пожаловалась она ему.

В этот момент зазвонил телефон. Бонд схватил

трубку.

— Хищник слушает.

— К тебе едет офицер полиции, вместе с опергруппой. Будь осторожен — не болтай лишнего. Затем сразу же гони в Вену. Приказ шефа. Всё.

— Пусть захватят женскую одежду, — попросил Бонд и продиктовал приблизительные размеры.

Едва он повестил трубку, как из ванной донеслись радостные возгласы девушек, которые обнаружили свои вещи в одном из шкафчиков. Вскоре они зашли в гостиную: Сьюки — полностью одетая, а Нанни — на ходу поправляя чулки с кобурой.

— Душно здесь, — сказала Сьюки, направляясь к шторам, — я открою окно…

— Ни в коем случае! — возразил Бонд, загородив ей путь. — Я сам.

Он тихим голосом объяснил причину, зашел за штору и приоткрыл дверь на балкон.

В этот момент в дверь настойчиво позвонили.

— Кто? — крикнул Бонд.

— Откройте, полиция! — донеслось снаружи.

— Не могу найти ключи! — ответил он по-немецки.

После долгой возни с отмычками входная дверь распахнулась, и гостиную заполнила, казалось,

половина полиции Зальцбурга во главе с седовласым мужчиной солидного вида, который представился комиссаром Беккером. Оперативная группа приступила к осмотру террасы, Беккер занялся Бондом, а девушек отвели в разные комнаты для дачи показаний.

Беккер, обладавший римским носом и добрыми глазами, был в курсе событий и без лишних слов перешел к делу.

— Я уже получил необходимые инструкции от МИДа и Департамента безопасности, — сообщил он на неплохом английском. — Насколько я понял, с ними разговаривал ваш непосредственный начальник. Мне нужны от вас только подробные показания. После этого вы свободны. Но я рекомендую вам, мистер Бонд, в течение суток покинуть Австрию.

— Это официальная просьба?

Беккер покачал головой.

— Нет, просто мое личное мнение. Мой дружеский совет. А теперь, мистер Бонд, как говорят музыканты, начнем с первого такта.

Бонд пересказал события, умолчав о Тамиле Рахани и Охоте за головой, объясняя перестрелку на автобане издержками своей профессии.

— Можете не скрывать своего статуса, мистер

Бонд. В нашем деле мы сталкиваемся с людьми из самых разных стран и самых разных профессий. Мы что-то вроде чистилища для шпионов, хотя я знаю, что вам не понравится это слово.

— Почему же? — возразил Бонд с меланхоличной улыбкой. — Хотя оно несколько старомодное. Многие вообще считают, что нам пора на свалку, поскольку теперь большую часть нашей работы выполняют компьютеры и космические спутники…

— То же самое можно сказать и про нас, — пожал плечами комиссар. — С другой стороны, ничто не может заменить живого полицейского на службе. Или разведчика в поле. Или солдата. Ракеты ракетами, а войны выигрывают люди. У Австрии опасное местоположение, и НАТО в курсе этого: случись война — русские будут завтракать в Вене, а ужинать в Лондоне. Но вернемся, как говорится, к нашим баранам. Как Генрих Остен мотивировал свои действия? Он что-нибудь говорил?

Бонд пересказал комиссару свой разговор с Крюком, вновь опуская информацию об Охоте.

— Видимо, хотел набить свой кошелек и скрыться, — Беккер мрачно улыбнулся. — Честно говоря, я не удивлен. У Крюка был компромат на многих

крупных чиновников. И многие хорошо помнят о его нацистском прошлом. Тот, кто устранил его, сделал нам большое одолжение. И все-таки. Как вы думаете, почему за этих англичанок требуют так много?

— Без понятия, — ответил Бонд с невинным выражением лица. — Я надеялся, что вы меня просветите.

— И все-таки вы лукавите, — комиссар покачал пальцем. — Все вы хорошо знаете.

В конце концов вы провели в компании Крюка довольно долгое время. Я приступил к расследованию этим вечером. Выкупом являетесь вы, точнее — ваша голова. И цена этой ставки — десять миллионов швейцарских франков.

Бонд развел руками.

— Да, вы правы, и ваш коллега Остен узнал об этой сделке.

— Даже если допустить, что это вы убили его, не думаю, что мои коллеги захотели бы упрятать вас за решетку. — Комиссар изогнул бровь. — Вы ведь не убивали его?

— Нет. Но я догадываюсь, кто мог это сделать.

— Вот как? — удивился Беккер. — Даже не зная подробностей похищения?

— Одна из похищенных — моя экономка, вто-

рая — коллега по службе. Ради их безопасности я готов пожертвовать своей жизнью, и похитители это знают.

— Вы готовы отдать свою жизнь за старую деву и относительно молодую коллегу?

— Тоже деву, кстати, — улыбнулся Бонд. — Да, я готов это сделать, но не собираюсь терять головы.

— Насколько я знаю, мистер Бонд, вы уже не раз теряли голову из-за…

— Женской юбки?

— Да. По нашим данным, вы, подобно Георгию Победоносцу, спасаете привлекательных женщин из когтей драконов. Но эта ситуация для вас непривычна…

— Расскажите мне об обстоятельствах похищения, — прервал инспектора Бонд.

— Дамы уже допрошены, господин комиссар, — доложил вошедший в комнату офицер полиции. — Работа по фиксации происшествия на балконе тоже практически завершена…

— Одну минуту, — сказал ему Беккер и обратился к Бонду. — Отчеты инспектора Остена весьма поверхностны, — сообщил он. — Но есть протокол допроса доктора Кирхтума.

— И что там?

— Ваша коллега, мисс Манипенни, навестила больную дважды. Вскоре после второго посещения она позвонила и попросила у доктора разрешение забрать больную на концерт. Вполне невинная просьба, поэтому доктор дал согласие. Мисс Манипенни приехала в клинику с каким-то мужчиной, на автомобиле «БМВ».

— «БМВ»?

— Да, на серебряном «БМВ», седьмой серии.

— Описание мужчины?

— Шофер остался в машине, а мужчина и ваша коллега направились в клинику. Судя по описанию — высокий блондин, крепкого телосложения. Лет тридцати пяти. Хорошо одет.

— Как вела себя мисс Манипенни?

— Чуточку нервничала, а мисс Мэй была в хорошем настроении. Видимо, не подозревала о том, что ее ждет. По словам медсестры, мисс Манипенни обращалась с пациенткой заботливо и довольно профессионально — как будто имеет навыки ухода за больными. Сопровождавший ее мужчина тоже производил впечатление человека, знакомого с медициной… Все это время он держался близко к мисс Мэй… Они уехали, а через четыре часа Кирхтуму позвонили и сообщили, что женщины похищены. Остальное вы знаете.

— Неужели?

— Вы поехали в Зальцбург, и по дороге на вас было совершено покушение, а дальше — неприятная встреча с инспектором Остеном.

— «БМВ» нашли?

— Нет. Либо машина покинула пределы Австрии с фальшивыми номерами, возможно перекрашенная, либо ее спрятали до лучших времен.

— И это все?

Казалось, комиссар был в замешательстве и что-то недоговаривал. Он отвел взгляд и посмотрел на оперативную группу, работавшую на балконе.

— Комиссар, и это все? — повторил Бонд свой вопрос.

— В десять минут четвертого, то есть за три часа до похищения, из клиники Моцарта были забронированы авиабилеты. Звонивший сообщил, что хочет доставить во Франкфурт двух больных женщин. Билеты на рейс ОС-421, вылет — в девятнадцать ноль пять, прибытие — двадцать пятнадцать. Пассажиров на него было немного, поэтому заказ приняли.

— Значит, дамы улетели?

— Да, первым классом. На носилках. Без созна-

ния, с забинтованными лицами.

«Рука КГБ», — подумал Бонд, вспоминая похожие случаи в Турции и в лондонском аэропорту «Хитроу».

— К ним были приставлены две медсестры и врач, — продолжил комиссар. — Врач — хорошо одетый высокий блондин, крепкого телосложения.

Бонд кивнул:

— После чего выяснилось, что билеты бронировали не из клиники Моцарта?

— Именно. Во Франкфурте пациенток встретила бригада скорой помощи. Настоящая. Затем их посадили на рейс до Парижа, прибывший в двадцать один тридцать. Что было дальше — нам неизвестно. Похитители позвонили доктору Кирхтуму в двадцать один сорок пять, то есть когда жертвы были уже надежно спрятаны.

— Париж… — задумчиво произнес Бонд. — Но при чем тут Париж?

В этот момент, словно в ответ на его вопрос, зазвонил телефон. Беккер снял трубку, внимательно выслушал говорившего, после чего с тревогой посмотрел на Бонда.

— Это вас, — сказал он, передавая трубку. — Доктор Кирхтум.

— Бонд, — ответил 007.

— Господин Бонд, — заговорил доктор звонким, но сильно напуганным голосом, делая паузы, словно из него выдавливали каждое слово. — У меня… то есть у них… пистолет. В моем левом ухе. Они стрелять, если я не передать их инструкции.

— Говорите.

— Они знать, что вы звонить в полиция. Они знать, что вам приказано ехать в Вена.

«Так, — подумал Бонд, — значит, им удалось прослушать мой разговор с венским резидентом».

— Не смейте говорить полиция о своих планах, — продолжил Кирхтум.

— Хорошо. Но что я должен делать?

— Вам забронирован комната в «Голденер Хирш».

— Не может быть! В этом отеле номера бронируются заранее.

— Поверьте, господин Бонд, — голос доктора задрожал еще сильнее, — для них нет ничего невозможного. Они знать, что с вами — две девушка. Для них тоже забронирован номер. Девушки не виноваты, что… что… Простите, здесь неразборчиво написано… влипли в эта история. Вам ясно?

— Ясно.

— Вы остановиться в «Голденер Хирш» и ждать дальнейший инструкция. Вам запрещается контактировать с полиция, Лондон и ваш резидент в Вена. Вам ясно?

— Ясно.

— В противный случай мисс Мэй и ее подруга покинут нас навсегда…

— Мне все ясно! — заорал Бонд.

— А теперь эти господа играть для вас одну запись, — добавил доктор после паузы.

— Я готов.

На другом конце провода раздался щелчок, и Бонд услышал голос Мэй. В том, что это говорила его экономка, сомневаться не приходилось.

«Мистер Джеймс, они думают, что меня так легко напугать. Но вы не волнуйтесь за меня, мистер Джей…» Внезапно ее прервали, зажав рот ладонью, после чего послышался испуганный голос Манипенни, который зазвучал так, будто она была совсем рядом: «Джеймс! Господи, Джеймс!..» Затем раздался пронзительный визг его экономки, и кровь застыла в жилах Бонда. Каким извергом нужно быть, чтобы довести его пожилую, закаленную жизнью женщину до такого состояния!

Бонд взглянул на комиссара.

— Комиссар, давайте договоримся, что вы не слышали этого разговора, — сказал он Беккеру.

— Какого разговора? — с невозмутимым видом переспросил Беккер.

9. Вампир

В Зальцбурге царило оживление: улицы были заполнены пожилыми американцами, желавшими перед смертью увидеть Европу, и европейцами, спешившими увидеть Европу, пока та не превратилась в один сплошной бульвар дорогих бутиков. Многие считали, что это уже произошло, поэтому Зальцбург, в котором еще витал дух Моцарта, выигрывал на фоне других городов.

Отель «Голденер Хирш», находившийся в историческом центре среди изящных магазинчиков с позолоченными вывесками из кованого железа, также выдержал испытание временем, пронеся сквозь века теплую атмосферу комфорта и гостеприимства. Он стоял на пешеходной улице Гетрайдегассе, поэтому Бонду пришлось оставить машину на платной стоянке и нести багаж до самой гостиницы.

— Во имя Святого Михаила, объясни, как тебе удалось снять номер в «Голденер Хирш»? — спросила его Нанни.

— Связи, Нанни, связи. Кстати, при чем тут Святой Михаил?

— Архангел Михаил — покровитель телохранителей, — пояснила девушка.

«Да уж, — подумал Бонд, — помощь ангелов мне сейчас не помешает». Одному богу было известно, какие еще инструкции он получит в течение ближайших двадцати четырех часов. И не окажутся ли они в форме ножа или пули?

— Джеймс, — сказала Нанни, откашлявшись, — недавно ты сказал, что нам придется потерпеть твое общество еще сутки, после чего ты нас отпустишь.

— Ну да. И что?

— Это несправедливо.

Бонд почувствовал неловкость.

— Я, правда, не хотел втягивать вас в эту историю, но в тот момент у меня просто не было выхода. Вы проявили мужество, здорово помогли мне, но я подверг вас опасности. И я обещаю, что в ближайшие сутки я вас отпущу.

— Но мы не хотим этого, — спокойно возразила Нанни.

— Да, нам было страшно, — начала Сьюки, — но ты хороший человек, у тебя неприятности, и мы…

— Сьюки приказала мне присматривать за тобой, Джеймс. И пока я выполняю ее задание, она

будет сопровождать меня.

— Это невозможно, — возразил Бонд, глядя поочередно на девушек твердым взглядом.

— Это возможно, — не отступала Сьюки.

— Вполне вероятно, что от меня потребуют, чтобы я оставил вас в покое и вы шли своей дорогой. Я не смогу ослушаться приказа.

— Да, но так уж получится, Джеймс, что наша дорога совпадет с твоей, — вмешалась Нанни.

Бонд пожал плечами. В самом деле, зачем гадать? Что если ему прикажут, чтобы девушки были рядом с ним? Если же нет, то он может скрыться от них в любой подходящий момент. Существовал и третий вариант: вся эта история могла закончиться прямо в отеле «Голденер Хирш», и тогда вопрос отпадет сам собой.

— Для начала мне понадобятся почтовые марки, — тихо сказал он Сьюки, подходя к отелю. — Столько, чтобы их хватило для отправки небольшой бандероли в Британию. Отправь кому-нибудь пару открыток, а заодно набери пару десятков марок, хорошо?

— Хорошо, Джеймс.

Отель «Голденер Хирш» считается лучшей гостиницей в Зальцбурге. Эффектный, очаровательный, элегантный, хотя чуточку претенциозный.

Персонал щеголяет в форме, сшитой из лодена, а помещения несут на себе печать австрийской истории. Номер Бонда выглядел, словно декорации для фильма «Звуки музыки».

Едва носильщик ушел, осторожно закрыв за собой дверь, в памяти Бонда тут же всплыли слова Кирхтума: «Вам запрещается контактировать с полицией, Лондоном и вашим резидентом в Вене…» Так что пока было неразумно звонить своим. Тот, кто забронировал номера в отеле, наверняка поставил телефоны на прослушку. Даже если использовать скремблер, противник догадается, что он пытается связаться с Лондоном. И все же нужно было как-то предупредить руководство.

Он извлек из кейса два миниатюрных диктофона, убедился, что аккумуляторы заряжены, и поставил оба аппарата на автоматический режим, включавший запись при звуке голоса. Затем 007 прикрепил крошечный микрофон одного из аппаратов к телефону, а второй аппарат положил на крышку минибара.

Неожиданно Бонд почувствовал усталость. Он договорился встретиться с девушками в баре в шесть вечера, а пока у него было время поесть и отдохнуть. Заказав омлет и кофе, Бонд тщательно

обследовал комнату и ванную. Ванная была маленькая, без окон, оборудована душевой кабиной с раздвижной дверью. «Удобно, — подумал он, — но душ приму чуть позже». К тому времени, как Бонд заканчивал развешивать рубашки в шкаф, принесли идеально приготовленный омлет и крепкий черный кофе.

После трапезы он повесил на дверь табличку «Не беспокоить!» и устроился в одном из кресел, положив под руку пистолет. Вскоре ему приснилось, что он — официант небольшого кафе, который то и дело бегает от столиков на кухню и назад, обслуживая М, Тамила Рахани, покойного Пола Кордову, а также Сьюки и Нанни. Он подал девушкам чай с тортом, который моментально рассыпался в прах, как только они попытались его разрезать. Но это нисколько их не огорчило: девушки оплатили счет и оставили чаевые в виде ювелирных украшений. Бонд взял было золотой браслет, но тот выскользнул из рук и с грохотом упал на тарелку.

Внезапно Бонд проснулся: ему показалось, что шум был настоящим, однако тишину нарушали только звуки, доносившиеся с улицы. Он потянулся, чтобы восстановить кровоток, и взглянул на свой нержавеющий «Ролекс»: четыре тридцать

пополудни. Он проспал несколько часов, которые пролетели почти как одно мгновение. Все еще сонный, Бонд прошел в ванную, включил свет и раздвинул двери душевой кабины. Контрастный душ — это то, что сейчас ему нужно.

Отрегулировав температуру воды, Бонд разделся. Он не понимал, почему противник тянет время. Ведь гораздо проще было расправиться с ним сразу после того, как он заселился в гостиницу — усталый, после бессонной ночи… Забрав из комнаты пистолет и дубинку, Бонд спрятал их на полу рядом с душем, под полотенцами для рук. Затем шагнул под струи воды, закрыл за собой дверь и принялся энергично растирать тело грубой мочалкой.

Насладившись обжигающей влагой, Бонд резко повернул кран, и из рожка хлынули почти ледяные струи. Он словно угодил в метель — настолько мощным был эффект.

Освежившись, Бонд закрыл воду, встряхнул головой, словно пес, и протянул руку, чтобы открыть раздвижную дверь.

Опасность. Она была рядом, почти осязаема. Не успел Бонд коснуться дверной ручки, как в ванной погас свет. Дверь на секунду приоткрыли и с шумом задвинули обратно. Бонд понял, что те-

перь он был в кабинке не один. Что-то коснулось его лица, после чего стало бешено колотиться о его грудь и стены кабинки.

Одной рукой Бонд пытался нащупать рукоятку двери, а другой, в которой держал мочалку, защищал лицо и тело. Однако когда его пальцы сомкнулись вокруг ручки и потянули ее, дверь не шелохнулась. И чем сильнее он ее дергал, тем яростнее билось о стены неизвестное животное. Почувствовав чьи-то когти на плече и шее, Бонд отбросил тварь в угол душевой и продолжил бороться с дверью, но безрезультатно. На мгновение существо притихло, видимо, готовясь к последнему, решающему броску.

— Джеймс, где ты? — услышал он веселый, беззаботный голос Сьюки, донесшийся из комнаты.

— В ванной, чёрт… Выпусти меня отсюда!

Спустя секунду зажегся свет, и Бонд наконец-то увидел своего противника: такие крупные экземпляры не встречались даже в зоопарках. На душевом рожке сидела огромная летучая мышь-вампир, злобно сверкая глазками и скаля острые, как бритва, зубы. Животное медленно расправило крылья для очередной атаки.

— Открой скорее дверь! — крикнул Бонд, отмахиваясь от нее мочалкой.

Дверь пришла в движение.

— Сьюки, беги из ванной, живо!

Увернувшись от мыши, Бонд выскочил из кабины, резко задвинул за собой дверь и перекатился к полотенцам, под которыми было спрятано его оружие. Однако мышь успела вылететь вслед за ним. При мысли о том, какая зараза могла попасть в его кровь при укусе мыши-вампира, Бонд почувствовал приступ тошноты.

— Не входи в ванную! — приказал он девушке и приготовился.

Через мгновение Бонд вспомнил, как этот вид назывался на латыни — Desmodus rotundus. Существуют три разновидности этой твари, и все они охотятся ночью. Вонзают невероятно острые клыки в тело жертвы и высасывают из него кровь. Опасность представляет, конечно, не кровопотеря, а болезни, которые могут попасть через слюну, например, чума или бешенство.

Но почему она таких гигантских размеров? Гибрид, не иначе. Тело длиною в фут, а размах крыльев — в два раза больше. Она явно жаждала крови, и несмотря на свет в ванной, была твердо настроена вонзить клыки в тело Бонда. Выпятив передние лапы, она расправила крылья и приготовилась к броску…

Бонд встряхнул дубинку, раздвинув секции, и с силой ударил ею по животному — стальной кончик угодил прямо в голову. Видимо, внутренний радар подвел летучую мышь в ярко освещенной комнате. Животное отлетело, ударившись о дверь душевой, и рухнуло на пол. Бонд принялся с остервенением добивать ненавистную тварь, полностью отдавая себе отчет в том, что не последнюю роль в его поведении играл страх. Нанося удары, Бонд думал о людях, которые задумали убить его таким изощренным способом. Он был уверен, что в слюне летучей мыши содержался вирус, способный вызвать быструю, но болезненную смерть.

Убедившись, что мышь мертва, Бонд бросил дубинку в душевую кабину, включил воду и направился в спальню, позабыв о своей наготе. Нужно было обработать царапины дезинфектором из аптечки, которой снабдил его отдел «Кью».

— Ну вот, Джеймс, теперь мы квиты, — сказала Сьюки спокойным голосом, сидя в кресле. — Я увидела тебя во всей красе…

В правой руке девушка держала пистолет и целилась Бонду в пах.

10. Поклонник Моцарта

Какое-то мгновение Сьюки сверлила Бонда холодным взором, затем перевела взгляд на свой пистолет.

— Милая штучка, не правда ли? — с улыбкой спросила она, разрядив обстановку.

— Сьюки, перестань целиться в меня, — попросил Бонд. — Поставь его на предохранитель и спрячь.

— Тебя это тоже касается, Джеймс.

Бонд спохватился и надел махровый халат. Сьюки тем временем спрятала пистолет в кобуру, прикрепленную к поясу для чулок.

— Нанни снабдила, — пояснила девушка, изящно поправив юбку. — Совсем как у нее. Джеймс, я купила марки. Что там случилось в ванной? Я уж было думала, что тебе угрожает опасность…

— Мне действительно угрожала опасность. В виде огромной летучей мыши-вампира. А поскольку в Европе, и уж тем более в Зальцбурге, такие не водятся, то остается только одно: ее кто-то подбросил.

— О, господи, Джеймс! — воскликнула Сью-

ки. — Какой ужас! Ты же мог…

— Погибнуть. Она могла быть заражена чем-нибудь пострашнее бешенства или бубонной чумы. Кстати, как ты сюда попала?

— Я постучала, но никто не ответил. — Сьюки положила марки на стол. — Потом заметила, что дверь не заперта. А когда услышала шум, то включила свет. Кто-то заблокировал дверь кабинки стулом. Сначала я подумала, что это чья-то шутка. Нанни любит подобные розыгрыши. Но когда ты закричал, я сразу же выбила стул ногой.

— После чего уселась в кресле с заряженным пистолетом в руках? — спросил Бонд.

— Нанни учит меня обращаться с оружием. Она считает, что это полезно.

— А я считаю, что вам вообще не стоит в это ввязываться, но разве кто-нибудь меня слушает? Могу я тебя попросить еще кое о чем?

— Конечно, Джеймс, — не задумываясь ответила Сьюки.

Все это подозрительно… Что если это она подкинула ему летучую мышь? Хватило бы у нее мужества это сделать? Если подумать, то принцесса Темпеста вполне была способна на такой шаг.

— Мне понадобятся резиновые перчатки и

большая бутылка антисептика, — попросил он.

— Любого антисептика?

— Желательно самого сильного.

Когда Сьюки ушла, Бонд обработал свое тело средством из аптечки и одеколоном, чтобы перебить запах. Одеваясь, он размышлял над тем, как поступить с трупом мыши. По-хорошему, ее следовало сжечь, но Бонд не мог обратиться с такой просьбой к менеджеру гостиницы. Оставалось тщательно обработать помещение антисептиком, завернуть труп в пластиковый пакет и выбросить в мусорный бак.

Бонд облачился в серый костюм от Кардена, светло-голубую рубашку «Хилдитч-энд-Кей» и темно-синий галстук в белый горошек. Зазвонил телефон. Ответив, Бонд бросил взгляд на миниатюрный диктофон: пленка пришла в движение.

— Мистер Бонд? Это вы? — Судя по голосу, доктор Кирхтум был сильно напуган.

— Да, — ответил Бонд. — С вами все в порядке?

— Почти. Мне велено рассказать вам, каким дураком я быть.

— Вот как?

— Да. Я отказался передавать вам инструкция. Сказал: сами передавать.

— Но им это не понравилось, так? — предполо-

жил Бонд. — Ведь вы и так уже передали мне их требования приехать с девушками в Зальцбург и остановиться в отеле «Голденер Хирш». — Последние слова были сказаны ради записи на диктофон.

— Я должен передать вам новый требования, или они опять применить электрошок, — почти проскулил Кирхтум.

— Говорите, доктор. И побыстрее.

Бонд представил, как похитители склонились над врачом, подсоединив электроды к его гениталиям. Этот старый, но эффективный метод пытки позволял добиться результата гораздо быстрее, чем ультрасовременные наркотические препараты.

— Завтра вы отправиться в Париж, — затараторил доктор, едва не срывая голос от страха. — Доберетесь за сутки. Поехать коротким маршрутом. В отеле «Георг V» на ваше имя забронирован комнаты.

— Значит, я должен поехать вместе с девушками?

— Обязательно. Вы меня понимать? Пожалуйста, мистер Бонд, скажите, что понимать.

— Я…

Из трубки раздался истерический вопль — ви-

димо, для острастки замкнули цепь.

— Я понял, — ответил Бонд.

— Вот и хорошо, — произнес уже другой голос, сильно искаженный. — Этим вы спасете двух дам, которых мы держим, от медленной и крайней неприятной смерти. В следующий раз, Бонд, мы поговорим в Париже.

Повесив трубку, Бонд взял диктофон, перемотал пленку на начало и прослушал запись. Так, уже кое-что. Пленку следовало передать в Вену или в Лондон, и даже если голос последнего был пропущен через искажающий фильтр, вполне возможно, что в отделе «Кью» смогут идентифицировать говорившего. И тогда М установит, какая организация стоит за похищением.

Бонд вытащил миниатюрную кассету из диктофона и выломал на ней пластиковое «ушко» для защиты от повторной записи. Черкнув несколько строк на листке бумаги, он обернул в него кассету и поместил ее в пухлый конверт, на котором написал псевдоним М в компании «Трансуолд» и номер абонентского ящика. Прикинув вес конверта, Бонд наклеил на него соответствующее количество марок.

Едва он закончил эту процедуру, как вернулась Сьюки с покупками. Девушка предложила по-

мощь, но он вежливо попросил ее подождать в баре, вместе с Нанни.

Надев перчатки, Бонд в течение пятнадцати минут обрабатывал ванную купленным антисептиком, затем поместил перчатки в тот же пакет, в котором лежал труп летучей мыши. Бонд постарался, чтобы в ванной не осталось ни намека на смертельно-опасные бактерии.

Кто же преподнес ему сей подарок? Неужели бывший СМЕРШ, а ныне Восьмой отдел Управления «С»? Но почему-то Бонду казалось, что летучая мышь — это не в их стиле.

Кто-то определенно обладал достаточными средствами на то, чтобы заниматься селекцией этих животных. Да и потом, чтобы вырастить подобное существо, понадобился не один год. А это значит, что этот кто-то подошел к решению проблемы основательно: подобрал компетентных биологов, создал необходимые условия для выращивания тварей, которые обычно водятся в лесах и джунглях Мексики, Чили, Аргентины и Уругвая.

Деньги, особые условия, время и зоологи без угрызений совести. Это мог быть СПЕКТР. Или любая другая террористическая организация. Вряд ли кто-то выращивал один единствен-

ный экземпляр для того, чтобы заразить Бонда смертельным вирусом. Это были излюбленные методы болгарских и чехословацких спецслужб. Кубинская разведка тоже могла организовать подобное покушение. Или сицилийская Коза Ностра. Она и в прошлом поставляла оружие террористическим организациям, с условием, что оно не будет использовано на территории Соединенных Штатов, Сицилии и Италии.

Но Бонд склонялся к версии, что за всем этим стоял один СПЕКТР. Правда, его вновь спасли от неминуемой смерти. И в этот раз это была Сьюки, девушка, с которой он познакомился, на первый взгляд, совершенно случайно. Быть может, она что-то замышляла против него?

Зайдя на кухню отеля, Бонд вежливо объяснил сотрудникам, что случайно забыл в машине еду, которая испортилась, и поинтересовался, есть ли на кухне печь для утилизации пищевых отходов. Портье проводил его к печи и предложил избавиться от отходов, но Бонд заплатил ему щедрые чаевые и сказал, что хочет самолично сжечь их.

Было двадцать минут седьмого. Перед тем как спуститься в бар, Бонд вернулся в номер и вновь обработал тело одеколоном, чтобы перебить запах антисептика.

Девушки интересовались, в чем была причина его задержки, однако Бонд уклонился от ответа, обещав рассказать позже. Сейчас нужно было просто отдохнуть и насладиться жизнью. Пропустив по стаканчику в баре, они пересели за столик, который предусмотрительно забронировала Нанни, и заказали отварную говядину Тафельшпиц — знаменитое мясное блюдо венской кухни. Мясо подали с пикантным овощным соусом и жареным картофелем. От первого пришлось отказаться в пользу десерта, ведь не заказать десерт в австрийском ресторане — это святотатство. Выбор пал на нежное суфле по — зальцбургски, которое, если верить легенде, создал около трехсот лет назад повар из крепости Хоэнзальцбург. Суфле подали с доброй порцией взбитых сливок.

Затем Бонд предложил девушкам прогуляться по заполненной туристами Гетрайдегассе и поглазеть на витрины. Здесь можно было не опасаться прослушки.

— Я чувствую себя коровой, — призналась Нанни, поглаживая живот.

— Ночь предстоит насыщенной, — тихо произнес Бонд.

— Сплошные обещания, — пробормотала Сью-

ки. — Я чувствую себя дирижаблем!

И что же будет ночью?

— Мы едем в Париж. Вы же сами сказали, что готовы поехать со мной куда угодно. Люди, которые затеяли со мной игру, требуют, чтобы я взял вас с собой. От этого зависят жизни двух близких мне людей. Большего сказать не могу.

— Конечно, мы поедем! — отрезала Сьюки.

— И только попробуй нас остановить, — добавила Нанни.

— Тогда слушайте, — начал Бонд. — Я собираюсь нарушить их инструкции. Нам приказано выехать завтра утром. Я предлагаю сделать это ночью. Так мы получим преимущество, но сможем заявить, что выехали утром. Маловато, конечно, но достаточно, чтобы застать их врасплох.

Было решено встретиться у машины в полночь. По дороге в отель Бонд на мгновение задержался возле прикрепленного к стене почтового ящика и сунул в него конверт с кассетой. Сьюки и Нанни ничего не заметили.

Бонд вернулся в номер в начале одиннадцатого. К десяти тридцати он собрал багаж и переоделся в джинсы и куртку. Пистолет «АСП» и дубинка заняли свои привычные места. До отъезда оставалось полтора часа. Бонд присел, чтобы

поразмыслить над тем, как перехватить у противника инициативу.

Во всех покушениях на его жизнь таилось некое лукавство. Каждый раз он неожиданно получал помощь, словно кто-то старательно оберегал его, подготавливая к заключительному акту драмы. Никому нельзя было доверять, и особенно Сьюки — после того, как она якобы случайно спасла его от летучей мыши. Но как переиграть ситуацию в свою пользу?

Внезапно Бонд вспомнил о докторе Кирхтуме, ставшем пленником в стенах собственной клиники. Вряд ли противник ожидал нападения на собственную базу. Клиника Моцарта находилась в пятнадцати минутах езды от Зальцбурга. Время поджимало, но если найти подходящий автомобиль…

Бонд спустился в холл и узнал, какие автомобили были доступны напрокат. На сей раз удача ему улыбнулась: буквально только что вернули его любимый «Сааб 900 Турбо». Пара телефонных звонков — и с формальностями было покончено. Оставалось только забрать автомобиль в четырех минутах ходьбы от отеля. Пока служащий записывал данные его банковской карты, Бонд подошел к одному из внутренних телефонов и

набрал номер Нанни. Та сразу же взяла трубку.

— Не говори ни слова, — тихо произнес Бонд. — Скажи Сьюки, что отъезд откладывается на час. Ждите меня в своем номере.

— Хорошо, — с удивлением ответила Нанни.

Пять минут спустя Бонд уже выехал из Зальцбурга на горную дорогу, миновал старинный замок Аниф, напоминавший английский особняк, застывший посреди пруда, и продолжил свой путь в сторону Халлайна — городка, в котором родился композитор Франц-Ксавьер Грубер, сочинивший рождественский гимн «Тихая ночь, Святая ночь».

Клиника Моцарта находилась в двух километрах от Халлайна, в старинном особняке семнадцатого века, который был скрыт от посторонних глаз густым лесом.

Бонд загнал «Сааб» на придорожную стоянку, погасил фары с мотором, поставил автомобиль на ручник и выскользнул наружу. Спустя мгновение, нырнув под деревянное ограждение, он уже осторожно пробирался между деревьями, пристально вглядываясь в темноту. Бонд понятия не имел, как была организована охрана клиники и сколько человек ему противостояло.

Он достиг опушки леса как раз в тот момент,

когда на небе показалась луна. Из окон фасада клиники лился свет, но прилегавшая территория лежала во тьме. Бонд пытался заметить малейшее движение на открытом пространстве, отделявшем его от дома, но все было тихо. На дорожке перед домом стояли четыре автомобиля. И ни души. Бонд осторожно достал пистолет «АСП» и крепко сжал его в правой руке. В левую руку он взял дубинку, встряхнул — и та была готова к использованию. Двигаясь быстро и бесшумно, Бонд направился к дому по газону.

Вокруг дома по-прежнему царила тишина. Добежав до дворика, Бонд замер, пытаясь вспомнить, где находился кабинет директора по отношению к центральному входу. Когда он приезжал договориться о размещении Мэй, он стоял у французского окна и любовался лужайкой и двориком. Французские окна располагались справа, и сквозь их шторы пробивались полоски света.

Бонд приблизился к окнам, и у него екнуло сердце: сквозь шторы доносились голоса. Он прислушался.

— Вы не можете держать меня тут вечно! Втроем!

Бонд узнал голос директора клиники. Нотки истерии пропали, осталась одна мольба.

— Вы уже и так достаточно потрудиться.

— Пока что вы послушно себя вели, — произнес другой голос. — До определенной степени… господин директор. Но мы не можем рисковать, поэтому уедем, когда обезвредим Бонда, а наши люди будут в безопасности. Здесь идеальное место для коротковолнового передатчика, а пациентов ваших никто пальцем не тронет, так что расслабьтесь. Еще сутки, максимум двое — и мы оставим вас в покое.

— Тихая ночь, святая ночь… — насмешливо пропел третий голос, и у Бонда похолодела кровь. Подойдя к окну, он коснулся кончиками пальцев створки окна.

— Надеюсь, вы не… — голос Кирхтума дрогнул от ужаса, который сулил смерть от пыток.

— Герр директор, вы видели наши лица. Значит, вы нас опознаете.

— Я бы никогда в жизни…

— Хватит ныть! Вы должны передать еще одно сообщение, когда Бонд приедет в Париж, после чего… Ну, там видно будет.

Бонд вздрогнул. Он бы никогда не поверил, что услышит этот голос в нынешней ситуации. Глубоко вздохнув, Бонд плавно потянул створку окна, чтобы раскрыть его шире. Затем он подви-

нул штору, чтобы заглянуть в комнату.

Кирхтум был привязан к старомодному креслу из дерева и кожи, с тремя ножками на колесах. Книжный шкаф позади него был освобожден от книг, а их место занимал мощный радиопередатчик, возле которого сидел широкоплечий мужчина. Второй находился за спиной Кирхтума, а третий стоял перед доктором. Бонду не требовалось разглядывать его лицо, он узнал его по голосу.

Вдохнув через нос, 007 вскинул пистолет и ворвался внутрь. Из разговора он понял, что численность противника в клинике Моцарта — всего трое человек.

Бонд произвел четыре выстрела. Две пули поразили грудную клетку мужчины, стоявшего за спиной Кирхтума. Еще две вошли в спину радиста. Третий резко обернулся, раскрыв рот в изумлении, его рука потянулась к бедру.

— Даже не думай, Куинн! Только дернись — и останешься без ног, понял?

Стив Куинн, римский резидент Секретной службы, застыл, словно каменная статуя с оскалом ненависти на лице. Бонд выдернул из внутреннего кармана его куртки пистолет.

— Мистер, Бонд? Но как… — тихо прохрипел

Кирхтум.

— Тебе конец, Джеймс. Что бы ты со мной ни сделал, тебе все равно конец. — Самообладание еще не до конца вернулось к Куинну, но он быстро приходил в себя.

— Пока еще не конец, — улыбнулся Бонд но без триумфа. — Признаюсь, Куинн, ты меня удивил. На кого ты работаешь? На СПЕКТР?

— Нет. — По губам Куинна пробежала тень улыбки. — Только на КГБ. Первое Главное управление, разумеется. И уже очень давно. Даже Табби не в курсе. Вот, сейчас помогаю «Восьмерке», твоим старым врагам из СМЕРШа. В отличие от тебя, Джеймс, мне всегда нравился Моцарт. Я предпочитаю танцевать под хорошую музыку.

— О, сейчас ты у меня сейчас станцуешь. — Лицо Бонда похолодело и стало жестоким, обнажив темную сторону его натуры.

11. Соколиное перо и Мракобес

Джеймс Бонд не собирался тратить время на пустые разговоры. Он хорошо понимал, что противник пытается заговорить ему зубы и притупить бдительность. В прошлом Бонд и сам успешно применял этот метод, поэтому от Стива Куинна можно было ожидать чего угодно.

— Лицом к стене, но не близко. Наклонись вперед и руки на стену, — решительно скомандовал Бонд, продолжая держать Куинна на мушке с безопасного расстояния.

Куинн повиновался, после чего Бонд заставил его поставить ноги еще шире, лишив опоры и возможности совершить быстрый выпад. Лишь после этого он приблизился к Стиву Куинну и тщательно его обыскал. На спине за поясом оказался небольшой револьвер «Смит-энд-Вессон Чиф Спешл». К левой икре, с внутренней стороны, был прикреплен маленький австрийский «Штайр» калибра 6,35 мм, а ко внешней стороне правой лодыжки — миниатюрный и острый как бритва выкидной нож.

— Давно не видел таких. — Бонд бросил

«Штайр» на стол. — Надеюсь, гранаты в заднице нет? Ты, Куинн, просто ходячий арсенал. Странно, что тебя до сих пор не ограбили террористы.

— На такой случай у меня всегда есть пара тузов в рукаве… — Произнося последнее слово, Стив Куинн рухнул как подкошенный и перекатился вправо, потянувшись к столу за «Штайром».

— Стоять! — рявкнул Бонд, наведя на него «АСП».

Куинн замер с поднятой рукой, словно провинившийся ребенок. Умирать предатель был не готов.

— Лечь на пол, лицом вниз, — приказал Бонд и огляделся, прикидывая, чем бы обездвижить пленника.

Держа противника на прицеле, он боком проскользнул за Кирхтума и левой рукой развязал ремни, которыми тот был привязан к креслу.

— Я сказал: мордой в ковер, сволочь! Ноги раздвинь, руки в стороны, как на распятье.

Кряхтя и ругаясь, Куинн повиновался. Когда последний ремень был расстегнут, доктор с облегчением принялся растирать руки и ноги, пытаясь восстановить кровообращение. На его запястьях остались глубокие следы от кожаных ремней.

— Сидите и не двигайтесь, — прошептал ему

Бонд. — Циркуляция сама восстановится.

С ремнями в одной руке, а пистолетом в другой он осторожно приблизился к Куинну, зная, что тот в любой момент может ударить его ногой по запястью.

— Дернешься — и я проделаю в тебе такую большую дырку, что червям понадобится карта. Все ясно?

Куинн неразборчиво хмыкнул, и тогда Бонд резко пнул его по лодыжке носком ботинка с металлической окантовкой. Вскрикнув от боли, Куинн сложил ноги вместе. Не теряя ни секунды, 007 стянул его лодыжки одним из ремней.

— Так, теперь руки за спину, пальцы сцепить!

Чтобы ускорить процесс, Бонд пнул Куинна по правому запястью. Тот, вскрикнув, повиновался.

— Может, это и старомодно, — пробормотал Бонд, связывая его руки вторым ремнем, — но зато ты спокойно полежишь, пока мы не найдем для тебя чего-нибудь понадежнее.

Он обвязал один конец длинного ремня вокруг лодыжек, протянул его вокруг шеи и вновь обвязал им лодыжки. Затянув ремень потуже, Бонд вынудил Куинна подогнуть ноги к спине и откинуть голову назад. Это был старый, проверенный метод. Вздумай пленник брыкаться — задушит

сам себя, а если расслабить ноги, то петля на шее затянется еще туже.

Куинн выдал поток нецензурной брани, и взбешенный Бонд наградил бывшего друга пинком по ребрам.

— Заткнись!

Достав из кармана носовой платок, Бонд запихнул его Куинну в рот.

Наконец можно было спокойно осмотреть кабинет: оформлен в стиле XIX века — массивный стол, стулья с гнутыми спинками и книжные шкафы до потолка. Бледный доктор Кирхтум по-прежнему сидел за столом. Этот веселый здоровяк превратился с сгорбленного плаксу.

Переступая через сброшенные на пол книги, Бонд подошел к радиопередатчику. Мертвый радист сидел, откинувшись на спинку стула. Его алая кровь продолжала капать на выцветший ковер. Бонд бесцеремонно спихнул тело на пол. Лицо, перекошенное болью, было ему не знакомо. Второй труп лежал у стенки в позе пьяного. Имени его Бонд не помнил, а вот физиономия была знакома: он видел ее среди фотографий в разделе по Восточной Германии. Опасный преступник с экстремистскими взглядами. «Удивительно, — подумал Бонд, — как много законченных него-

дяев идут в наемники к террористам. Головорезы напрокат».

— Как они это провернули? — спросил он у Кирхтума, обескураженный предательством друга.

— Провернули? — растерянно переспросил доктор.

— Послушайте… — почти закричал Бонд, но вовремя сообразил, что доктор Кирхтум не в совершенстве владеет английским, а от страха мог вообще все слова позабыть.

Он подошел к доктору и положил ему руку на плечо.

— Герр доктор, — заговорил Бонд спокойным и полным сочувствия тоном, — поймите меня правильно. Мне нужна информация и желательно побыстрее — если вы тоже хотите увидеть обеих дам целыми и невредимыми.

— Бог мой! — Кирхтум закрыл лицо своими большими, пухлыми ладонями. — Это все моя вина. Бедная мисс Мэй и ее подруга… Зря я тогда отпускать Мэй!

Доктор был на грани слез.

— Вы ни в чем не виноваты, — заверил его Бонд. — Откуда вы могли знать? Успокойтесь, соберитесь и отвечайте на мои вопросы как можно

точнее. Как этим людям удалось проникнуть к вам в кабинет и удерживать вас здесь?

Кирхтум отнял от лица руки и поднял на Бонда полные отчаяния глаза.

— Эти… двое, — указал он на трупы, — представиться ремонтниками. Собирались починять… как это… палку для телевизора.

— Телевизионную антенну, — подсказал Бонд.

— Ja! Дежурная сестра впустить их на крыша. Думать, так лучше. Но когда она войти ко мне, я почуять неладное.

— Они желали вас видеть?

— Да. В моем кабинете. Только потом я понял, что они поставить антенна для своего передатчика. Они запереть дверь и грозить оружием. Требовать, чтобы я зови другой врач и проси его заменять меня. Сказать, что буду занят в ближайшие дни. Они еще смеяться, когда я говорить ему, что связан делом по рукам и ногам. У них были пистолеты. Что мне оставалось делать?

— Да, с заряженным оружием не поспоришь, — согласился Бонд, кивая в сторону трупов. — А когда здесь появился этот кусок дерьма? — спросил он, глядя на Стива Куинна.

— В ту же ночь, только позже. Проник через окно, как вы.

— В какую именно ночь?

— На следующий день после похищения дам. Эти двое прийти днем, а он — ночью.

К тому времени меня уже привязать к креслу. Отпускать только для определенных функций…

— Каких функций? — удивился Бонд.

— Естественных функций, — смущенно пояснил доктор. — А потом я отказаться говорить с вами по телефону… До этого они только угрожай мне, но тогда…

Бонд кивнул. Он уже обратил внимание на таз с водой и провода с «крокодилами», воткнутые в розетку. Да, Кирхтуму пришлось несладко.

— А радио? — спросил он.

— Ах, да! Они часто им пользоваться! Два — три раза в день.

— Вы слышали хоть что-нибудь? — спросил Бонд, глядя на передатчик, к которому были подсоединены два комплекта наушников.

— Почти все. Они надевать наушники, но видите — есть динамики.

И действительно, в центре аппарата была пара небольших динамиков.

— Доктор, постарайтесь вспомнить, что вы слышали?

— Постараюсь. Они говорить, а на том конце

отвечать.

— Кто начинал разговор? Они? Или их вызывали?

Кирхтум задумался.

— Ах, да! — спохватился он. — Голос — сквозь шум и треск.

Бонд принялся тщательно изучать параметры настроек работавшего, судя по легкому гудению из динамиков, передатчика. Если он все правильно понял, то источник сигнала находился на значительном расстоянии отсюда — от шестисот до шести тысяч километров.

— Вы можете припомнить, — спросил Бонд, — они выходили на связь в определенное время?

Кирхтум наморщил лоб и кивнул:

— Да, кажется, да. По утрам, рано, в шесть часов. Затем в полдень…

— А потом в шесть вечера и в полночь? — уточнил Бонд.

— Что-то вроде того, да. Но не совсем.

— Иногда чуть раньше, а иногда чуть позже, да?

— Точно! — лицо Кирхтума посветлело.

— Что-нибудь еще?

Доктор задумался и кивнул:

— Да. Они должны отправить сообщение, когда

им сообщать, что вы покидай Зальцбург. Их человек следит за…

— За отелем?

— Нет. Из разговора я понимай, что он следить за дорогой. Он должен позвонить, когда вы уехать, и тогда они сообщать об этом по радио. Специальными словами…

— Не помните какими?

— Что-то про посылку в Париж.

«Вполне возможно, — подумал Бонд. — Чертовы конспираторы! Начитались дешевых романов про шпионов!»

— Еще какие-нибудь особые слова были?

— Да, были. Человек на том конце называть себя Соколиное перо. Мне казаться это странным.

— А как эти себя называли?

— Мракобес.

— То есть с той стороны говорили что-то вроде: «Соколиное перо — Мракобесу».

— Прием.

— Верно, прием. А дальше вероятно: «Соколиное перо, говорите».

— Да, именно так они говорить.

— Но почему до сих пор никто из ваших сотрудников не зашел нас проведать? Почему никто не вызвал полицию? Ведь я наделал столько шума.

Стрелял.

Кирхтум пожал плечами:

— Стрельбу слышать только с улицы. Стены моего кабинета со звукоизоляцией — у меня бывать буйные пациенты. Окна — с двойными стеклами. И когда становиться душно, они открывай окна, чтобы проветрить.

Бонд кивнул и посмотрел на часы: почти одиннадцать сорок пять. Соколиное перо мог выйти на связь в любой момент. Если человек Куинна присматривал за автобаном Е-11, то вероятно, и за другими выездами из города тоже. Это надежнее, чем один человек в отеле. Настоящие профессионалы.

Нужно было поторопиться. Тем временем лежавший на полу Куинн перестал извиваться. Бонд мысленно наметил план допроса. Куинн давно в игре, и его трудно расколоть даже в идеальных условиях. Он человек опытный и будет упорно сопротивляться, поэтому насилием ничего не добиться, но Бонд знал, как достучаться до Стива Куинна.

— Куинн, — тихо произнес Бонд, присев рядом со связанной фигурой, — нам понадобится твоя помощь.

Бросив на него злобный взгляд, Куинн громко

хмыкнул сквозь импровизированный кляп, всем своим видом показывая, что сотрудничать он не собирается.

— Я знаю, что эта линия небезопасна, и тем не менее я позвоню в Вену, чтобы там передали мое сообщение в Лондон. Слушай очень внимательно.

Подойдя к телефону, Бонд набрал номер 0222-43-16-08, числившийся за туристической фирмой в Вене, в офисе которой, насколько ему было известно, в это время суток работал автоответчик. При этом он специально отвел трубку от уха, чтобы Куинн услышал ответ, после чего плотно прижал ее к голове, нажав на аппарате рычаг сброса.

— Говорит Хищник, — спокойно произнес Бонд. — Да. Срочно в Лондон. Запрашиваю немедленного вмешательства. — Он замолчал, делая вид, что слушает. — Рим сошел с рельсов. Да, работал на Центр. Он у меня в руках, но это не все. Вышлите группу захвата на Виа Барберини 48, квартира 28, это рядом с офисами «Японских авиалиний». Объект — Табита Куинн. Если М не захочет марать руки, пусть Херефорд пришлет одного из своих «психов».

Куинн взволнованно захрипел. Безопасность

жены — единственное, что могло произвести нужный эффект.

— Да, очень хорошо, — продолжал Бонд. — Вы будете в шоке, но, возможно, ее потребуется устранить. Или покалечить. Я перезвоню через час. Хорошо.

Бонд повесил трубку и вновь присел рядом с Куинном, в глазах которого, помимо ненависти, заметалась тревога.

— Не бойся, Стив, тебе не сделают больно. Чего не скажешь о Табби. Мне очень жаль.

Догадался ли Куинн, что это блеф? Вряд ли. Он давно работал на службу и хорошо знал, что «психами» называли наемных убийц. Эти парни могли доставить Табите массу мучений перед смертью. Куинн работал с Бондом достаточно давно и знал, что тот не бросает слова на ветер.

— Надо полагать, скоро сеанс связи, — продолжил Бонд. — Я привяжу тебя к креслу возле передатчика. Отвечай кратко, лаконично. И сразу отключайся. Можешь сослаться на плохой прием. Но не вздумай их предупредить! Если ты опустишь какие-нибудь слова или ввернешь кодовые, я это сразу просеку — как и ты бы на моем месте. Будешь дурить — проснешься утром в Уорминстере на допросе и сядешь на очень

долгий срок. А чтобы не было скучно, тебе принесут посмертные фотографии Табби, на которых ты увидишь, что с ней вытворяли. Уж это я тебе обещаю. Ну а теперь…

Бонд перетащил Куинна в кресло радиста и перевязал ремни так, чтобы он мог нормально сидеть. Казалось, желание сопротивляться покинуло Куинна, хотя от предателя можно было ждать чего угодно. Ради собственного спасения он мог спокойно пожертвовать женой.

— Ты готов играть по моим правилам? — спросил Бонд.

Здоровяк угрюмо кивнул, и 007 вынул из его рота кляп.

— Ублюдок, — с трудом выдавил из себя Куинн хриплым голосом.

— Стив, это может случиться с каждым из нас. Просто делай, что я тебе говорю, и, возможно, вы оба останетесь в живых.

В этот момент передатчик ожил. Бонд включил режим приема, и монотонный голос произнес:

— Соколиное перо — Мракобесу. Соколиное перо — Мракобесу. Мракобес, ответьте. Бонд кивнул Куинну и щелкнул переключателем, впервые за многие годы вспомнив давно забытые слова молитвы.

12. Англия ждет

— Мракобес — Соколиному перу. Слышу вас. Прием. — Стив Куинн говорил слишком уверенным тоном, однако у Бонда не было выхода.

Сквозь шум и треск из динамиков послышался ответ:

— Соколиное Перо — Мракобесу. Проверка связи. Доложите обстановку. Прием.

Куинн секунду колебался, но Бонд ненавязчиво прислонил к его уху дуло пистолета.

— Все нормально. Ждем развития событий. Прием.

— Сообщите, когда посылка будет отправлена. Прием.

— Вас понял, Соколиное Перо. Конец связи.

Бонд щелкнул переключателем и через мгновение взглянул на Кирхтума.

— Доктор, все было как обычно?

— Да, — кивнул тот.

— Вот и хорошо. А теперь, доктор, мне понадобится ваша помощь. Нужно сделать так, чтобы этот ублюдок уснул часов на пять, а потом проснулся в состоянии внятно говорить.

Кирхтум впервые улыбнулся.

— У меня есть такой препарат! — сказал он, медленно вставая со стула, и заковылял к двери. На полпути доктор обнаружил, что необут, поэтому вернулся, чтобы надеть носки и ботинки.

— Надеюсь, Куинн, ты не подал условный сигнал? — спросил Бонд, когда доктор ушел. — Напоминаю: Табби долго не продержится. Если же будешь слушаться, то я замолвлю за тебя словечко. А сейчас думай о жене. Ясно?

Куинн с ненавистью посмотрел на Бонда. Это был взгляд предателя, загнанного в угол.

— Отвечай прямо и не увиливай.

— Что если я не знаю ответов?

— Тогда расскажи о том, что знаешь. А мы уж отделим правду от вымысла.

Куинн молчал.

— Во-первых, что должно произойти в Париже? В «Георге Пятом»?

— В отеле тебя ждут наши люди.

— Но ты же мог захватить меня здесь. И кое-кто даже пытался.

— Это не мы. И не КГБ. Мы рассчитывали на то, что ты помчишься в Зальцбург, как только узнаешь о Мэй и Манипенни. Да, похищение организовали мы. Мы собирались загнать тебя в

Зальцбург, словно шар в лунку.

— Значит в «Рено» были не твои люди?

— Нет, их убрал кто-то из конкурентов. Видимо, у тебя завелся ангел-хранитель. Эти двое были из римского отдела. Я собирался устранить их, как только они проследят за тобой до Зальцбурга.

— После чего ты собирался направить меня в Париж, да?

— Да, твою мать! И если бы не Табби, я бы…

— Сейчас ты должен думать только о Табби, — напомнил ему Бонд и на секунду задумался. — Париж… Но почему в Париж?

Куинн молча смотрел Бонду в глаза. Он явно что-то недоговаривал.

— Я спрашиваю: почему в Париж? Думай о Табби.

— Нам было велено доставить тебя в Париж, в Берлин или в Лондон. Они хотят не просто получить твою голову, а увидеть саму казнь. Только так мы получим денежки. Мне приказано доставить тебя в Париж, а уж там тебя заберут другие… — Куинн осекся, будто понял, что взболтнул лишнего.

— И доставят посылку адресату? — предположил Бонд.

Прошло пятнадцать секунд, прежде чем Куинн

выдавил:

— Да.

— И кто получатель?

— Сам знаешь.

— Тамил Рахани? Глава СПЕКТРа?

— Да.

— И куда же велено меня доставить? — спросил Бонд.

Куинн молчал.

— Куинн, вспомни о Табби. Я ведь прослежу, чтобы перед смертью ее пытали с особым усердием. После чего они возьмутся за тебя. Куда приказано меня доставить?

Казалось, прошло несколько минут, прежде чем Куинн ответил:

— Во Флориду.

— Куда именно? В «Диснейленд»? Флорида — большой штат.

— На самый юг, — угрюмо пробормотал Куинн, глядя в сторону.

— Понятно, — Бонд кивнул.

Речь шла об океанском архипелаге Флорида-Кис протяженностью в 150 километров.

В памяти Бонда моментально всплыли названия самых известных островов: Бахия Хонда Ки, Биг Пайн Ки, Куджо Ки и Бока Чика Ки. Но самым

южным был Ки-Уэст. Туристический рай, перевалочный пункт для наркокурьеров и дом-музей Эрнеста Хемингуэя…

«Идеальное место, — подумал Бонд. — Кому придет в голову искать штаб-квартиру СПЕКТРа в Ки-Уэсте?»

— Значит, Ки-Уэст?

Стив Куинн стыдливо кивнул.

— Париж, Лондон, Берлин… — Бонд усмехнулся. — А почему не Рим? Оттуда тоже есть прямые рейсы до Майами. Я правильно мыслю, Куинн?

— Наверное.

— А где конкретно в Ки-Уэсте?

— Этого я не знаю. Правда, не знаю.

Бонд пожал плечами, словно это уже не имело значения.

Дверь открылась, и в кабинет вошел счастливый доктор Кирхтум, держа в руках почкообразный тазик, накрытый салфеткой.

— Я принес то, что вы просить.

— Отлично, — улыбнулся Бонд. — А я как раз выяснил все, что мне было нужно. Уложите его спать, герр доктор.

Кирхтум закатал Куинну рукав, протер руку спиртом и ввел под кожу иглу шприца. Не прошло и десяти секунд, как тело Куинна обмякло,

а голова скатилась набок. Бонд принялся перевязывать ремни.

— Он проспит около пяти часов, — констатировал доктор. — Вы уходить?

— Да, но сначала я должен убедиться, что он не убежит, когда проснется. Скоро к вам приедет мой человек, который проследит за тем, чтобы Куинн принял звонок от «наружки» и передал информацию по рации. Вы его сразу узнаете, он скажет вам пароль: «К добру ли эта встреча при луне…» Ответ: «Надменная Титания». Запомнили?

— Это Шекспир, да? Сон летом ночью?

— Сон в летнюю ночь, герр доктор.

— Летом ночью — в летнюю ночь… Какая разница?

— Для Шекспира — большая. Так что не перепутайте. — Бонд улыбнулся. — Справитесь?

— Обязательно, герр Бонд!

Пятью минутами позже Бонд уже садился в «Сааб». Быстро добравшись до отеля, он сразу же позвонил Нанни:

— Нанни, прости за задержку. Наши планы слегка изменились. Сиди пока на месте и предупреди Сьюки. Я скоро перезвоню и, надеюсь, что в течение часа мы уедем.

— Какого черта? — раздраженно воскликнула

Нанни — Что происходит?

— Просто будьте на месте. И не волнуйтесь, я не уеду без вас.

— Хочется верить, — отрезала Нанни, бросив трубку.

Улыбнувшись, Бонд достал из кейса скремблер и подключил его к телефонному аппарату. Несмотря на то, что сейчас он работал в одиночку, пришло время попросить помощи у коллег.

Теперь, после ликвидации противника в клинике, Бонд мог без опасения звонить в Лондон. Дежурный офицер ответил почти сразу же. Назвав пароль, Бонд сообщил ему информацию, которую следовало срочно передать М и венскому резиденту, а также запросил у шефа разрешение на самостоятельные действия с целью разбить СПЕКТР одним ударом. Продиктовав дежурному номер своего телефона в гостинице, Бонд попросил связаться с ним как можно скорее.

Ожидание заняло чуть больше пятнадцати минут. Дежурный сообщил, что М одобрил запрос Бонда и поручил венской резидентуре прислать в Зальцбург частный самолет с командой из трех мужчин и двух женщин, которым надлежало дождаться агента 007 для получения дальнейших инструкций. После брифинга частный самолет

должен был доставить Бонда в Цюрих, где его ждали билеты на рейс авиакомпании «Пан-Американ» до Майами, вылетавший в 10:15 по местному времени. Бонд поблагодарил дежурного и собирался уже повесить трубку, но тот его остановил:

— Хищник.

— Да?

— Личное сообщение от М.

— Я слушаю.

— Он сказал следующее: «Англия ждет…» Кажется, это слова Нельсона: «Англия ждет, что каждый выполнит свой долг…»

— Я знаю, — отрезал Бонд. — Я знаю, чьи это слова.

— Еще он пожелал вам удачи.

«Удача мне точно понадобится», — подумал Бонд, отсоединяя от телефона скремблер, и набрал номер Нанни.

— Все готово, можно ехать.

— Наконец-то! И куда мы направляемся?

— На встречу с Волшебником, — мрачно усмехнулся он. — Волшебником из страны Оз.

13. Добрый вечер, мистер Болдман

— Джеймс! Джеймс, мы идем не в ту сторону. Ты оставил «Бентли» на стоянке слева, забыл?

— Сьюки, не нужно кричать об этом на всю улицу. Мы не поедем на «Бентли».

Вернувшись из клиники, Бонд первым делом направился на парковку и спрятал ключи от автомобиля в выхлопной трубе. Разумеется, это было не надежно, но что поделать. Теперь оставалось перенести багаж в «Сааб».

— Как так? — удивилась Нанни.

— У нас имеется альтернативный транспорт, — успокоил девушек Бонд.

Для того, чтобы перехитрить СПЕКТР, нужно было действовать быстро и осторожно. Бонд даже подумывал бросить Сьюки и Нанни в отеле, но был вынужден отказаться от этой затеи, поскольку изолировать их не представлялось возможным. К тому же девушки продемонстрировали свою решимость остаться с ним, и поэтому сбежать от них означало напроситься на неприятности.

— Я надеюсь, у вас открыты американские визы? — поинтересовался Бонд, повернув ключ зажигания.

— Американские? — раздраженно взвизгнула Сьюки.

— Неужели закрыты?

Включив заднюю передачу, Бонд вырулил с парковки на улицу и направился в сторону аэропорта.

— Конечно, открыты, — обиженным тоном ответила Нанни.

— Но мне нечего надеть! — воскликнула Сьюки.

— Туда, куда мы полетим, достаточно джинсов и рубашки, — улыбнулся Бонд и свернул на дорогу к Инсбруку.

Мелькнувший в свете фар указатель подтвердил, что они едут в верном направлении.

— Да! Вот еще что, — вспомнил Бонд. — Прежде чем мы покинем машину, вам придется переложить свои пушки в мой кейс. В нем есть экранированное отделение, специально для оружия. До Цюриха мы летим на частном самолете, а дальше — коммерческим рейсом.

Нанни хотела возразить, но Бонд перебил ее:

— Вы сами решили ехать со мной. Если что-то

не устраивает, говорите, и я распоряжусь, чтобы вас доставили обратно в отель. Вы можете славно провести время, посещая концерты Моцарта.

— Мы едем с тобой, — решительно ответила Нанни. — Мы обе. Верно, Сьюки?

— Еще бы!

— Значит, договорились, — подытожил Бонд, глядя на указатели аэропорта. — За нами уже вылетел самолет, на борту которого люди, с которыми мне нужно переговорить, но вы на этой встрече присутствовать не сможете, поэтому я вас на время оставлю. После разговора мы вылетим в Цюрих.

На стоянке аэропорта Бонд вынул из багажника объемистый чемодан фирмы «Самсонайт», над которым потрудились работники секции Кью, сделав в центре потайное отделение на молнии, непроницаемое для рентгеновских лучей. Бонд пользовался им, когда путешествовал авиалиниями, не позволявшими ему проносить на борт личное оружие.

— Дайте мне всё, что нельзя проносить в самолет, — сказал он, протягивая руку.

Девушки приподняли подолы юбок и отстегнули от поясов для чулок одинаковые кобуры с пистолетами. Сложив оружие в чемодан, Бонд

попросил Нанни и Сьюки вернуться в машину.

— Помните, что теперь вы не вооружены. Но сейчас опасаться нечего — мне удалось сбить моих преследователей со следа. Ждите меня здесь. Я к начальнику аэропорта. Это ненадолго.

Начальник аэропорта был заранее предупрежден, поэтому прием частного рейса осуществлялся в штатном режиме.

— Он в восьмидесяти километрах от нас, начал снижение, — сообщил он Бонду. — Надо полагать, вам понадобится комната для переговоров?

— Думаю, да, — кивнул Бонд. — Извините, что подняли вас посреди ночи.

— Лучше скажите спасибо, что погода хорошая, — мрачно улыбнулся начальник аэропорта. — Если бы небо заволокли облака, то ночная посадка была бы невозможной.

Они вышли на бетонированную площадку перед взлетно-посадочной полосой, освещенной фонарями. Несколько минут спустя в небе показались красный и зеленый огоньки, которые плавно скользили к аэродрому. Через несколько секунд небольшой реактивный самолет бизнес-класса «Хоукер-Сиддли-125», без каких-либо опознавательных знаков кроме британского идентификационного номера, с ревом коснулся

полосы и начал резкое торможение. Видимо, пилот уже приземлялся здесь. Вскоре регулировщик с парой сигнальных жезлов указал самолету место стоянки.

Открылся передний люк, и спустили трап. Женщин Бонд не узнал, а с мужчинами сотрудничать ему доводилось. Загорелого человека постарше звали Криспин Траш. Его послужной список был почти таким же разнообразным, как и у Бонда. Мужчины пожали друг другу руки, и Криспин представил остальных, после чего начальник аэропорта проводил всех в небольшой пустынный конференц-зал, где на круглом столе их ждал стандартный набор: кофе, минеральная вода и блокноты.

— Располагайтесь, — сказал Бонд, оглядев команду. — А я пойду помою руки.

Он кивнул Криспину, и тот вышел следом за ним из комнаты на автостоянку.

— Ты в курсе дела? — спросил Бонд тихим голосом.

— В общих чертах. Мне сказали, что ты сообщишь детали.

— Верно. Вы с напарником возьмете тот «Сааб», в котором сейчас сидят две девушки, и отправитесь прямиком в клинику Моцарта. Знаешь,

где это?

Траш кивнул:

— Да, знаю. Еще мне сказали нечто невероятное…

— Про Стива?

Траш вновь кивнул.

— К сожалению, это правда, — ответил Бонд. — Ты найдешь его в кабинете директора клиники, доктора Кирхтума, который вколол ему хорошее снотворное. Доктор очень помог мне. Куинн и его сообщники удерживали его там.

Бонд вкратце поведал Трашу про участие КГБ, телефонные звонки и слежку за дорогой.

— Криспин, во время сеанса связи следи за ним особенно внимательно. Он старый лис и хорошо знает все трюки. Я думаю, нет нужды объяснять тебе это. Он поплыл, лишь когда я пригрозил расправиться с его женой.

— Табби уже взяли, — сообщил Криспин. — Спрятали на конспиративной квартире, в Риме. Надо полагать, бедняжка очень растеряна.

— И вряд ли верит объяснениям. Куинн утверждает, что она была не в курсе его шашней с КГБ. В общем, если вы все поместитесь в «Сааб», то забрось двух женщин и парня в отель «Голденер Хирш». Задерживать здесь их не стоит, у них

своя дорога. Автомобиль должен утром покинуть стоянку, поэтому постарайся привести Куинна в чувства прежде, чем «Бентли» отправится в путь. Их наблюдатель будет уверен, что я с девушками выехал в Париж, и на некоторое время они угомонятся. Ключи — в выхлопной трубе. Как только Куинн передаст сообщение, вы должны без промедления доставить его в Вену.

— Кстати! — Криспин достал из внутреннего кармана пиджака пухлый продолговатый конверт. — Билеты. С наилучшими пожеланиями от резидента.

Бонд, не распечатывая, сунул конверт в нагрудный карман, и они медленным шагом вернулись назад в конференц-зал. Следующие пятнадцать минут Бонд и его коллеги разыгрывали встречу деловых партнеров, попивая кофе и договариваясь по поводу экспорта шоколада. Наконец Бонд поднялся из-за стола и сказал:

— На этом всё, дамы и господа. Увидимся на улице.

Чтобы Нанни и Сьюки не увидели прилетевших, Бонд заранее попросил служащего аэропорта забрать из «Сааба» их багаж. Теперь он быстро проводил девушек в главное здание, где их ждал начальник аэропорта, пообещал присоединиться

к ним через несколько минут и вышел, чтобы отдать Криспину ключи от «Сааба».

— Если что-то пойдет не так, М сварит нас в кипящем масле, — усмехнулся Криспин.

Бонд изогнул бровь.

— Если останется, что варить, — ответил он, убирая с правого виска непослушную прядь волос.

Неожиданно у Бонда появилось странное предчувствие надвигающейся катастрофы.

— Вот это да! ВИП-обслуживание! — воскликнула Сьюки, увидев реактивным самолет. — Как в старые, добрые времена с Паскуалем.

Нанни отреагировала куда сдержаннее. Через несколько минут они уже пристегнули ремни, самолет промчался по взлетной полосе и нырнул в кромешную тьму. Стюард подал напитки и сэндвичи, после чего незаметно исчез.

— Итак, — Сьюки приподняла бокал, — я в сотый раз спрашиваю: куда мы летим, Джеймс?

— А самое главное — зачем? — добавила Нанни, потягивая минеральную воду.

— Куда летим? Во Флориду. Сначала в Майами, потом — южнее. А вот зачем — долго объяснять.

— Ничего. Мы терпеливые, — улыбнулась Нанни, глядя на Бонда поверх очков.

— Есть один человек, которому я доверял, но яблочко оказалось гнилым. Он подставил меня, а теперь я подставил его, пустив дезинформацию. И пока его люди думают, что мы едем в Париж, мы с шиком полетим в Цюрих. Ну а там мы сядем на самолет авиакомпании «Пан-Американ» до Майами. Первым классом, само собой. Правда, в Цюрихе я предлагаю на время разделиться. Вот ваши билеты.

Авиабилеты для девушек были оформлены на их настоящие имена — принцессу Сьюки Темпесту и мисс Наннетт Норрих. Билеты до Ки-Уэста Бонд решил отдать им в Майами, чтобы они не знали конечного пункта их путешествия до последнего момента. Проверил он и свой собственный билет, оформленный на мистера Дж. Болдмана, директора крупной компании. Все было в порядке.

— Полетим раздельно, — пояснил он девушкам. — Встретимся в «Майами Интернэшнл» у регистрационной стойки «Дельта». Будьте внимательны — не заблудитесь. Здание довольно большое. Если что — обратитесь в справочное. И остерегайтесь разных «попрошаек», вроде кришнаитов и монахинь.

— Да уж, их там предостаточно, — согласилась

Нанни. — Спасибо за совет, Джеймс. Но мы бывали в Майами, так что в курсе.

— Прости, не подумал. Ну что, вы по-прежнему твердо настроены лететь со мной?

— Это мы тоже уже обсуждали, Джеймс. Мы будем с тобой до конца.

— До самого конца, Джеймс… — Сьюки наклонилась к нему и с нежностью накрыла его руку своей.

Бонд молча кивнул.

Прилетев в Цюрих, девушки подкрепились в одном из многочисленных кафе аэропорта. Бонд поел отдельно, заказав кофе с круассаном, после чего прошел регистрацию на рейс «Пан-Американ».

В самолете Сьюки и Нанни сели ближе к кабине пилота, Бонд расположился позади у окна, по правую сторону. Девушки даже не взглянули на него. Бонд восхищался тем, как быстро Сьюки освоила азы конспирации, о Нанни вообще не было речи — та уже давно зарекомендовала себя как опытный профессионал.

Сносная еда и сильно урезанный боевик, предложенный к просмотру, — таким был их полет до Майами. Долгожданное приземление — и вот они уже в душном терминале аэропорта.

— Итак, теперь идем к выходу «Е», — сообщил Бонд девушкам, которые уже ждали его у стойки авиакомпании «Дельта».

— Ки-Уэст? — удивилась Нанни, увидев свой билет.

— «Последнее прибежище», как его называют, — рассмеялась Сьюки. — Класс! Я уже была там.

«Господина Болдмана, прилетевшего рейсом из Цюриха, просят подойти к справочному столу…» — послышалось из динамиков аэропорта.

Бонд пожал плечами:

— Вот те раз. Прибыл, называется, инкогнито. Это, наверное, мои коллеги с новостями, — сообщил он девушкам. — Я мигом.

Бонд пробрался сквозь толпу к справочному столу.

— Я вас слушаю, — сказала служащая, демонстрируя отбеленные зубы и кроваво-красную помаду на губах.

— Я мистер Болдман, по поводу объявления… — начал Бонд.

Девушка взглянула ему за левое плечо и кому-то кивнула.

— Добрый вечер, мистер Болдман, — прошептал на ухо голос. — Рад вас видеть.

Бонд медленно обернулся и на его лице застыло удивление. Позади него стоял Стив Куинн, приставив к его боку дуло пистолета.

— Какая приятная встреча, мистер… как вы теперь называйся? Болдман? — спросил с теплой улыбкой доктор Кирхтум, стоявший справа от Куинна.

— Какого черта… — вырвалось у Бонда.

— Сейчас ты тихо и спокойно пройдешь вон к тому выходу, — скомандовал Кунн, не переставая улыбаться. — Забудь о своих подружках. В Ки-Уэст мы доберемся на другом самолете…

14. Город, в котором всегда лето

В салоне самолета стояла тишина и был слышен только едва различимый гул двигателей. Перед посадкой Бонд успел бросить на него беглый взгляд и по форме длинного носа предположил, что это «Аэроспасьяль Корвет». Интерьер был оформлен в сине-золотистых тонах, посередине — длинный стол и шесть вращающихся кресел.

Снаружи царила тьма, изредка нарушаемая далекими огоньками. Видимо, они летели высокого над Эверглейдсом или уже поворачивали на Ки-Уэст.

Первый шок от встречи с Куинном и Кирхтумом прошел быстро: в своей работе Бонд привык к неожиданным поворотам. И в сложившейся ситуации ничего не оставалось, как следовать инструкциям Куинна — это был единственный шанс на спасение.

Когда дуло пистолета уперлось ему в ребра, Бонд на какое-то мгновение задумался о побеге, но отбросил эту мысль и покорно пошел, зажатый между двумя мужчинами, словно преступник, которого незаметно для окружающих арестовала

полиция. Надеяться на помощь было глупо: Бонд уже отдал девушкам билеты и велел ждать его, да и багаж, включая его чемодан, в котором были спрятаны пистолеты и дубинка, остался тоже у них.

У выхода стоял черный лимузин. Кирхтум открыл заднюю дверь и плюхнул свое грузное тело на сиденье.

— Пошел, — скомандовал Куинн и ткнул в Бонда пистолетом, практически заталкивая его в пропахший кожей салон, после чего быстро влез следом. Бонд вновь оказался зажатым между двумя мужчинами.

Не успела дверь захлопнуться, как двигатель завелся, и машина плавно отъехала от тротуара. Куинн был вооружен пистолетом марки «Макаров», изготовленным на базе «Вальтера ПП». Бонд узнал его силуэт даже в тусклом свете огней аэропорта, проникавших в салон. Голова водителя, похожая на вытянутый кокос, была увенчана шоферской фуражкой. Никто не произнес ни слова. Лимузин свернул на съезд, который, как предположил Бонд, вел к дороге, огибавшей аэропорт.

— Если хоть одно слово скажешь — Мэй и Манипенни умрут, — предупредил Бонда Куинн, когда машина остановилась у высоких сетчатых

ворот аэропорта.

Водитель нажал на кнопку, и стекло на его двери мягко опустилось. Он передал охраннику сложенные вместе паспорта, и тот попросил опустить стекло задней двери. Изучив лица Куинна, Бонда и Кирхтума, он сверил их с фотографиями на документах.

— Хорошо, — буркнул охранник. — Проезжайте и ждите машину сопровождения.

Они проехали немного вперед и остановились, приглушив свет фар. Вдали раздался оглушительный рев заходившего на посадку самолета. Вскоре из темноты выплыли огни небольшого грузовика с проблесковым маячком на крыше. Грузовик развернулся, и в свете фар лимузина блеснула огромная табличка на кузове: «Следуйте за мной».

Лимузин медленно двинулся в дальний конец аэропорта мимо всевозможных воздушных судов самых разных авиакомпаний. Поодаль от остальных, напротив служебных зданий, стоял частный самолет. Машина затормозила почти у его крыла.

Несмотря на свои крупные габариты, Куинн и Кирхтум двигались довольно проворно и действовали как слаженная команда. Не успел

автомобиль полностью остановиться, как Кирхтум уже выскочил из него, а Куинн подтолкнул Бонда к двери, чтобы тот постоянно находился под прицелом с обеих сторон.

Пока Куинн выходил из машины, Кирхтум стальной хваткой держал Бонда за руку. Затем, заломив пленнику руки, оба проводили его в салон самолета, после чего Кирхтум поднял трап и закрыл за собой дверь.

— Садись там, — Куинн пистолетом указал Бонду его место.

Когда Бонд сел, доктор Кирхтум заковал его наручниками, каждый из которых пристегнул к кольцам, вмонтированным в подлокотники кресла.

— Я вижу, вам это не впервой, — бесстрашно улыбнулся Бонд.

— Меры предосторожности, — пояснил Куинн и встал поодаль, нацелив на Бонда пистолет. — Глупо прибегать к этой штуке в полете.

Тем временем Кирхтум заковал ноги Бонда в кандалы и пристегнул их к аналогичным стальным кольцам у основания кресла.

Двигатели взревели, и через несколько секунд самолет тронулся с места. Вырулив на взлетную полосу, он разогнался и через некоторое время

стремительно взмыл в воздух.

— Прости меня, Джеймс, что так получилось, — сказал Куинн, откинувшись на спинку кресла с бокалом в руке. — Видишь ли, мы подозревали, что ты можешь нагрянуть в клинику, поэтому разыграли небольшой спектакль: даже подготовили оборудование для пытки, и доктор разыграл несчастную жертву. Хотя должен признать, что мы допустили серьезную ошибку: мне следовало приказать второй команде обезвредить тебя. Но что поделать. Надо сказать, доктор превосходно справился с ролью запуганной жертвы.

— Так дайте ему «Оскар», — съязвил Бонд. — Надеюсь, с моими спутницами ничего не случится?

— О них не беспокойтесь, — ответил Куинн с беззаботной улыбкой. — Мы оставили им сообщение, что планы изменились и вы встретитесь с ними в аэропорту «Хилтон». Даже если они что-то заподозрят — они нам не помеха. Завтра в полдень у тебя свидание с мадам Гильотиной, как ее называли французские революционеры. Напоминаю, что нам приказано доставить тебя людям СПЕКТРа. На самой казни я присутствовать не буду. Мы заберем деньги и проследим, чтобы Мэй и Манипенни отпустили. Можешь в этом не сомневаться. Их вернут целыми и невредимыми.

Хотя Манипенни полезнее было бы допросить.

— И где все это произойдет? — поинтересовался Бонд, не подавая вида, что на него подействовали слова о гильотине.

— Неподалеку от Ки-Уэста. За рифом. К сожалению, мы не рассчитали время прибытия, поэтому до рассвета перекантуемся на одной квартире. Фарватер там не из легких, не хочется сесть на мель. Но мы справимся. Я обещал своему начальству доставить тебя туда — и я это сделаю.

— Да, начальство у тебя крутое, — ответил Бонд. — Русские не любят провалов. В лучшем случае тебя понизят в должности, а в худшем — упрячут в психушке и с помощью аминазина превратят в живой овощ. Подозреваю, что именно это тебя и ждет. Кстати, герр доктор, вас это тоже касается. — Он повернулся к Кирхтуму. — И как им удалось втянуть вас в эту историю?

Доктор пожал плечами:

— Я посвятить клинике Моцарта всю свою жизнь, но несколько лет назад возникай финансовая трудность…

— Обанкротились?

— Да. Я остаться без средств. А потом друзья мистера Куиннате, на которых он работать — сделай мне предложение. Я получай возможность и

дальше трудиться на благо человечества, а они обещай решить финансовый вопрос.

— В обмен на некоторые услуги? Затуманить лекарствами психику неугодного кое — кому человека. Или произвести нестандартное хирургическое вмешательство…

Доктор грустно кивнул:

— Да. Именно так. Должен признать, я не ожидать, что оказаться в подобной ситуации. Но мистер Куинн уверяй, что снова работать и не запятнать репутация. Официально я в отпуске. На отдыхе.

Бонд рассмеялся:

— На отдыхе? Не будьте наивным, доктор. Такой отдых заканчивается либо арестом, либо пулей. Например, из пистолета Куинна. Последнее, кстати, наиболее вероятно.

— Прекрати, — оборвал его Куинн. — Я ценю помощь доктора, и он будет вознагражден. Старая уловка разведчика, — пояснил он доктору. — Он пытается вбить между нами клин. Вы же знаете, насколько он хитер. И видели его в деле.

— Да уж, — согласился Кирхтум. — Ловко он ликвидировать Василия с Юрием. Мне это не очень понравиться.

— Вы тоже не промах, доктор, — признал

Бонд. — Быстро сообразили, какую инъекцию следует сделать Куинну.

— Физраствор, — пояснил тот.

— После чего вы проследили за мной.

— Да, мы оперативно установили за тобой наблюдение, — перехватил эстафету Куинн, глядя в иллюминатор, где по-прежнему было темно. — Но ты нарушил мои планы. Мои люди в Париже ждали тебя. Пришлось хорошо постараться, чтобы все переиграть.

— Тебе это удалось.

Бонд развернулся в кресле, чтобы посмотреть наружу: далеко внизу мерцали огоньки.

— Отлично! — воскликнул Куинн. — Я вижу огни. Сток-Айленд и Ки-Уэст. Мы приземлимся минут через десять.

— А что если я подниму шум?

— Ты не сделаешь этого.

— Почему же?

— У меня есть страховка. Рычаг, аналогичный тому, который применил ко мне ты, пригрозив расправой над моей женой. Я обещаю расправиться с Мэй и Манипенни. Это единственная брешь в твоих доспехах. Да, ты хладнокровный и безжалостный, но в душе ты старомодный английский джентльмен. И ты отдашь жизнь ради

спасения беззащитной женщины. А в данной ситуации — двух женщин — пожилой экономки и личного секретаря твоего шефа, которая все эти годы была беззаветно предана тебе. Это самые дорогие тебе люди. Конечно, ты пожертвуешь собой ради них. Такой уж ты человек. Это твое проклятье и наша удача.

«А ведь он прав, — подумал Бонд. — Это его козырная карта».

— Но есть и другая причина, по которой ты не поднимешь шум, — продолжил Куинн с едва заметной улыбкой и обратился к Кирхтуму: — Доктор…

Кирхтум потянулся к кейсу, лежавшему на стойке для журналов, и достал из него предмет, похожий на детский пистолетик.

— Инъекционный, — пояснил он. — Перед посадкой я его заряжай. Вам показать?

Доктор оттянул в задней части пистолета небольшой поршень, направил оружие в лицо Бонда и легонько нажал на спусковой крючок, в результате чего из дула выскочила игла.

— Инъекция — за две с половиной секунды. Очень быстро. Как видите, игла длинная. Легко проникай сквозь одежда.

— При малейшем намеке на шум, мы сделаем

тебе укол, — пригрозил Куинн.

— И в результате — мгновенная смерть?

— Нет-нет. Это будет похоже на обычный сердечный приступ. А через полчаса ты очнешься в добром здравии. СПЕКТРу нужна твоя голова. Мы убьем тебя только в самом крайнем случае. Хочется доставить тебя целым и невредимым. Мы обязаны Рахани многим, а бедняга долго не протянет. Твоя голова — его предсмертное желание.

Спустя мгновение пилот попросил пассажиров пристегнуть ремни безопасности и потушить сигареты.

— Мы совершим посадку приблизительно через четыре минуты, — добавил он.

Бонд задумчиво посмотрел в иллюминатор, наблюдая за быстро приближавшимися огнями большого города. Внизу поблескивала вода и зеленела тропическая растительность, разбросанная вдоль дорог и зданий.

— Интересный город, этот Ки-Уэст, — заметил Куинн. — Хемингуэй назвал его «Сан-Тропе для бедняков». Здесь жил Теннесси Уильямс. Президент Трумен построил тут летний вариант Белого дома, рядом с местом, где когда-то находилась военно-морская база. А Джон Кеннеди привозил сюда британского премьер-министра Гароль-

да Макмиллана. Здесь высадились кубинские беженцы, а задолго до них это место было настоящим раем для пиратов. Говорят, Ки-Уэст — до сих пор рай для контрабандистов, и один из самых горячих районов для береговой охраны США.

Шасси самолета мягко коснулись посадочной полосы.

— У аэропорта тоже весьма интересная история, — продолжил Куинн. — Именно здесь начались первые почтовые рейсы. А также в Ки-Уэсте начинается и заканчивается Шоссе номер один.

Самолет притормозил и мягко покатился к небольшому строению, похожему на домик с верандой. Надпись на выцветшем рекламном панно гласила: «Добро пожаловать в Ки-Уэст — единственный город в США, в котором всегда лето».

— А еще здесь самые живописные закаты, — добавил Куинн. — Жаль только, ты не увидишь.

Покинув самолет, они будто вошли в духовку. Казалось, что даже легкий бриз дул из преисподней.

Как и при посадке на самолет, доктор Кирхтум, вооруженный инъекционным пистолетом, держался к Бонду вплотную.

— Улыбайся и делай вид, что ведешь разговор, — процедил Куинн сквозь зубы.

Бонд внимательно оглядел лица встречающих — ни одного знакомого. За воротами уже стоял черный автомобиль, и Бонд вновь сел между Куинном и Кирхтумом.

— Как долетели? — спросил сидевший за рулем молодой длинноволосый блондин в рубашке с открытым воротом.

— Поехали, — скомандовал ему Куинн. — Я надеюсь, место готово?

— Да. Я быстро вас доставлю. — Водитель вырулил на дорогу. — Не возражаете, если я включу музыку?

— Валяй. Но только не громко.

Было видно, что Куинн расслабился и чувствует себя уверенней. «Эх, если бы не Кирхтум, врезал бы я тебе как следует», — подумал Бонд. Но доктор был на взводе, готовый вонзить ему иглу при первой возможности.

— Ой, только не это! — рявкнул Куинн, когда из динамиков послышался тоскливый голос Джона Прайна, исполнявшего композицию «Сэм Стоун».

— Чувак, это же рок-н-ролл! Классная музыка.

— Я сказал, только не это.

Водитель приуныл и в салоне повисла тишина. Бонд смотрел в окно: бульвар Саус-Рузвельт, оживленный ресторан «Марта», белые деревянные домики с броскими украшениями на крылечках и верандах, мотель с вывеской «Свободных мест нет». По правую руку — пышная тропическая растительность на берегу океана… Дорога плавно огибала остров, и вскоре они резко повернули у вывески «Сирстаун». Это был район магазинов.

— Приехали, — объявил водитель, остановившись между супермаркетом и магазином оптики. — Дверь направо, квартира — прямо над «Оптикой». Когда за вами заехать?

— В пять, — ответил Куинн. — Так, чтобы мы успели в бухту Гаррисон к рассвету.

— На рыбалку собрались? — поинтересовался водитель и впервые обернулся к Бонду. Оказалось, он был не так уж и молод, а длинные волосы предназначались для того, чтобы скрыть половину лица, изуродованную следами пересадки кожи. Видимо, парень остался довольным произведенным на Бонда эффектом, пристально посмотрел на него единственным здоровым глазом и состроил гримасу.

— Теперь понимаешь, почему я работаю на

этих парней? Я получил это лицо во Вьетнаме. И оно здорово мне помогает пугать всяких лохов.

— Итак, в пять, — повторил Куинн, открывая дверцу.

Бонда проводили в полупустую комнату, в которой кроме двух стульев, двух кроватей, тонких занавесок и шумного кондиционера, ничего не было. И вновь наручники с кандалами, и вновь Кирхтум расположился близко к нему, держа наготове шприц. Куинн сходил за едой и принес дыню, хлеб, ветчину и минералку. После ужина Куинн и Кирхтум по очереди охраняли Бонда, пока тот не уснул, вымотанный за день.

Куинн разбудил его до рассвета и проводил в туалет. Спустя десять минут Бонда отвели к автомобилю. Город потихоньку просыпался. Небо было хмурым и серым, но Куинн сказал, что день будет прекрасным. Они ехали по бульвару Норт-Рузвельт, мимо яхт и огромных рыболовных судов.

— Наша цель — Мексиканский залив, — сказал Куинн, указав в море. — Остров по другую сторону рифа.

У ресторана «Огни гавани» Бонд вывели из машины и проводили на пристань. Возле большой рыбацкой шхуны, чьи двигатели работали на

холостом ходу, их ждал высокий мускулистый человек.

Поздоровавшись с капитаном, Куинн провел Бонда на палубу и втолкнул его в узкую каюту. И вновь наручники, и вновь кандалы. Когда шхуна направилась к выходу из гавани, Кирхтум слегка успокоился и отложил шприц. Куинн поднялся к капитану в рулевую рубку.

Через пять минут скорость возросла, качка заметно усилилась, и Бонд всерьез задумался о своем незавидном положении. Сколько времени ему осталось до того, как они достигнут острова за рифом? Мог ли он избавиться от наручников? Вряд ли.

Неожиданно Куинн спустился в каюту.

— У нас небольшая проблема, — сообщил он Кирхтуму. — По правому борту еще одна рыбацкая шхуна. Просят о помощи. Капитан говорит, что мы должны помочь. Иначе на нас заявят, а я не хочу вызывать подозрения.

Куинн заткнул Бонду рот носовым платком и зафиксировал его тряпкой, крепко обвязав ее вокруг головы. Затем проверил кандалы с наручниками и набросил на Бонда одеяло.

Шхуна легла в дрейф.

— У вас неприятности? — донеслись до Бонда

слова капитана. — Хорошо, я поднимусь на борт, но у меня важная встреча. Возможно, придется подобрать вас на обратном пути.

Бонд ощутил сильный удар от столкновения с другим судном, после чего разверзся ад. Он потерял счет выстрелам уже после первой дюжины. Стреляли из пистолетов и автоматов. Затем послышался сдавленный крик Кирхтума и грохот упавшего тела. Последовала тишина и шаги босых ног, спускающихся в каюту.

С Бонда резко стянули одеяло, и он увидел перед собой Нанни с пистолетом в руке.

— Ну что, господин Джеймс, вечно вас приходится выручать, — заметила она и крикнула через плечо: — Все нормально, Сьюки! Он здесь. Связан и нафарширован. Хоть сейчас в духовку ставь!

Прибежавшая Сьюки (тоже с оружием) озорно улыбнулась.

— Кажется, это называется бондаж, — сказала она и рассмеялась.

Бонд пришел в бешенство, но его ругань было невозможно разобрать из-за кляпа во рту. Сьюки сбегала за ключами, и вскоре Бонд обрел долгожданную свободу.

— Надеюсь, Джеймс, эти типы не были твоими

друзьями? — поинтересовалась Нанни. — Нам пришлось с ними разобраться.

Бонд выплюнул изо рта развязавшийся кляп.

— В каком смысле «разобраться»?

— В смысле — мы их убили, Джеймс, — ответила она спокойным тоном, от которого у Бонда застыла в жилах кровь. — Всех троих. Намертво. Правда, мы молодцы?

15. Цена жизни

Бонд пребывал в состоянии легкого шока: две молодые девушки устроили кровавую бойню, но при этом оставались веселыми и даже задорно шутили, словно прихлопнули пару мух на кухне! Кроме того, он злился на самого себя: вроде бы все рассчитал, все предусмотрел и так глупо попался в ловушку Куинна и Кирхтума, без всякой надежды на спасение. Получалось, что Бонд остался жив только благодаря девушкам, но вместо благодарности он испытывал обиду.

Он поднялся на палубу. Рядом, мягко ударяясь о борт их судна, покачивалась рыбацкая шхуна «Просперо», на которой прибыли Сьюки и Нанни. Риф остался далеко позади, на горизонте виднелись верхушки островов. Серое небо, освещенное восходящим солнцем, постепенно синело. Куинн был прав: день обещал быть прекрасным…

— Ну так что? — спросила Нанни, осматриваясь вокруг.

— В смысле?

— Мы молодцы или нет? Ну, давай, хвали нас.

— Вы умницы, — ответил Бонд почти серди-

то. — Но так ли это было необходимо?

— Убивать твоих похитителей? — с недоумением переспросила Нанни Норрих, краснея от гнева. — Представь себе — да! Джеймс, тебе что, жалко нам «спасибо» сказать? Мы пытались все мирно уладить, но они первыми открыли огонь из чертова «Узи». У нас не оставалось выбора. — Девушка указала на пулевые отверстия в кормовой части надстройки, прямо над кабиной.

— Спасибо, — буркнул Бонд. — Вы действительно молодцы, что меня нашли. Расскажите, как вам это удалось?

— Обязательно расскажем, — ответила Нанни ядовито, — но сначала нужно навести порядок.

— Какое у вас при себе оружие?

— Два пистолета из твоего кейса. Прости, Джеймс, но я взломала замки. Нам некогда было подбирать комбинацию.

— А лишнее топливо есть?

— Два бака там, — она указала на корму, где валялся труп Кирхтума. — И еще три на нашей лодке.

— Все должно выглядеть как катастрофа, — объяснил Бонд, нахмурившись. — Причем надо постараться, чтобы от тел ничего не осталось. Самое разумное — это взрыв, но мы должны

оказаться как можно дальше от него. Для этого нужен запал, а его у нас нет.

— Ракетница подойдет? На нашей лодке есть.

Бонд кивнул.

— Подойдет. А дальность полета ракеты? Около ста метров? Вы пока приготовьте ракетницу и патроны, а я займусь остальным.

Нанни с легкостью перемахнула через перила и спрыгнула на палубу соседнего судна, окликнув Сьюки.

Приступив к неприятному занятию, Бонд вновь задумался о лихом поступке девушек. Как им удалось найти его? Как они оказались в нужном месте и в нужное время? Пока что ни одна, ни другая не внушали ему доверия.

Он тщательно обыскал судно, собрав на палубе все, что могло пригодиться — канаты, веревки и толстую леску для ловли крупной рыбы. Все огнестрельное оружие Бонд выбросил за борт, оставил только 9-миллиметровый «Браунинг» Куинна и запасные обоймы.

Теперь нужно было перетащить мертвые тела на корму. Кирхтум уже лежал там, его требовалось только перевернуть. Бонд не стал церемониться и сделал это ногами. Труп капитана пришлось вытаскивать из дверного проема ру-

левой рубки. Но больше всего хлопот доставило грузное обезглавленное тело Куинна, оставлявшее за собой широкий кровавый след, пока 007 тащил его по узкому проходу между перилами и кабиной.

Бонд сложил тела прямо на баки с топливом и связал их леской. Затем он собрал все имевшиеся в каюте простыни, одеяла, подушки и другие предметы из легковоспламеняющихся материалов и свалил их в одну кучу в носовой части судна, придавив спасательными жилетами и тяжелыми снастями. Рядом с трупами он положил моток веревки, после чего перебрался на шхуну девушек. Сьюки уже стояла за штурвалом, Нанни держала в руках ракетницу.

— А патроны? — спросил Бонд.

Нанни указала на ящик, в котором лежало дюжина патронов: дымовые красного и зеленого цветов, а также осветительные. Бонд отобрал три осветительных.

— Этого хватит. Сьюки, заводи мотор. Нанни, отдать все швартовы, кроме одного.

Бонд вернулся на борт соседней шхуны для последних приготовлений. Он аккуратно проложил веревку между трупами и кучей тряпья, засунул один конец в горловину топливного бака, взял

канистру и щедро облил бензином веревку, мертвецов и ворох одеял.

— Приготовьтесь! — крикнул он и вернулся к девушкам.

Нанни отвязала последний канат, связывавший оба судна, а Сьюки плавно увеличила обороты, постепенно разворачивая шхуну кормой к другому судну.

Поднявшись наверх, Бонд вставил патрон в ракетницу, проверил направление ветра и стал наблюдать, как дистанция между кораблями медленно увеличивается. Когда она достигла восьмидесяти метров, Бонд поднял ракетницу над головой и произвел выстрел под низким углом — ракета с шипением пролетела над носом другой шхуны. Он вновь зарядил пистолет и сменил позицию. В этот раз ракета, описав идеальную дугу из плотного белого дыма, приземлилась прямо в носовой части корабля. Спустя мгновение куча тряпья, тихо ухнув, загорелась. Пламя перекинулось по веревке к топливным бакам и трупам.

— Полный вперед! — крикнул он Сьюки.

Мотор лодки взревел, и расстояние между судами стало быстро увеличиваться. Шхуну с покойниками охватило малиновое пламя, ис-

пускавшее в небо плотное облако черного дыма. Когда Бонд с девушками отошли на добрых два километра, раздался мощный оглушительный взрыв, и свирепый огненный шар разорвал шхуну на целый каскад обломков. Казалось, вода закипела вокруг нее. Спустя пару секунд Бонд ощутил ударную волну и жар на щеках. К счастью, других судов в поле зрения не было.

— Как насчет кофе? — предложила Нанни.

— Смотря как долго мы будем в море.

— Мы взяли лодку на целый день. Так что вряд ли мы вызовем подозрение.

— Тогда попробуем наловить рыбы, — предложил Бонд. — Сьюки хорошо умеет обращаться со штурвалом?

Обернувшись, Сьюки Темпеста с улыбкой кивнула.

— Она всю жизнь ходит под парусами, — заверила Нанни и кивнула в сторону трапа. — Пойдем.

— Стало быть, пока она поведет, ты, Нанни, расскажешь мне, как вам удалось меня найти.

— Конечно, Джеймс. Я отвечу на все твои вопросы.

Они уселись в тесной каюте лицом друг к другу, с чашками кофе в руках. Шхуну раскачивало на волнах, которые с силой разбивались о корпус.

Сьюки снизила скорость и нарезала плавные, широкие круги.

— Если мое агентство берется присматривать за кем-то, то этому человеку не о чем беспокоиться.

Подобрав под себя длинные стройные ноги, Нанни распустила волосы, и те рассыпались по ее плечам роскошным водопадом, придав девушке ангельский вид. «Осторожней, Джеймс, — подумал Бонд, глядя в ее чарующие серые глаза. — Эта женщина должна все объяснить, и сделать это убедительно».

— Так значит, ты за мной присматривала, — сказал он без улыбки.

— В аэропорту Майами я послала Сьюки разбираться с багажом, а сама пошла следом за тобой, держась на безопасной дистанции. Там было достаточно людно, но все равно приходилось действовать осторожно. И у меня достаточно опыта, чтобы распознать, когда клиента похищают.

— Но меня увезли на машине, — напомнил Бонд.

— У нашего агентства здесь небольшой филиал, — с улыбкой ответила девушка. — Я позвонила им, продиктовала номер лимузина, и они тут же установили за ним слежку. А потом, когда сообщили мне, где вас высадили, я тут же связалась с

отделом планирования полетов.

— Хммм, находчиво.

— А как же иначе, Джеймс? Мне сообщили, что помимо штатных рейсов на Ки-Уэст есть один частный. Вот я и предположила, что именно на этом самолете ты и полетишь. Я записала его данные…

— И какой компании он принадлежал?

— Societe pour la Promotion de l'Ecologie et de la Civilisation (Общество по охране экологии и культуры (фр.)).

Бонд мысленно связал первые буквы: СПЕК… СПЕКТР.

— У нас оставалось шесть минут, чтобы успеть на рейс до Ки-Уэста, и пришлось рискнуть.

— Вы были так уверены, что я окажусь именно в этом самолете. А если бы вы ошиблись?

— Тогда я бы здорово облажалась… Но так или иначе, мы прилетели в Ки-Уэст на пять минут раньше вас. Я успела нанять такси, поручила Сьюки забронировать номера и проследила вас до места, где вы остановились.

— А что потом?

— Я покрутилась вокруг супермаркета. — На секунду девушка замолкла, отведя взгляд в сторону. — Если честно, я не знала, что делать

дальше. А потом произошло чудо, и тот бородатый направился к телефонной будке. Я стояла всего в нескольких шагах от него и видела, какие цифры он нажимал. Ты не подумай, что я в очках. Зрение у меня хорошее. Он поговорил какое-то время и направился в супермаркет. Я проскользнула в будку и набрала тот же номер. Мне ответили, что это ресторан «Огни гавани», и я немедленно поехала туда. В машине, которую я взяла напрокат, был путеводитель, поэтому я без труда нашла это место. Там сдаются напрокат рыбацкие шхуны. В ресторане было полно мужчин… все мускулистые, загорелые. Я спросила, можно ли нанять лодку, и узнала, что одна из них уже занята. Капитан, которого наняли — он только что сгорел, — был навеселе и назвал мне время отплытия, сообщив, что у него будут три пассажира.

— И тогда ты тоже взяла напрокат мощную шхуну.

— Да. Я сказала капитану, что его помощь нам не понадобится, так как Сьюки пройдет по здешним водам с закрытыми глазами и завязанными руками. Он проводил нас на борт, оформил доверенность и получил деньги. Перед отплытием он дал нам лоцию и рассказал о коварных тече-

ниях и проливах. Поговорил о рифе, островах и шельфе…

— А потом ты вернулась в отель?

— И мы полночи изучали лоцию. Мы вышли в море рано утром и поджидали вас за рифом, то и дело поглядывая на радар. Затем легли на ваш курс, застопорили двигатели и подали сигнал бедствия. Остальное ты знаешь.

— Вы пытались мирно договориться, но они открыли огонь из автомата.

— На свою погибель. — Тяжело вздохнув, Нанни склонила голову. — Боже, как я устала.

— Не ты одна. А что Сьюки?

— Она просто счастлива. Ей нравится управлять кораблем.

Нанни поставила пустую чашку на столик и стала медленно расстегивать пуговицы своей блузки.

— Джеймс, мне так хочется прилечь. Не хочешь со мной?

— А если налетит шторм? Нас будет швырять по всей каюте.

Бонд наклонился и нежно поцеловал девушку в губы.

— Я не против хорошей качки, — промурлыкала Нанни и обвила его шею руками, приблизив

к себе.

Позже она призналась, что ее редко так благодарили за спасение.

— Мы можем повторить, — предложил Бонд, проводя рукой по ее обнаженному телу.

— Неплохая мысль! — согласилась она с озорной улыбкой. — Вполне разумная цена жизни.

16. Сегодня ночью

— Итак, за рифом — всего три острова, которые находятся в частной собственности, — палец Сьюки бродил по морской карте, — и на всех имеются разного рода постройки.

Было около часа дня, шхуна «Просперо» дрейфовала с заброшенными в воду удочками. За все это время попалось четыре красных луциана и ничего крупнее.

— Вот этот, — продолжила Сьюки, — принадлежит хозяину отеля, в котором мы остановились. Еще один — севернее, а третий — здесь, — ее пальчик обвел огромный кусок суши, — прямо на краю шельфа, который резко обрывается до глубины в 600 метров. Отличное рыбное место. Еще там часто ошиваются искатели сокровищ. Похоже, что тебя везли именно туда.

— Акулий остров, — прочел название Бонд. — Как уютно.

— Так считаешь не только ты, — заметила Сьюки. — Я поспрашивала в отеле. Несколько лет назад этот остров приобрел некто Тарквин Рейни — человек весьма скрытный. Настоящая загадка.

Он прилетает в аэропорт на частном самолете, а оттуда его доставляет на остров личный вертолет или скоростной катер. Судя по всему, он успешный делец: обычно застройка острова занимает массу времени — из-за трудностей с доставкой материалов, а этот построился буквально за лето. А еще через год появился роскошный сад. На местных жителей это произвело впечатление, а их удивить не так то просто.

Бонд задумался. Тарквин Рейни. Тамил Рахани. Это не могло быть совпадением. Акулий остров наверняка принадлежал СПЕКТРу.

— И никто его не видел? — спросил он.

— Только издали. Остров хорошо охраняется — суровыми парнями на скоростных катерах. При малейшем приближении они подплывают и вежливо сообщают, что это частная собственность.

— Сьюки, — произнес Бонд через некоторое время, — ты сможешь подойти к острову на пару километров ночью?

— Смогу, если карта точная. Это трудно, но попытаться можно. Когда пойдем?

— Я думаю, сегодня. Если господин Рейни так уж хочет меня увидеть, то почему бы мне не пойти ему навстречу?

Бонд посмотрел на девушек, но те, казалось, не

разделяли его оптимизма.

— Но сначала нужно вернуться в бухту Гаррисон, — продолжил он. — Постарайтесь забронировать лодку еще на пару дней. А я раздобуду кое-какое снаряжение. Мы прогуляемся по Ки-Уэсту, чтобы попасться им на глаза, а в море выйдем около двух ночи. Не волнуйтесь, я не буду подвергать вас опасности. Вы подождете меня у берега. Если я не вернусь к назначенному сроку — убирайтесь оттуда немедленно и возвращайтесь следующей ночью.

— Договорились, — ответила Сьюки, вставая.

Нанни просто кивнула. Она молчала с тех пор, как вернулась вместе с Бондом на палубу, и лишь иногда бросала на него нежные взгляды.

— Итак, решено, — подытожил Бонд. — Убираем удочки. Выходим в два ночи. А пока впереди у нас много дел.

На берегу сотрудники полиции уже расспрашивали по поводу пропажи лодки, нанятой Стивом Куинном. Туристы с какого-то катера видели в море столб дыма. Помимо этого следы взрыва заметил экипаж военного вертолета… Пока Нанни разбиралась с полицией, Сьюки оставалась на палубе, а Бонд коротал время в каюте. Через полчаса Нанни вернулась.

— Я очаровала копов и продлила аренду лодки еще на неделю, — доложила она.

— Надеюсь, так долго она нам не понадобится, — ответил Бонд, скорчив гримасу.

— Как говорят няньки, лучше перестраховаться, чем потом жалеть.

— А в каком отеле вы, то есть мы остановились?

— «Пьер Хаус», — сообщила Сьюки. — Оттуда потрясающий закат. В Ки-Уэсте очень красивый закат, Джеймс.

— И мне нужно многое успеть до заката, — отрезал Бонд. — И чем скорее мы попадем в этот… как его… «Пьер Хаус», тем лучше. — Сейчас, будучи без оружия и прочего снаряжения, он чувствовал себя голым и незащищенным.

Взятый напрокат «Фольксваген» повела Нанни. Бонд сел рядом, а Сьюки забралась на заднее сидение и периодически комментировала местные достопримечательности.

В целом Ки-Уэст показался Бонду довольно разноликим городом: пестрота туристического курорта перемежалась с необычайными красотами природы и богатой роскошью отдельных особняков. Было жарко, пальмы с дрожащими листьями раскачивались на слабом ветру. Мимо

проносились деревянные домики с яркой облицовкой и сады, полные субтропических цветов. Иногда рядом с домиками виднелись мусорные свалки, но это встречалось не так уж и часто. Тротуары были то чистыми и ухоженными, то грязными и сильно потрескавшимися. На одном из перекрестков Нанни уступила дорогу джипу, замаскированному под игрушечный паровоз, который тянул за собой несколько полуоткрытых вагончиков с пассажирами.

— Поезд-ракушка, — пояснила Сьюки, — обычное средство передвижения здешних туристов.

Бонд даже слышал, как водитель джипа, одетый в синий комбинезон и кепку, монотонным голосом рассказывает о местных достопримечательностях и истории острова.

Наконец они свернули на длинную улицу, усеянную ювелирными магазинами, сувенирными лавками и роскошными ресторанами.

— Дюваль-стрит, — объявила Сьюки. — Она тянется до самого океана, и до нашего отеля. Ночью выглядит просто потрясающе. Вот знаменитый универмаг «Фаст Бак Фредди». Там великолепный ресторан итальянской кухни «Антония». А это — бар «Неряшливый Джо», где любил посидеть Эрнест Хемингуэй…

Даже если бы Бонд не читал «Иметь и не иметь», он бы все равно давно догадался, что в Ки-Уэсте жил Хемингуэй. Сувениры и футболки с его портретом были повсюду. Бар «Неряшливый Джо» заявлял об этом громко — огромными буквами над каждым окном.

Достигнув конца улицы, Бонд увидел то, что искал, и остался доволен, что это место было в двух шагах от гостиницы.

— Ты уже зарегистрирован, и твои вещи в твоем номере, — сообщила Нанни, припарковав автомобиль.

Они прошли через небольшой холл, отделанный бамбуком, и оказались во внутреннем дворике, где брызги фонтана летели на цветочные клумбы и деревянную статую обнаженной женщины. Затем, миновав небольшой коридор, они оказались в саду с извилистыми тропинками, обрамленными цветочными клумбами, и бассейном, за которым виднелись бары, рестораны и небольшой пляж с деревянной пристанью.

Пройдя мимо бассейна, Бонд с девушками поднялись на лифте на свой этаж. Номера были смежными.

— Если что, Джеймс, то мы рядом, — сообщила Сьюки, вставляя ключ в замочную скважину.

Ему показалось или в голосе девушки прозвучал намек? Во всяком случае глаза Нанни явно вспыхнули гневом. Только ревности ему не хватало!

— Каков план? — бросила Нанни.

— А с какого места лучше всего наблюдать здешний сказочный закат? — поинтересовался Бонд.

— С площадки бара «Гаванские доки», — вяло улыбнулась Нанни.

— В котором часу?

— Около шести.

— Это гостиничный бар?

— Да, вон там, — Нанни махнула рукой в сторону, откуда они пришли. — Над ресторанами, выходит прямо на море.

— Тогда встретимся там в шесть.

Бонд улыбнулся, повернул в замочной скважине ключ и скрылся в приятном, удобном, хоть и не роскошном номере.

Его чемоданы и кейс стояли посреди комнаты. Бонд распаковал их менее чем за десять минут. Поместив пистолет в подплечную кобуру и прицепив дубинку к поясу, он почувствовал себя уверенней. Затем Бонд тщательно проверил весь номер, осмотрел замки на окнах и неслышно

приоткрыл входную дверь. В коридоре было пусто. Он быстро прокрался к лифту и спустился на автостоянку, рядом с которой находился небольшой крытый рынок.

На улице было жарко и влажно. Прогулявшись мимо прилавков, Бонд вышел на Фронт-стрит, свернул направо и направился к перекрестку с Дюваль-стрит. Он намеренно прошел мимо нужного ему магазина и завернул в бутик мужской одежды, купив выцветшие джинсы, футболку без надписи, мягкие кожаные туфли и льняную куртку с явно завышенной ценой. Но что поделать — в его работе требовалась одежда, под которой можно было спрятать оружие.

Бонд вышел из бутика и вернулся к магазину подводного снаряжения, который приметил еще в машине. Рядом со входом стоял манекен с аквалангом. Не успел он войти внутрь, как бородатый продавец в тельняшке и с крупной серьгой в левом ухе попытался всучить ему билет на трех с половиной часовую экскурсию по мексиканскому заливу, с элементами дайвинга. Бонд сказал, что его это не интересует.

— Я знаю лучшие места, — добавил продавец.

— Мне нужны гидрокостюм, маска, нож, ласты и подводный факел. А также сумка на ремне, в

которую все это можно сложить, — сказал 007 тихим, но твердым голосом.

Продавец с удивлением посмотрел на Бонда, оценил его физическую подготовку и суровый взгляд серо-голубых глаз.

— Понял, сэр. Конечно. Все ясно, — ответил он, проводив Бонда вглубь магазина.

— Это будет стоить недешево, но я вижу, вы точно знаете, что вам нужно.

— Вот именно, — ответил Бонд все тем же тихим, мягким голосом, почти шепотом.

— Конечно, — повторил продавец, искоса посмотрев на него, и ушел за снаряжением в подсобку.

Через пятнадцать минут на прилавке лежало все необходимое, а также пояс с водонепроницаемым футляром на молнии.

Бонд протянул продавцу кредитную карту «Американ экспресс» на имя Джеймса Болдмана.

— Надеюсь, вы понимаете, что я должен проверить ее происхождение, мистер Болдман? — спросил продавец.

— Это совершенно излишне, — Бонд обдал его ледяным взглядом. — Но если вы собираетесь кому-то звонить, я постою рядом. Договорились?

— Да, конечно! — пролепетал продавец, прово-

див Бонда в подсобку. — Да, сэр. Конечно, сэр.

Он снял телефонную трубку и набрал номер компании «Амекс». Через несколько секунд все было улажено, а еще через десять минут покупки были уложены в дорожную сумку.

Перед уходом Бонд подошел к продавцу и шепнул ему в проколотое ухо:

— Вот что, парень. Я приезжий, но теперь тебе известно мое имя.

— Да, — ответил продавец с затравленным видом.

— Если кто-нибудь узнает, что я здесь был, я вернусь, вырву кольцо из твоего уха, отрежу тебе нос и другие жизненно важные органы. Ты меня понял?

— Я уже забыл ваше имя, мистер… э…

— Продолжай в том же духе, — сказал Бонд и вышел из магазина.

В отель он вернулся в неторопливом темпе. Поднялся в номер, подсоединил к телефону скремблер и позвонил в Лондон. Не дожидаясь ответа, Бонд сообщил о своем местонахождении и добавил, что повторно выйдет на связь, как только работа будет закончена.

— Сегодня ночью, — добавил он. — Если я не выйду на связь в течение сорока восьми часов,

ищите меня на Акульем острове… Конец связи.

Надев приобретенные джинсы, футболку, туфли и куртку, хорошо скрывавшую пистолет и дубинку, Бонд посмотрел в зеркало и остался доволен. «Ну чем не турист? — подумал он. — И оружие под курткой практически незаметно».

— Итак, сегодня ночью, — пробормотал Бонд и направился в бар «Гаванские доки».

17. Акулий остров

Многоярусный бар «Гаванские доки» с деревянными полами и металлической мебелью был оформлен с таким расчетом, чтобы у посетителей складывалось полное ощущение, будто они действительно находятся на борту корабля. В помещении было людно и шумно. Вокруг шарообразных светильников вилась мошкара, кто-то наигрывал на фортепьяно «Настроение индиго», а вдоль балконного ограждения собрались туристы с фотоаппаратами, жаждавшие запечатлеть солнечный закат над морем.

Небо постепенно становилось темно-синим, перед отелем сновали скоростные катера, а вдалеке легкий самолет с мигающими огнями заложил плавный вираж. Слева, на широкой плазе Мэллори-Сквер, выходившей к океану, публику развлекали жонглеры, фокусники, акробаты и пожиратели огня. И так было каждый вечер — празднование окончания дня и предвкушение прелестей предстоящей ночи.

Джеймс Бонд, сидевший за одним из столиков бара, задумчиво смотрел на сгорбленные тем-

но-зеленые силуэты островов Тэнк и Вистерия. «Любой другой на моем месте давно бы сбежал отсюда, — размышлял он, чувствуя близкую опасность, — но Тарквин Рейни — это явно Тамил Рахани, приемник Блофельда, и, возможно, это последний шанс сокрушить СПЕКТР раз и навсегда».

— Нет, это просто великолепно! — воскликнула сидевшая рядом Сьюки.

Было непонятно, вызвано ли ее восхищение креветками в красном соусе, коктейлем «Калипсо Дайкири» или красивым пейзажем.

Вечернее солнце, которое, казалось, росло на глазах, медленно спускалось к линии горизонта, обагрив небо. В сторону военно-морской базы пролетел американский таможенный вертолет, сверкая навигационными огнями. «Интересно, — подумал Бонд, — а что если СПЕКТР занялся контрабандой наркотиков?» Всем известно, что ВМС США и таможня следили за Ки-Уэстом с особым вниманием, а газеты часто писали о крупном маршруте наркотрафика, пролегавшем через острова Флорида-Кис.

Под шквал восторженных криков солнце скрылось за горизонтом, небо стало фиолетовым, и наступили сумерки.

— Ну, и каков наш план, Джеймс? — почти шепотом поинтересовалась Нанни.

Они подвинулись ближе друг к другу, склонившись над едой.

— До полуночи мы будем вести себя как ни в чем не бывало, — сообщил он. — Сначала вместе прогуляемся по городу, поужинаем где-нибудь, а когда вернемся в отель, поднимемся в номера поодиночке. Машиной пользоваться не будем. И не забывайте о возможной слежке. Нанни, ты в этом деле не новичок. Проинструктируй Сьюки, как не привлекать внимания. У меня — свои планы. Около часа ночи встречаемся в бухте Гаррисон, на борту «Просперо». Договорились?

— А что потом? — спросила Нанни, нахмурившись.

— Сьюки, ты изучила карты?

— Да, — ответила девушка серьезным тоном. — Ночью — путь нелегкий. Много песчаных кос, которые отмечены весьма неточно. К тому же нам придется включить хоть какие-нибудь огни… А вот за рифом будет полегче.

— Тебе нужно просто встать в двух километрах от острова, — сказал 007, посмотрев Сьюки прямо в глаза, — а дальше я как-нибудь сам.

Они поднялись из-за стола и не спеша напра-

вились к выходу. В дверях Бонд попросил его подождать, вернулся к ограждению и посмотрел вниз. У деревянного причала покачивался на волнах пришвартованный катер. Бонд улыбнулся и догнал девушек. Небольшой танцпол на пляже уже собирал отдыхающих. Ансамбль из трех человек играл ритмичную мелодию, а люди с довольными криками продолжали нырять в освещенный прожекторами бассейн.

По-старомодному взявшись за руки, Бонд, Нанни и Сьюки неторопливо прогуливались по Дюваль-стрит, мимо витрин магазинов и заполненных до отказа ресторанов. Перед универмагом «Фаст Бак Фредди» команда из шести пацанов лихо выплясывала брейк-данс под музыку из переносной магнитолы, а прохожие с восхищением смотрели на это захватывающее зрелище.

Остановившись у шикарного ресторана «Клэр», Бонд предложил зайти.

— Болдман, — представился он метрдотелю у входа. — Столик на троих. Восемь часов.

Тот внимательно изучил книгу заказов и взволнованно взглянул на Бонда.

— А когда был зарезервирован столик, сэр?

— Вчера вечером, — не моргнув соврал Бонд.

— Здесь какая-то ошибка, господин Болдман, —

произнес метрдотель уверенней, чем ожидал 007.
— В списке такого заказа не значится.

— Нет, нет, проверьте еще раз. Я точно заказывал. Это наш последний вечер, завтра мы улетаем. Вчера молодой человек заверил меня, что свободный столик имеется.

— Одну минуту, сэр.

После оживленного разговора с одним из официантов метрдотель вернулся.

— Вам повезло, сэр, — доложил он с улыбкой. — У нас неожиданная отмена заказа…

— Повезло? — процедил сквозь зубы Бонд. — Вы просто обязаны предоставить нам столик.

— Конечно, сэр.

Их проводили к угловому столику в приятном белом зале. Бонд сел спиной к стене — чтобы лучше обозревать вход. Скатерти были бумажными и везде валялись упаковки с карандашами. Бонд машинально стал рисовать на скатерти череп с костями. Нанни тоже взялась художничать, изобразив нечто непристойное.

— Ну и где же наши преследователи? — спросила она, не поднимая глаз. — Я пока никого не наблюдаю.

— Ну как же! — ответил Бонд, открывая меню. — Двое — на улице, по обе стороны. Возможно

даже трое. Один — в желтой рубашке и джинсах… высокий, темнокожий, с богатым набором перстней на пальцах. Другой пониже — молодой мальчишка в темных брюках и белой рубашке, с пошлой татуировкой на левой руке: русалка в обнимку с меч-рыбой. Он сейчас на противоположной стороне улицы.

Нанни обернулась.

— Теперь вижу.

— А где третий? — спросила Сьюки.

— В синем потрепанном «Бьюике», у ресторана. Сидит за рулем. Он несколько раз проезжал по улице, но в отличие от других водителей не заглядывался на пешеходов. Я думаю, он — подмога. Не спускайте с них глаз.

Подошел официант и принял заказ: похлебку из моллюсков, тайский салат с говядиной и лаймовый пирог. Из выпивки было выбрано калифорнийское шампанское, которое показалось Бонду чересчур резким. Пока ели, говорили много, но, в основном, на отвлеченные темы.

— Итак, в час ночи на борту катера, — напомнил Бонд девушкам, когда они вышли на улицу. — И постарайтесь прийти без «хвоста».

Человек в желтой рубашке следовал за ними по другой стороне улицы до угла. Затем эстафету

принял парень с татуировкой. Синий «Бьюик», который дважды проезжал мимо, остановился напротив, у ресторана «Лобстер Хаус». «Обложили со всех сторон», — подумал Бонд, заходя в отель.

В холле они нарочито громко пожелали друг другу спокойной ночи и расстались. Зайдя в номер, Бонд тут же проверил расставленные им старые, проверенные временем «ловушки». Обломки спичек по-прежнему были заткнуты в щели между дверей шкафов, а волоски на выдвижных ящиках остались нетронутыми. Багаж тоже был в норме.

Бонд посмотрел на часы: десять тридцать. Пора собираться. Вряд ли «наружка» СПЕКТРа ожидает, что он начнет действовать прямо сейчас. Бонд вынул из кармана пиджака запасную карту, которую еще днем незаметно стащил из рубки «Просперо», разложил ее на круглом журнальном столике в центре гостиной и тщательно изучил район от бухты Гаррисон до Акульего острова, запоминая все ориентиры.

Затем, переодевшись в черную водолазку и брюки, 007 достал из кейса ремень с набором от «Кью» и разложил снаряжение на столе. Он отобрал несколько миниатюрных зарядов, клеммы, шесть детонаторов, тонкий электрический

провод и миниатюрный электрический фонарик, прибавив ко всему этому четыре полоски пластиковой взрывчатки из тайника в другом чемодане.

Разумеется, этой взрывчатки было недостаточно, чтобы взорвать целое здание, но для взлома дверных замков ее вполне хватило бы. Бонд продел ремень в петли брюк и открыл дорожную сумку со снаряжением для подводного плавания. Натянув на себя гидрокостюм, он прикрепил к поясу нож. Пистолет «АСП», две запасные обоймы, дубинку и карту залива Бонд поместил в водонепроницаемый футляр. Ласты, маску, дыхательную трубку и подводный фонарь он оставил в сумке, которую застегнул и повесил на плечо.

Со стороны пляжа, баров и танцплощадки все еще доносился шум, поэтому Бонд покинул отель через боковой выход, который вел прямо к океану.

Присев у стены, 007 достал из сумки ласты, надел их и боком взобрался на небольшую скалу, служившую ограждением гостиничного пляжа. Там он промыл маску, надел ее, поправил дыхательную трубку и, вооружившись фонариком, плавно скользнул в воду. Обогнув сетку, защищавшую побережье от акул, Бонд взял курс на

причал. Ему понадобилось около десяти минут на то, чтобы отыскать тот самый катер, пришвартованный к деревянным сваям у бара «Гаванские доки». Бонд осторожно взобрался на борт и осветил приборную доску фонариком: топлива в баке было достаточно — работники отеля заранее подготовили транспортное средство к завтрашним прогулкам.

Чтобы не шуметь, Бонд руками оттолкнул катер от пирса и пустил его в дрейф, направив на север, в сторону Мексиканского залива.

Приблизительно через полтора километра он включил якорные огни и переместился на корму. Мотор завелся моментально. Вернувшись к штурвалу, Бонд увеличил обороты и, бросив взгляд на освещенный циферблат компаса, мысленно поблагодарил персонал гостиницы за столь бережное отношение к судну.

Учитывая неровный характер дна, сильно разгоняться не стоило, поэтому Бонд достал из водонепроницаемого футляра карту и сориентировался на местности. Ночь была ясной, светила яркая луна, но все равно приходилось пристально вглядываться вдаль. Наконец он увидел выход из бухты и направился к нему, лавируя между песчаными косами. Миновав риф, Бонд взял курс

на Акулий остров.

Прошло десять минут, потом еще десять, и вдали показались огни. Подождав немного, Бонд заглушил мотор. На горизонте маячил продолговатый силуэт острова, сверкая окнами домов, притаившихся за пальмами. Бонд промыл маску, наладил дыхательную трубку, включил фонарь и во второй раз за ночь нырнул в воду.

До берега оставалось несколько километров, поэтому некоторое время Бонд держался поверхности. Но вскоре до его ушей донесся далекий рокот лодочного мотора, и слева из-за острова показался катер, который прощупывал морскую гладь мощным прожектором. «Тот самый патруль Тамила Рахани, — предположил Бонд. — Таких лодок должно быть по меньшей мере две». Он сделал глубокий вдох, погрузился и поплыл, стараясь экономить силы.

По пути Бонд дважды всплывал, чтобы проверить обстановку. Поднявшись на поверхность во второй раз, он услышал далекие голоса патрульных и понял, что те обнаружили катер. До берега оставалось менее километра, и теперь его больше волновала перспектива встречи с акулами. Вряд ли остров назвали Акульим просто так.

Неожиданно, в шестидесяти метрах от берега,

Бонд наткнулся на проволочное ограждение. Прильнув к крепкой сетке, он увидел яркий свет огромных окон дома. Бонд оглянулся: на катере вспыхнул прожектор, и взревел мотор. Они уже ищут его!

Бонд подтянулся, чтобы перелезть через металлическую трубу, шедшую поверх ограждения, но зацепился ластом за сетку и потерял несколько драгоценных секунд. Наконец, освободившись, он погрузился в воду на другой стороне и поплыл быстрее.

Преодолев метров десять, Бонд почувствовал опасность: рядом в воде что-то было. Неожиданно кто-то с силой боднул его в бок, отбросив в сторону. Бонд обернулся и увидел зловещую морду тупорылой акулы. Так вот оно, истинное предназначение сетки! Она не защищала остров от акул, а удерживала их у берега!

Акула не спешила повторно атаковать — значит, либо уже поужинала, либо оценивала его силы. Главное — спокойствие. Ее нельзя провоцировать и нельзя бояться. Но как позабыть о страхе, когда рядом с тобой кровожадный хищник?

Продолжая плыть на той же скорости, что и акула, Бонд медленно положил ладонь правой руки на рукоять ножа, чтобы пустить его в ход

при первой возможности. «Только не опускай ноги на дно! — мысленно повторял он себе. — Тогда акула посчитает тебя добычей и моментально нападет». Но самое опасное было впереди: на мелководье человек становился еще уязвимей.

Когда живот и ласты начали задевать песчаное дно, Бонд почувствовал, что акула немного отстала, чтобы разогнаться для атаки. Он резко вскочил на ноги и пулей кинулся к берегу, неуклюже шлепая ластами. Бонд уже и не помнил, когда в последний раз так быстро передвигался в воде. На суше он ловко откатился в сторону и едва избежал мощных челюстей хищника.

Бонд слышал, что в погоне за добычей тупорылая акула может выброситься на берег, поэтому откатился еще на несколько метров и некоторое время лежал на животе, приходя в себя от страха и усталости.

Вскоре внутренний голос приказал ему двигаться дальше. Одному богу было известно, какие еще стражи охраняли базу СПЕКТРа. Бонд скинул ласты и, пригнувшись, побежал к ближайшим зарослям. Там он спрятал снаряжение для дайвинга и оценил обстановку. Воздух был влажным и сладким от запаха тропических цветов.

Пока все было тихо и спокойно, и только из

главного здания доносился негромкий шум голосов. Дом был построен в форме пирамиды и стоял на гладко отполированных стальных сваях. Каждый из трех этажей пирамиды обегали металлические балконы, а на верхушке виднелся целый лес коммуникационных антенн. Некоторые окна были приоткрыты, другие — зашторены. Вокруг дома простирался сад с хорошо освещенными тропинками, декоративными прудами, деревьями, цветами и статуями.

Бонд медленно достал из водонепроницаемого футляра пистолет и снял его с предохранителя. Дыхание практически восстановилось. Прячась за деревья и скульптуры, он направился к дому. Внутрь можно было попасть двумя способами: либо подняться по гигантской спиральной лестнице в центре конструкции, либо по одной из трех внешних лестниц, шедших зигзагами от одного этажа к другому.

Бонд пересек последнее открытое пространство и на мгновение замер: голоса, доносившиеся из дома, притихли, и только вдали слышалось тарахтенье лодочного мотора.

Держа пистолет наготове, Бонд бесшумно поднялся по наружной лестнице и заглянул в приоткрытое окно: большая жилая комната,

выполненная в белых тонах, стеклянные столы, мягкие белые кресла и дорогие современные картины. На полу — белый мягкий ковер, в центре — больничная койка с дистанционным пультом, позволявшим менять угол наклона ее секций.

Пациентом был Тамил Рахани. Несмотря на осунувшееся лицо с кожей цвета пергамента и общую худобу, Бонд сразу же узнал его. Предводитель СПЕКТРа лежал на шелковых подушках, закрыв глаза и повернув голову набок. Некогда щеголеватый, с завидной военной выправкой, теперь он напоминал куклу в плену высокотехнологичной кровати.

Бонд крепче сжал рукоять пистолета и через пару секунд уже стоял рядом с полковником.

Вот она, его цель. Покончить с преемником Блофельда раз и навсегда, обезглавив СПЕКТР, подобно тому, как Тамил Рахани хотел обезглавить его — Бонда.

Сделав глубокий вдох, Бонд навел оружие на голову Рахани. Одно нажатие на спусковой крючок — и проблема решена. Потом он спрячется в саду и найдет способ сбежать с острова.

Бонд уже собирался выстрелить, но почувствовал позади легкое дуновение ветра.

— Не смей, Джеймс. Мы не для того столько раз

спасали тебя. Брось пистолет. Брось или сдохнешь прежде, чем шевельнешься.

Этот голос поразил его, словно электрошок.

Бонд расслабил пальцы, и пистолет «АСП» с шумом упал на пол. Пациент в кровати тревожно застонал.

— А теперь можешь повернуться…

В открытом окне стояла Нанни Норрих, держа на уровне бедра автомат «Узи».

18. Мадам ждет

— Мне жаль, что все так вышло, Джеймс, — сказала она. — Ты полностью оправдал свою репутацию. О таком, как ты, мечтает любая девушка.

Ее серые глаза были холоднее стали, а слова резали слух.

— Ну что ты, Нанни, — улыбнулся Бонд. — Не стоит извиняться. Надо полагать, ты и Сьюки — две стороны одной медали, так? Вы сами по себе или работаете на кого-нибудь?

— Сьюки ни о чем не подозревает, — ответила Нанни спокойным тоном. — Ее совесть чиста. Я приготовила ей особый кофе, и сейчас она крепко спит в отеле. А когда проснется, то тебя уже не будет. Если она вообще проснется.

Бонд посмотрел на кровать. Иссохшая фигура Тамила Рахани не двигалась. Время. Нужно было тянуть время и надеяться на удачу.

— Ты подсыпала ей яд?

— Что-то вроде того. — Неожиданно Нанни рассмеялась: — Знаешь, в этом костюме ты похож на лягушонка Кермита, только черного. Сними

его. Он тебе не идет.

Бонд пожал плечами:

— Как скажешь.

— Снимай, снимай, но только медленно и без глупостей. Если хоть чуточку дернешься, я тебе ноги отстрелю этой штукой, — и с этими словами Нанни качнула дулом автомата «Узи».

Бонд принялся медленно снимать с себя гидрокостюм.

— Ловко ты обвела меня вокруг пальца. Даже спасла мне жизнь несколько раз.

— Даже больше, чем несколько, — поправила она. — В конце концов это была моя работа, которую я вызвалась выполнить.

— Того немца… Конрада Темпеля, который ехал в Страсбург, ты убрала?

— Да, и двоих на пароме.

— А Кордову по кличке Ядовитый гном тоже ты?

— Точно.

— А парней в «Рено»?

— Надо признать, они застали меня врасплох. Но ты здорово помог, Джеймс. Куинн тоже был занозой в заднице, но ты и здесь оказал мне помощь. А я просто была твоим ангелом-хранителем. Выполняла работу.

Бонд наконец-то высвободился из гидрокостюма, оставшись в черных брюках и водолазке.

— А как же Крюк? Этот маньяк в погонах.

Нанни холодно улыбнулась.

— Мне пришлось вызывать подмогу. Крюк был в курсе событий, но считал, что я просто на побегушках у СПЕКТРа. И когда он стал бесполезен, полковник Рахани поручил своей ударной группе избавиться от него. Они собирались прихватить тебя с собой, но Рахани позволил мне продолжить игру, при одном условии: в случае провала я поплатилась бы головой. Это я подбросила тебе летучую мышь. СПЕКТР проводит эксперименты с этими тварями, и тебе предстояло сыграть роль подопытной крысы. Летучая мышь заразила бы тебя бешенством. Полковник желал понаблюдать за развитием симптомов, которые проявились бы у тебя как раз после прибытия на остров, но до казни. Мы все тщательно рассчитали, но Сьюки выручила тебя, и это усложнило мои отношения со СПЕКТРом. А сейчас, мистер Бонд, — Нанни вновь качнула стволом автомата, — лицом к стене, ноги в стороны, руки вытянуть вперед. А то вдруг ты воспользуешься своими опасными игрушками.

Девушка мастерски обыскала его и принялась

расстегивать его ремень. Бонд опасался этого больше всего.

— Опасные штуки — эти ремни, — заметила она. — О! А этот — особенно. Какая хитрая штука! — Нанни явно обнаружила тайник.

— Если в СПЕКТРе есть такие, как ты, то к чему весь этот маскарад с Охотой?

— Я не состою в СПЕКТРе, — отрезала она. — Я подключилась в качестве наемника. Прежде я уже оказывала этой организации кое-какие услуги, и мы пришли к соглашению: я убираю участников и в случае успеха получаю процент от призовой суммы. А успех налицо. Полковник доверяет мне. Благодаря мне он сэкономил деньги.

Словно услышав, что разговор зашел о нем, пациент в кровати зашевелился.

— Кто здесь? Что… Кто? — Это было жалкое подобие того командного голоса, который Бонд слышал когда-то.

— Это я, полковник Рахани, — ответила Нанни почтительно.

— Нанни Норрих?

— Да, Нанни. Я приготовила вам подарок.

— Помоги… Помоги мне приподняться.

— Сейчас не могу, но я вызову прислугу.

За спиной Бонд услышал, как Нанни сделала

несколько шагов в сторону, но не стал рисковать. Девушка обладала отменной реакцией, а теперь, когда ее жертва была загнана в угол, могла не раздумывая спустить курок.

— Медленно повернись, — скомандовала она пару секунд спустя. — Руки в стороны. Спиной к стене.

Бонд повиновался. В комнату вошли двое, вооруженные пистолетами.

— Расслабьтесь, мальчики. Всё под контролем, — заверила их Нанни.

Это были типичные боевики СПЕКТРа — серьезные, подтянутые, с внимательным взглядом и экономными движениями. Один — блондин, другой — с признаками раннего облысения.

— Мисс Норрих, вы молодец, — похвалил ее блондин, улыбнувшись.

Судя по акценту, он был откуда-то из Скандинавии. Лысоватый молча кивнул.

Следом за ними в комнату вошел низенький человек в белой рубашке и белых брюках. Правый уголок его рта был задран к уху в вечной ухмылке.

— Доктор Мак Коннелл! — поприветствовала его Нанни.

— Здравствуйте, госпожа Норрих! — восклик-

нул доктор с нарочито сильным шотландским акцентом. — У нас гости? Подарок для полковника, насколько я понимаю?

При виде его лица Бонду вспомнились деревянные куклы в руках чревовещателя. Следом за доктором в комнату вошла мужеподобная медсестра — крупная женщина с жидкими волосами.

— Ну, как поживает мой пациент? — поинтересовался Мак Коннел, подойдя к кровати.

— Доктор, я думаю, полковнику не терпится поскорее увидеть подарок, который я приготовила, — произнесла Нанни, не спуская с Бонда глаз.

Доктор сделал знак медсестре, та подошла к прикроватной тумбочке, взяла дистанционный пульт управления, провод которого тянулся куда-то под кровать, нажала на одну из кнопок, и подголовник кровати стал медленно подниматься, издавая едва слышное жужжание.

— Вот он, полковник, — объявила Нанни, с долей торжества в голосе. — Джеймс Бонд собственной персоной. Как и было обещано.

Тяжело дыша, Тамил Рахани с трудом сфокусировал взгляд на Бонде.

— Око за око, мистер Бонд, — просипел он. — Много лет СПЕКТР мечтал разделаться с вами. Но

у меня с вами личные счеты.

— Рад видеть вас в таком состоянии, полковник, — съязвил Бонд.

— О, да, мистер Бонд, — прохрипел Рахани. — Я долго ждал этой минуты. Из-за вас я был вынужден прыгать из дирижабля, чтобы спасти свою шкуру. Откуда мне было знать, что я прыгаю навстречу смерти! Я неудачно приземлился и повредил позвоночник, что привело к развитию рака. И теперь я умираю. Вы уничтожили предыдущих предводителей СПЕКТРа, истребив династию Блофельдов. И я считаю своим долгом и личной привилегией проследить за тем, что вас стерли с лица Земли. Именно поэтому мы устроили это соревнование. — Силы быстро оставляли полковника, и каждое слово давалось ему с трудом. — Соревнование с небольшим перевесом сил в пользу СПЕКТРа, поскольку в нем принимала участие мисс Норрих — надежный человек, которому я доверяю.

— Вы также манипулировали другими участниками, — мрачно заметил Бонд. — Эта история с похищением… Я надеюсь, вы…

— О, у вас осталась надежда? — удивился полковник. — Надо полагать, речь идет о милой шотландской старушке и знаменитой мисс Ма-

нипении?

— Я думаю, на сегодня разговоров достаточно, — вмешался доктор. — Вам вредно много разговаривать.

— Нет, нет, — едва слышно прохрипел Рахани. — Я хочу увидеть, как он отправится на тот свет.

— Обязательно увидите, — доктор склонился над кроватью. — Но сперва вам нужно отдохнуть.

Рахани обратился к Бонду:

— Вы что-то говорили о надежде.

— Я надеюсь, обе дамы живы и что СПЕКТР вернет их целыми и невредимыми в обмен на мою голову, хотя бы раз проявив благородство.

— Они здесь. Живы-здоровы. Их освободят немедленно, как только ваша голова слетит с плеч.

Рахани откинулся на подушку и, казалось, еще больше съежился. На долю секунды Бонд вспомнил тот момент, когда полковник, будучи тогда сильным и крепким человеком, выпрыгнул из дирижабля, спасаясь бегством.

Доктор повернулся к парням с автоматами.

— Я надеюсь, все готово для… экзекуции? — спросил он, даже не бросив на Бонда взгляд.

— А как же! — ухмыльнулся блондин. — Мы долго ждали этого момента.

— Хорошо, — кивнул врач. — Но полковник очень слаб. Он протянет еще день, от силы — два. Я дам ему лекарство, и часа три он поспит, чтобы восстановить силы. Вы можете отложить это мероприятие часа на три?

— Конечно. Когда угодно. — Лысоватый бросил на Бонда холодный, затуманенный взгляд убийцы.

Доктор вновь подал знак медсестре, и та приготовила шприц.

— Не беспокойте полковника в течение часа, — продолжил Мак Коннел, — а потом можете осторожно переместить его койку в… зал для экзекуции, если его можно так назвать.

— Можно и так, — бросил блондин. — Нам отвести туда Бонда? — обратился он к Нанни.

— Нет, — отрезала та. — Я сама. Просто дай мне ключи от зала.

— У меня одна просьба, — вмешался Бонд. Им начал овладевать страх, и все же он нашел в себе силы говорить твердым, решительным тоном.

— Да? И какая же? — спросила Нанни с долей учтивости.

— Я понимаю, это почти не имеет значения, но

я хочу увидеть заложниц.

Нанни взглянула на вооруженных охранников.

— Они рядом с залом для казни, — ответил блондин. — Вы справитесь одна или, может, все-таки помочь?

— Я же доставила его сюда, верно? Значит, справлюсь. Не переживай. А будет плохо себя вести — останется без ног. Ну а доктор, перед ампутацией головы, пришьет их обратно.

— Ампутация головы! Забавный термин, — отреагировал доктор, медленно вводя медикамент в вену Рахани. — Я возьму его на заметку, госпожа Норрих.

— И я тоже, доктор, — произнес Бонд удивительно спокойным тоном.

Он уже начал просчитывать возможные варианты побега.

— Вы, наверное, мечтаете удалить голову Нанни? — спросил его доктор, захихикав.

— Пошутили и хватит, — отрезала девушка, подтолкнув Бонда дулом автомата. — Давай двигай. И по всем правилам: руки над головой, пальцы сцеплены. Пошел!

Бонд оказался в дугообразном коридоре со стенами небесно-голубого цвета и мягким белым

ковром на полу. Видимо, коридор замыкался кольцом, обегая весь этаж, и повторял планировку других ярусов. Снаружи особняк представлял собой пирамиду, но внутри, как предположил Бонд, он имел радиальную планировку.

В нишах стен, выполненных в романском стиле, красовались скульптуры и картины известных художников — Франсиса Пикабиа, Марселя Дюшана, Сальвадора Дали и Джексона Поллока. «Сюрреализм, — подумал Бонд, — это вполне в духе СПЕКТРа».

Стальные двери лифта были изогнутыми, повторяя контуры коридора. Нанни приказала Бонду положить руки на стену и нажала на кнопку вызова. Вскоре двери бесшумно открылись. Похоже, здесь все было спроектировано для обеспечения полной тишины. Они вошли в кабину цилиндрической формы, и хотя Бонд видел, как Нанни выбрала второй этаж, он не мог определить, движутся ли они вверх, или вниз. Спустя несколько секунд двери скользнули в стороны, и перед его взором предстал другой коридор, который выглядел иначе: голые стены из кирпича и каменный пол, поглощавший звук каждого шага. С обеих сторон коридор заканчивался тупиком.

— Этаж для заключенных, — пояснила Нан-

ни. — Если хочешь увидеть заложниц, то налево.

Девушка проводила Бонда к двери, которая запросто могла оказаться частью декораций для фильма: черный металл, массивный замок и небольшой глазок. Нанни махнула автоматом, позволив Бонду заглянул внутрь. Несмотря на спартанскую обстановку, камера выглядела комфортно. На кровати мирно спала Мэй.

— Им обеим дали слабое снотворное, — пояснила Нанни с проблеском сострадания в голосе. — Достаточно одной-двух секунд, чтобы разбудить их для приема пищи.

Бонд заглянул в глазок соседней камеры, где в аналогичной обстановке спала Манипенни. Отступив от двери, он удовлетворенно кивнул.

— Тогда идем, Джеймс, я провожу тебя в твое последнее место отдыха. — Нотки сострадания в голосе Нанни полностью улетучились.

Они прошли в противоположный конец коридора и остановились у цифровой клавиатуры, вмонтированной в стену. Нанни вновь приказала Бонду встать лицом к стене и набрала код. Секция стены скользнула внутрь, и он получил приказ войти.

Переступив порог, Бонд почувствовал, как в жилах застыла кровь. Зал для экзекуций был

большим и просторным, с рядом удобных кресел, операционным столом и носилками на колесах. Напротив кресел, под светом мощного прожектора, стояла настоящая гильотина.

Она выглядела меньше, чем Бонд ожидал, но видимо потому, что в фильмах о Французской революции ее снимали, как правило, снизу. Вертикальные направляющие два метра высотой, косое тяжелое лезвие, отверстия для головы и рук, а также продолговатая пластиковая корзина для отсеченных частей тела.

В отверстие для головы был воткнут большой кочан капусты. Нанни шагнула вперед и коснулась одной из направляющих. Шлеп! Кочан раскололся надвое, а лезвие упало настолько быстро, что Бонд даже не успел этого заметить.

— Потерпи пару часов, и ты испытаешь это на себе, — сообщила она весело.

Бонд целую минуту взирал на эту жуткую картину, после чего Нанни указала ему на железную дверь, которая находилась точно напротив гильотины.

— Здорово продумано, правда? — спросила Нанни почти с восхищением. — Мадам Гильотина — это первое, что ты увидишь, выйдя из камеры. — Девушка усмехнулась. — Впрочем, как

и последнее. Ты должен гордиться, Джеймс. Насколько я знаю, почетная роль палача поручена Фину. Ему даже велено явиться в смокинге.

— А сколько всего приглашенных?

— Из тридцати пяти, что проживают на острове, — десять. Со мной — одиннадцать. Или тринадцать, если полковник посчитает нужным пригласить заложниц, хотя вряд ли…

Нанни осеклась, будто поняла, что сболтнула лишнего, но довольно быстро взяла себя в руки. Какая разница, что узнает Бонд? Ведь через два часа его голова все равно слетит с плеч.

— В камеру! — скомандовала она. — Поболтали — и хватит.

Бонд переступил порог.

— Наверное, мне следует спросить, есть ли у тебя последнее желание? — предположила Нанни.

Бонд с улыбкой обернулся.

— Желание есть, но ты вряд ли его исполнишь.

Нанни покачала головой:

— Ты прав, дорогой, это желание уже исполнено. Не знаю, как тебе, а мне было приятно. Когда я рассказала об этом Сьюки, она просто взбесилась. Бедняжка сохнет по тебе. Надо было привести ее сюда. Она бы с радостью тебя ублажила.

— Почему ты не убила ее? — перебил Бонд. —

Профессионалы не оставляют свидетелей — даже в наркотическом бреду. Я бы на твоем месте заставил ее замолчать навеки вечные.

— А может, и убила. Доза была почти смертельной. — Нанни помрачнела. — Хотя ты прав, Джеймс. Нужно было устранить ее сразу. В нашем деле нельзя поддаваться эмоциям. Видимо, меня что-то остановило. Мы с ней были близки. И мне всегда удавалось скрывать от нее свою темную сторону. Когда занимаешься подобным делом, рядом нужен кто-то, кто бы любил тебя. Ты так не считаешь? Знаешь, еще в школе, до того, как я познала мужчин, я была влюблена в нее. И она всегда хорошо ко мне относилась. Но ты прав: в нашем деле нет места чувствам. И когда мы покончим с тобой, я вернусь и покончу с ней.

— Как тебе удалось свести нас?

Нанни прыснула от смеха:

— По чистой случайности! На нее действительно напали грабители. Пришлось импровизировать. Еще на пароме я прикрепила к твоей машине маячок, поэтому знала о всех твоих передвижениях. Сьюки захотелось путешествовать одной, и ты действительно ее спас. Я и сама собиралась подстроить нечто подобное, поскольку знала, что ты направляешься в Рим, как и она, но

не знала, где вы остановитесь. А потом вы сами приплыли ко мне в руки. Ну так что, у тебя есть последняя просьба?

— Да, — ответил Бонд и пожал плечами. — Вкусы у меня простые. Коли уж речь зашла о последнем желании, то как насчет яичницы и бутылки «Тэтэнже» урожая семьдесят третьего? Это возможно?

— Для СПЕКТРа нет ничего невозможного. Я постараюсь.

Нанни ушла, захлопнув за собой тяжелую дверь, и Бонд осмотрелся: тесная камера, железная кровать с одеялом. Он выждал минуту и подошел к двери. Глазок закрыт, но действовать все равно нужно быстро и осторожно. Тишина не в его пользу. У двери могли поставить часового.

Бонд медленно расстегнул брюки. Он редко позволял себе полагаться на случай. Нанни отняла у него ремень и спец-набор, но она не учла одну существенную деталь: брюки тоже были изготовлены в отделе «Кью», и потайные кармашки их пояса тоже содержали кое-какое снаряжение. Бонд достал его за минуту. По крайней мере он мог отпереть дверь и пробраться в зал. А там видно будет.

Бонд прикинул, что у него в распоряжении око-

ло получаса, прежде чем принесут ужин. Нужно было опробовать замок. Отпереть его оказалось легче, чем Бонд ожидал. Для этого потребовалось всего две отмычки. Затем Бонд снова запер его. Итого — пять минут. Вновь отперев, 007 открыл дверь и вошел в зал с гильотиной. В помещении стояла зловещая тишина. Вскоре он обнаружил, что помнит лишь примерное местоположение входной двери. Она открывалась с помощью электронного замка и практически сливалась со стеной. Можно было установить взрывчатку, но малейший просчет в выборе места — и он только напрасно выдаст себя.

Бонд вернулся в камеру, запер дверь и спрятал снаряжение под одеяло. Он понял, что шансы успешно взорвать дверь ничтожно малы. Но что же делать? Может, взорвать гильотину? Нет, это безумие. И пустая трата драгоценной взрывчатки. В конце концов гильотина — не единственный способ обезглавить человека.

Ужин принесла лично Нанни, в сопровождении лысоватого охранника, который сжимал автомат «Узи» с такой силой, что костяшки его пальцев побелели.

— Я же сказала, что для СПЕКТРа нет ничего невозможного, — сообщила девушка без улыбки,

указав на бутылку «Тэтэнже».

Бонд молча кивнул, и Нанни с охранником вышли. Когда дверь закрывалась, он услышал, как лысоватый вполголоса сообщил Нанни:

— Старик уснул. Мы перенесем его сейчас.

Итак, полковника Рахани принесут заранее, чтобы он проснулся как раз к началу казни. Если медсестра с ним не останется, то появится надежда на спасение. Составляя план действий, Бонд приговорил яичницу и шампанское. Это действительно был урожай 73-го. Великолепный год.

Вскоре за дверью раздался слабый шум. Бонд прильнул ухом к металлу. Шаги приближались. Он спешно растянулся на кровати. Кто-то отодвинул заслонку глазка и через некоторое время задвинул обратно. Бонд выждал еще пять минут и рискнул достать снаряжение. Он отпер замок и вновь вошел в соседний зал. На сей раз в нем было темно, и лишь прикроватный ночник освещал лицо спящего Тамила Рахани.

Бонд быстро пересек зал. Полковник не шевельнулся. Провод от пульта дистанционного управления уходил куда-то под кровать. Это обнадеживало. Бонд вернулся в камеру за фонариком и взрывчаткой.

Нырнув под кровать, он нашел небольшую

коробочку с датчиками, среди которых были те, что управляли электроприводом, двигавшим подголовник. Провод от дистанционного пульта вел к распределительной коробке, которая была привинчена почти точно в центре кровати. Из коробки выходил провод питания, подключенный к розетке в стене. Из распределительной коробки выходили провода, которые вели к датчикам, отвечавшим за угол наклона разных секций кровати. Бонда интересовали провода, которые вели к датчикам, двигавшим подголовник. 007 осторожно отключил подачу напряжения и принялся за работу.

Бонд отрезал провода и зачистил их концы от изоляции. Затем он прилепил к датчику всю имевшуюся у него пластичную взрывчатку и вставил в нее детонатор. Оставалось соединить разрезанные провода с проводами, шедшими от детонатора, и надежно заизолировать их липкой лентой. Сделав это, Бонд вставил вилку в розетку, собрал инструменты и вернулся в камеру, спрятав набор под одеяло. По идее, должно было сработать. В момент взрыва ему придется действовать быстро. А пока оставалось только ждать и надеяться.

Казалось, прошла вечность, прежде чем ключ в

замке повернули. Дверь распахнулась, и в камеру вошел блондин по имени Фин, в черном фраке и белых перчатках, а следом за ним — лысый с серебряным подносом в руках. Поднос, конечно, предназначался для его головы. Стильно, ничего не скажешь.

Последней вошла Нанни Норрих, представ перед Бондом в своем истинном свете: темное вечернее платье, длинные распущенные волосы и кричащий макияж, благодаря которому ее улыбка скорее походила на маску зловещей порочности.

— Мадам Гильотина ждет вас, Джеймс Бонд, — холодно сказала она.

Бонд расправил плечи и вошел в комнату, оценивая обстановку. Входная дверь была открыта. Рядом с ней он увидел то, что ранее было скрыто металлической шторкой — небольшую нишу с цифровым замком, аналогичным тому, что имелся снаружи.

В дверях стояли двое охранников — один с автоматом, другой с пистолетом; еще двое — также вооруженных — находились с обеих сторон кровати, рядом с доктором Макконнеллом и его мужеподобной медсестрой.

— Смелее, Джеймс, — сказала Нанни.

Бонд сделал еще один шаг.

— Я хочу это увидеть, — проскрипел проснувшийся Рахани. — Поднимите меня… Поднимите!

Бонд еще раз окинул взглядом присутствующих. Медсестра подошла к столику, взяла пульт управления, нажала на одну из кнопок, и разверзся ад.

19. Смерть и разрушение

За мгновение до того, как медсестра нажала на кнопку, Бонд юркнул обратно в камеру, прикрыв за собой дверь. Его как будто ударили по ушам ладонями. На протяжении нескольких секунд он даже сомневался, что взрыв прогремел, хотя волна горячего воздуха была мощной. Время остановилось. Все происходило как будто во сне или в замедленном кино. При этом Бонда не покидали две мысли: выжить и спасти заложниц.

В том месте, где еще совсем недавно лежал Рахани, возникла огромная зияющая дыра. Кровавые ошметки его тела разлетелись по всему залу, забрызгав доктора и медсестру. Доктор рухнул в огонь сразу, а мужеподобная медсестра, похожая на обгоревший манекен, сначала замерла, откинув назад голову, потом со сдавленным криком последовала за ним.

Одного из охранников, стоявших рядом с кроватью, отбросило к гильотине, другого — с болтающейся на жилах рукой — швырнуло на часового у двери. От неожиданности тот упал, выпустив автомат из рук, и оружие отлетело к

гильотине. Четвертый охранник остался целым и невредимым, но от изумления выронил пистолет, и тот покатился кубарем в сторону Бонда.

Бонд выскочил из камеры и, нырнув на пол, схватил пистолет. Перекатившись, он выпустил по две пули: сначала — в часового у двери, затем — в Фина и лысоватого.

Нажимая на курок, он слышал только приглушенные хлопки. Часового у двери развернуло на 360 градусов. Белая рубашка Фина обагрилась кровью. Лысоватый с удивленным видом схватился за живот и сполз на пол.

Бонд развернулся, ища глазами Нанни. Та уже подскочила к гильотине, но упавший автомат лежал по другую сторону от нее, и чтобы не терять времени, Нанни протянула руки к оружию прямо под лезвием. Бонд прыгнул вперед и ударил по рычагу.

Даже несмотря на временную потерю слуха, он услышал мощный грохот и жуткий вопль. Лезвие отсекло девушке руки, и кровь хлынула из ран алыми фонтанами. Тем временем комнату стало заволакивать плотной пеленой черного дыма.

Автомат «Узи» пришлось хорошенько встряхнуть, чтобы сбросить окровавленные руки девушки, сжимавшие его подобно клешням.

После этого Бонд выскочил в коридор, который тоже быстро заполнялся дымом.

Он осмотрел цифровой замок. В нижнем ряду были красные кнопки с пометкой «Замок с таймером», а рядом — небольшая табличка с инструкцией: «Нажмите кнопку “Время” и кнопку “Закрыть”. После закрытия двери задайте необходимое количество часов и нажмите повторно кнопку “Время”. Дверь останется заблокированной на заданный период времени».

Бонд ударил по кнопкам «Время» и «Закрыть», после чего дверь послушно закрылась. Затем он набрал «2», «4» и снова «Время». Те, кто остались в зале, все равно не выживут, а закрытая на сутки дверь хотя бы предотвратит распространение пожара. Теперь нужно было спасти заложниц.

Не успел Бонд добежать до камеры, в которой держали Мэй, как завыла сирена. Либо сработала пожарная сигнализация, либо кто-то из выживших нажал на кнопку тревоги.

Искать ключи было некогда. Бонд выпустил автоматную очередь в район верхней дверной петли — пули со звоном отскочили от стены, пустив веер щепок, и дверь слегка просела. Еще одна очередь по другой петле — и дверь, накренившись, рухнула на пол.

— Не бойтесь, Мэй. Это я! — крикнул Бонд.

От страха его домработница так сильно уперлась в стену, будто собиралась сдвинуть ее с места.

— О боже мой, мистер Джеймс! Боже мой!

— Подождите минутку, — крикнул он, неожиданно осознав, что повышает голос из-за временной потери слуха. — Я схожу за Манипенни! Только не выходите из камеры, пока я не скажу.

— Мистер Джеймс, но как вы… — начала Мэй, но Бонд уже бежал к соседней камере, дверь которой пришлось открывать тоже при помощи автомата. Коридор быстро наполнялся дымом.

— Не бойся, Манипенни, — еле выдохнул он. — Это твой рыцарь на белом коне прискакал за тобой.

Бледная Манипении вся тряслась от страха.

— Джеймс! О, Джеймс! Я уже думала, что… Мне сказали, что… — Не договорив, Манипенни бросилась Бонду на шею.

Он с трудом высвободился из ее объятий и почти силой вытянул женщину в коридор, указав ей на дверь соседней камеры.

— Помоги Мэй, Пенни. Надо выбираться отсюда. В здании пожар и двадцать с лишним человек, которые против того, чтобы мы покинули остров.

И ради бога без паники. Главное — выведи из камеры Мэй и делай то, что я скажу.

Убедившись, что Манипенни его поняла, Бонд побежал по задымленному коридору к лифту.

«Никогда не пользуйтесь лифтом во время пожара!» — сколько раз он видел эту надпись в отелях. Но коридор, в котором они находились, представлял собой замкнутый круг — и выбора не оставалось.

Бонд отчаянно давил на кнопку вызова, но лифт не приходил. Видимо, им кто-то пользовался. Или же повредился механизм. Тем временем из-за двери зала отчетливо доносился гул разгорающегося огня.

Двери лифта быстро нагревались. На всякий случай Бонд проверил оружие: магазин «Узи» почти опустел, а в «Стечкине» не хватало всего шести патронов из двадцати. Сунув автомат под мышку левой руки, Бонд взял пистолет в правую и приготовился.

Неожиданно двери лифта открылись. В кабине было четверо боевиков СПЕКТРа. На их лицах застыло удивление, один потянулся к набедренной кобуре…

Бонд перевел пистолет в режим стрельбы очередями и наклонил его горизонтально, поскольку

в этом режиме «Стечкин» отличался сильной отдачей. Шесть пуль — и охранники рухнули на пол как подкошенные.

Теперь нужно было очистить лифт от трупов. Бонд велел Манипенни и Мэй пока не приближаться. Оставив одно из тел в дверях, чтобы они не закрылись, Бонд вытащил остальных, после чего удалил и четвертого. На это ушло менее тридцати секунд.

Когда наконец кабина была пуста, он махнул рукой женщинам. Жара усиливалась. Бонд нажал на кнопку «Вниз», и спустя пять секунд они оказались на этаже с покоями Тамила Рахани.

— Тише, — предупредил он женщин. — Осторожней.

Где-то поблизости раздался пулеметный огонь. «Что-то не так», — подумал Бонд.

Почему стрельба ведется не по ним, а по кому-то еще? Выстрелы доносились из комнаты Рахани. Бонд медленно приблизился и заглянул в открытую дверь. Так вот оно что! Двое солдат СПЕКТРа, заняв позицию у окна, вели огонь по вертолетам, зависшим над островом. Неожиданно в ночном небе вспыхнула осветительная ракета, и стекло одного из окон разлетелось вдребезги. Бонд понял, что базу СПЕКТРа атакуют.

Оставалось надеяться, что атакующие были на его стороне. 007 подкрался к пулеметчикам и всадил в затылок каждого по две пули.

— Останьтесь в коридоре! — скомандовал он женщинам. — И лягте на пол!

Повисла тишина. За ней последовал отчетливый топот сапог по внешней лестнице балкона.

— Не стреляйте! — громко крикнул Бонд, опустив пистолет. — Здесь заложники!

В окне появился крупный человек в форме офицера ВМС США, вооруженный револьвером, в сопровождении полдюжины морских пехотинцев. За их спинами показалось бледное, испуганное лицо Сьюки Темпесты.

— Это они! — закричала она. — Бонд и заложницы!

— Вы Бонд? — спросил офицер.

— Да, Бонд. Джеймс Бонд.

— Ну слава Богу! А то мы уже думали, что вы погибли. Если бы не эта девушка… В общем, надо выбираться отсюда как можно быстрее. А то здесь всё сгорит к чертовой матери!

Офицер протянул Бонду руку и помог ему перемахнуть через подоконник. Трое морпехов поспешили помочь Мэй и Манипенни.

— Джеймс! Как я рада тебя видеть!

Бонд оказался в объятиях Сьюки Темпесты, и во второй раз за несколько минут его целовали почти с дикой, необузданной страстью. Правда, в этот раз он не торопился вырываться из объятий.

— Как ты здесь оказалась? — спросил он.

— Долгая история. Расскажу по дороге…

Морпехи помогли женщинам выбраться наружу, после чего все вместе побежали через сад к пристани. Вскоре они уже были на борту катера береговой охраны, мотор которого тут же взревел, и они направились прочь от берега. Бонд оглянулся. Вокруг острова кружили военные катера и вертолеты, освещавшие мощными прожекторами экзотический сад Рахани.

Внезапно из верхушки пирамидального здания, словно из жерла вулкана, вырвался яркий сноп огня.

— Господи Иисусе! — воскликнул один из офицеров береговой охраны. — Сейчас как рванет!

Почти в ту же секунду главное здание, казалось, зависло на секунду в воздухе, окруженное стеной бушующего пламени, и последовала такая яркая вспышка, что Бонду пришлось даже отвернуться.

Когда он посмотрел снова, то увидел в небе

горящие обломки и огромный столб густого черного дыма.

«Неужели всё? — мысленно спрашивал себя Бонд — Неужели со СПЕКТРом покончено? Или он вновь, подобно фениксу, возродится из пепла после того, как я посеял на этом острове смерть и разрушение?»

20. Восторг и аплодисменты

— Сначала я не могла поверить своим глазам, — сказала Сьюки после того, как катер преодолел линию рифа, и скорость его снизилась настолько, что можно было нормально разговаривать. — Но когда услышала ее разговор по телефону, то все поняла.

— Можно по порядку? — прокричал Бонд, у которого по-прежнему звенело в ушах.

— После того, как мы расстались, Нанни заказала кофе. Его принесли, пока я была в ванной, приводила себя в порядок, поэтому попросила ее налить мне чашечку. Дверь была приоткрыта, и в отражении зеркала я увидела, как она встряхнула над одной из чашек содержимое какого-то пузырька. Я не могла поверить, что она замышляет что-то недоброе! — призналась Сьюки. — И чуть было не задала ей вопрос прямо. Слава Богу, что я вовремя одумалась. Помню, решила, что она желает мне добра и хочет просто уберечь от опасности. Я всегда доверяла ей. В школе она была моей лучшей подругой. Я и не подозревала, что она… Ведь она… Она была так предана мне,

Джеймс. До того момента.

— Как говорится, чтобы не плакать по ночам, не доверяйте преданным друзьям, — заметил Бонд, мрачно улыбнувшись.

— В общем, я вылила кофе в раковину, а потом сделала вид, что мне хочется спать. Она долго стояла надо мной и даже приподнимала мои веки, чтобы проверить, правда ли я сплю. Потом подошла к телефону. Я не знаю, с кем она говорила, но из содержания разговора я поняла, что речь идет о тебе.

— И о чем же она говорила?

— Предположила, что ты попытаешься добраться до острова без нас, и обещала за тобой проследить. «Передайте полковнику, — сказала она, — что он у меня в руках». Затем вышла из комнаты, но я продолжала лежать в кровати — на случай, если она еще вернется. Так и произошло. Вскоре она вернулась и вновь позвонила кому-то. Сказала, что ты уплыл на катере отеля. «Он мой. Я лично доставлю его полковнику для расчленения…» Что она имела в виду?

— О, в этих словах очень много смысла.

Бонд на секунду вспомнил, как лезвие гильотины отсекает руки Нанни Норрих.

— Все это ужасно… — произнес он задумчиво. —

А знаешь, она мне даже начала нравиться…

Сьюки молча посмотрела на него. Тем временем катер вошел в небольшую гавань военно-морской базы.

— А кто платит за всю эту роскошь, мистер Джеймс? — спросила Мэй. — Хотела бы я это знать… — Она явно полностью поправилась.

— Правительство, — с улыбкой ответил он. — А если не оплатит, то я оплачу.

— Пустая трата денег! — продолжила сетовать Мэй. — Неужели нельзя было выбрать отель поскромнее?

— Не стоит волноваться по этому поводу, Мэй. Просто наслаждайтесь видом. Вечером отсюда можно наблюдать потрясающий закат. Нигде такого не увидите.

— Самые красивые закаты у нас в горах. И для меня этого достаточно. — Смягчившись, Мэй добавила: — Мистер Джеймс, спасибо, конечно, что отправили меня на лечение, но я так соскучилась по своей кухне и по работе…

С момента событий, которые местные журналисты окрестили «Трагедией на Акульем острове», прошло два дня. Бонд, Сьюки и Мэй сидели в баре «Гаванские доки». Солнце клонилось к горизонту, и в помещении было людно.

Бонд и Сьюки вновь ели большие сочные креветки в остром соусе, запивая «Калипсо Дайкири». Мэй с презрением отказалась от столь изысканного обеда и выбрала стакан молока, выразив вслух надежду, что оно свежее.

— Время здесь, и вправду, как будто остановилось, — промурлыкала Сьюки и поцеловала Бонда в щеку. — Сегодня в магазине я познакомилась с девушкой, которая приехала сюда на две недели… Девять лет назад.

Бонд кивнул:

— Да, такое бывает с некоторыми.

Он задумчиво посмотрел на море. Остаться здесь на девять лет?… Ну уж нет. Слишком много воспоминаний связывали его с этим местом. Милая девушка Нанни, которая оказалась безжалостным и расчетливым убийцей; полковник Рахани, с которым он уже точно никогда не увидится; и СПЕКТР, обещавший за его голову награду и обманувший участников Охоты.

— О чем задумался? — поинтересовалась Сьюки.

— Если честно, я тоже не прочь остаться здесь на некоторое время, — признался Бонд. — Девять лет многовато, а вот недельки на две — в самый раз.

— У нас с тобой мысли сходятся, Джеймс. И вот поэтому я попросила перенести твои вещи в мой номер, — девушка весело улыбнулась.

— Что? — Бонд раскрыл рот от удивления.

— Что слышал, дорогой. Будем наверстывать упущенное.

Бонд одарил ее теплым взглядом и посмотрел на алое небо. Солнце уже скрылось за островами.

В дверях бара появилась Манипенни и поманила его к себе.

— Я сейчас, — сказал Бонд, вставая.

— Сообщение от шефа, — сказала она, бросая ревнивый взгляд на Сьюки. — «Отличная работа, молодцы. Возвращайтесь как можно скорее. М.»

— Неужели ты хочешь вернуться как можно скорее? — спросил он.

Манипенни с грустью кивнула:

— Да. Но я понимаю, что ты захочешь остаться здесь ненадолго.

— Ты бы могла забрать с собой Мэй, — предложил Бонд.

— Я забронировала билеты на самолет, как только пришла шифровка. Мы вылетаем завтра.

Манипенни была, как всегда, исполнительна.

— Втроем?

— Нет, Джеймс. Знаешь, я никогда не смогу

отблагодарить тебя за то, что ты спас меня.

— Ну что ты, Пенни…

— Помолчи, Джеймс. Я забронировала билеты для себя и Мэй. И послала ответ.

— Вот как? И какой же?

— «Возвращаюсь немедленно. 007 задерживается в госпитале на три недели для восстановительного лечения».

— Три недели — это прекрасно.

— Я тоже так подумала, — ответила она и, развернувшись, медленно зашагала к отелю.

— Сьюки, ты действительно распорядилась, чтобы мой багаж перенесли к тебе в номер? — спросил он, вернувшись за столик. — Ах, ты, распутница!

— Все, что ты купил сегодня днем, включая твой чемодан.

Бонд улыбнулся:

— Но как же так? Ты ведь принцесса, а я…

— Мы назовем эту книгу «Принцесса и нищий».

Девушка одарила Бонда озорной улыбкой с каплей страсти.

— Может, я и не так богат, как вы, принцесса, но нищим меня тоже не назовешь.

— Не беда. При местных ценах им не так уж и

трудно стать…

Солнце скрылось за горизонтом, окрасив небо и все вокруг в алый цвет, а со стороны Мэллори-сквер донеслись восторженные возгласы и аплодисменты.

JAMES BOND WILL RETURN, ЁПТА